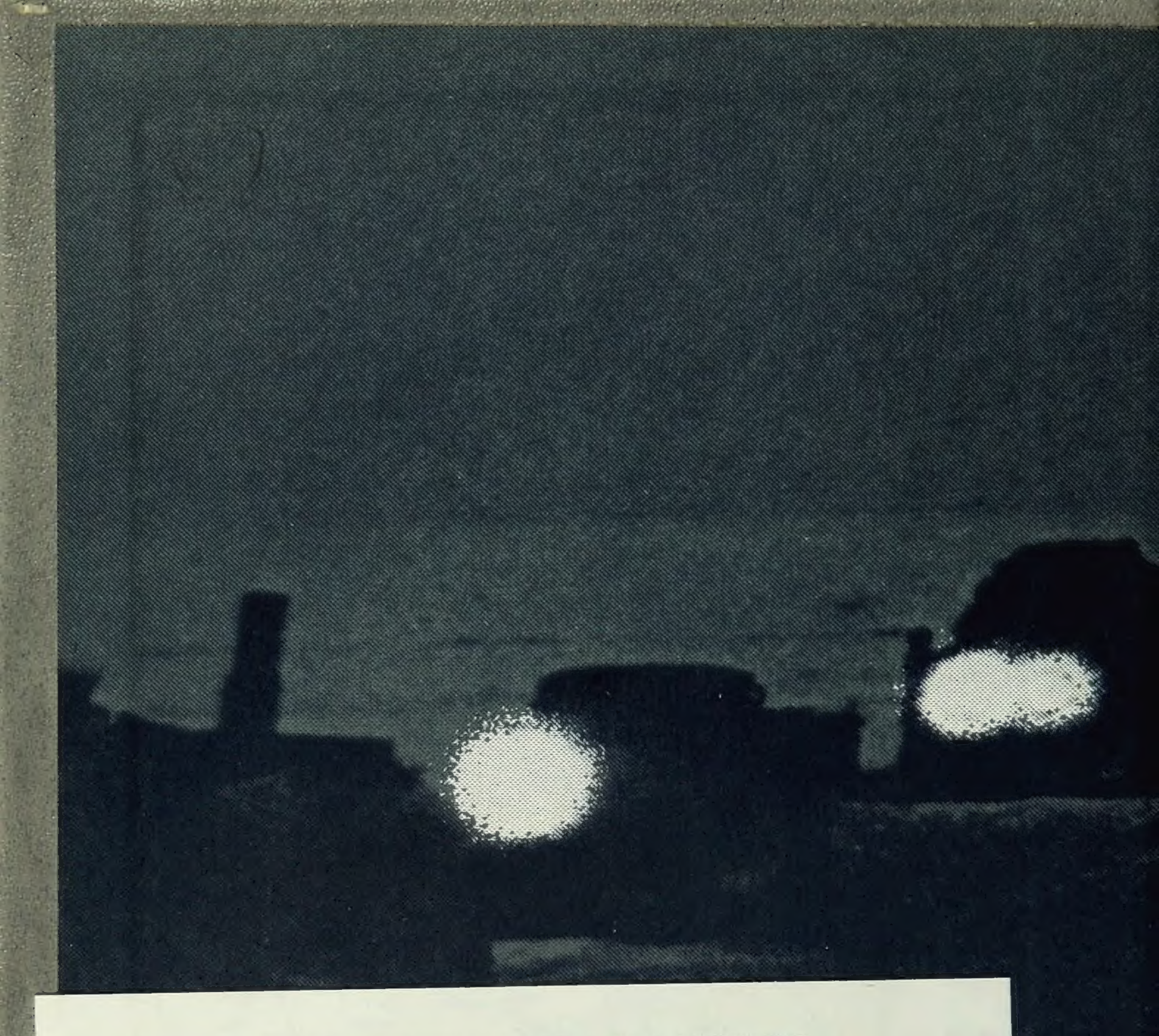
Д. В. ПАВЛОВ

ЛЕНИНГРАД В БЛОКАДЕ

ЛЕНИЗДАТ

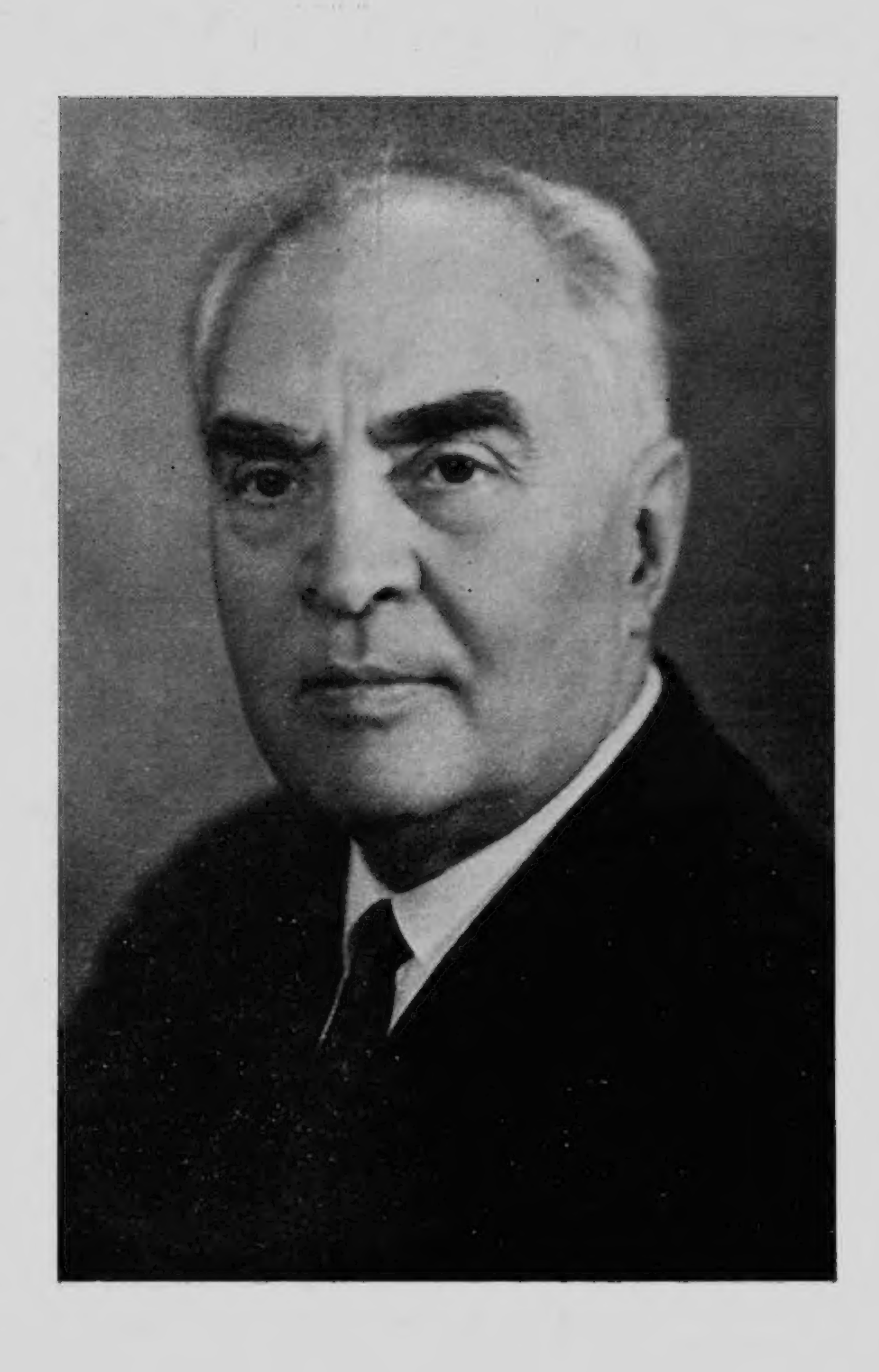

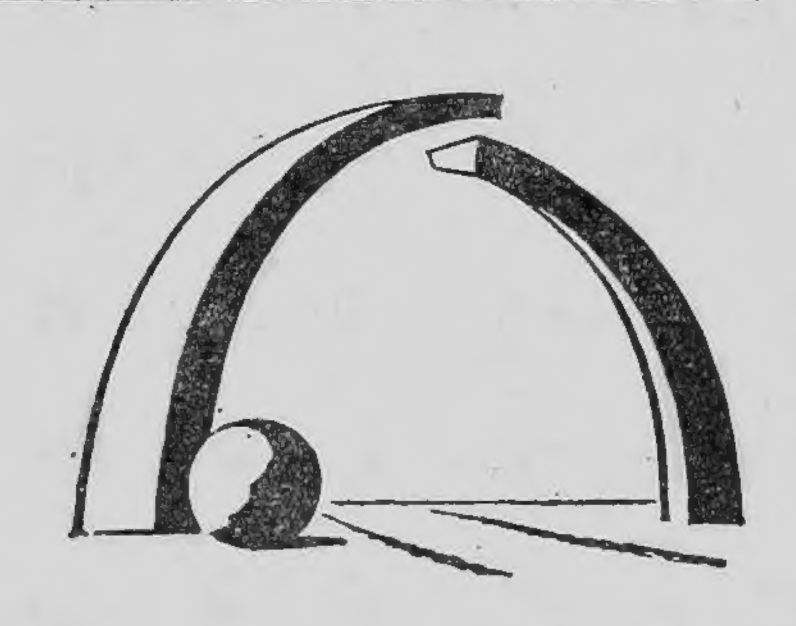
Какие силы
помогли выстоять
городу Ленина ?
Источником стойкости,
проявленной
Ленинградом
в самую трудную пору
блокады,
являлось руководство
Коммунистической партии.
Высокий
морально-политический
дух народа и его армии,
их твердая решимость
отстоять Родину.
Изумительное по силе
проявление массового
бесстрашия,
коллективного
героизма.

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ НЕПОБЕДИМЫ

Д. В. ПАВЛОВ

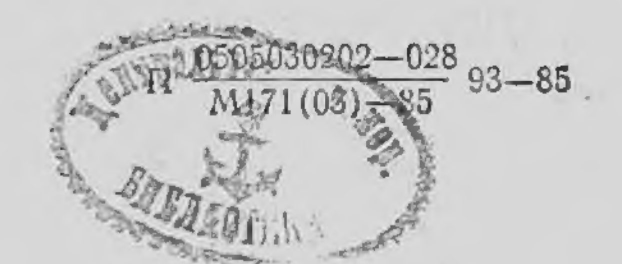
ЛЕНИНГРАД В БЛОКАДЕ

ЛЕНИЗДАТ · 1985

9(с)27
П12

Издание 6-е, исправленное и дополненное

П 0505030202—028 / М171(03)—85 93—85

ОТ АВТОРА

В грозное, неимоверно тяжелое время блокады я работал в Ленинграде уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием и потому многое знал, видел, пережил. Именно это обстоятельство дало мне основание написать данную книгу.

Позади остались тяжкие дни голода, лишений, артиллерийских обстрелов, пожаров, невыносимой стужи в неотапливаемых домах, кладбища, заваленные трупами. Однако в книге я старался изложить не только факты, но и передать атмосферу, в которой жили осажденные, их непреклонную волю к победе в титанической борьбе с лютым и сильным врагом. Величие всякого подвига познается тогда, когда люди до конца представляют себе, в какой обстановке он был совершен.

Суждения, высказанные мною по поводу излагаемых событий, основываются на данных, которыми я располагаю, а также на впечатлениях от пережитого.

За последние десятилетия издан ряд книг советских и зарубежных авторов, посвященных битве за Ленинград. Интересные факты и выводы содержат эти книги, но в некоторых из них допускаются измышления и грубые отступления от истины, на что я счел своим долгом дать ответ.

Общественный интерес к блокадной теме не ослабевает. После Великой Отечественной войны выросли новые поколения людей, они стремятся лучше понять драматические события тех суровых лет, глубже осмыслить прошлое. В данном издании книги учтены многие пожелания читателей: некоторые факты и события освещены более подробно, чем в предыдущих.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность тем читателям, которые прислали мне свои отзывы, замечания и пожелания по первым изданиям книги.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ
(июнь — сентябрь 1941 года)

1

За короткий срок нацистская Германия, под различными предлогами, захватила ряд соседних с нею государств, не понеся при этом сколько-нибудь значительных потерь. Имя Адольфа Гитлера не сходило с уст политических деятелей Запада. Одни видели в нем опасного претендента на мировое господство, другие возлагали на него большие надежды в борьбе с «красной опасностью».

Сам Гитлер был в восторге от ошеломляющего военного успеха: западные страны, за малым исключением, лежали у его ног. Льстило его честолюбию и то, что его расчеты, вопреки сомнениям генштаба и руководителей вермахта, оправдались: немецкая армия не встретила серьезного сопротивления. Но фюрер мечтал о другой, несравнимо большей победе. Наступило время, как ему казалось, когда можно осуществить давно вынашиваемую им мысль — напасть на Советский Союз. Гитлер знал, что его желание отвечало настроениям промышленных и военных кругов Германии. Для будущей «великой Германской империи» нужно жизненное пространство, а его можно получить только войной на Востоке. Кто может помешать выполнить эту историческую задачу? Момент благоприятный. Вся Европа в его власти, а на другом конце земного шара, выжидая выгодного для себя момента, поднималась Япония в тайном союзе с Германией.

В обстановке победного угара среди командного состава фашистской армии распространялось мнение, что для разгрома советских войск потребуется восемь — десять недель. Под завесой лживых речей фашистских деятелей о соблюдении договоров, улыбок и поклонов Германия скрытно, энергично готовилась к коварному удару. В тщательно разработанных планах нападения

на СССР и последующих боевых операций предусматривалось, что военная мощь Советского Союза должна быть уничтожена до наступления осенней распутицы 1941 года. Правительство нацистской Германии под впечатлением одержанных побед на западе и информации, которой оно пользовалось, считало, что восточный гигант будет в короткий срок разбит. О таком убеждении свидетельствует тот факт, что Гитлер на секретном совещании с командующими армиями 5 декабря 1940 года сказал: «Следует ожидать, что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции»[1]. А немного позднее, 9 января 1941 года, он дополнил свое высказывание, заявив: «Русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев. Гигантские пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами... Когда эта операция будет проведена, Европа затаит дыхание»[2]. Таковы были «гранитные основы» политики фюрера.

Весной немцы стянули большое число дивизий на свою восточную границу, а в июне перебросили с запада на восток весь воздушный флот. Рано утром 22 июня 1941 года по приказу правительства нацистской Германии фашистские войска огненной лавой обрушились на границы СССР от Балтийского до Черного моря и устремились в глубину его территории по заранее намеченным направлениям. Перед войсками была поставлена задача занять в короткий срок территорию европейской части СССР до линии Архангельск — Астрахань.

Так разразилась невиданная по масштабам боевых действий, упорству, кровопролитию и жертвам война нашей страны с нацистской Германией.

Военные действия для СССР начались в крайне неблагоприятных условиях. Внезапный концентрированный удар отмобилизованной и хорошо подготовленной фашистской армии по войскам наших приграничных округов поставил их в тяжелое положение. Советские Вооруженные Силы понесли крупные потери, особенно

---

[1] Итоги второй мировой войны: Сб. статей/Пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1957, с. 73.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!». М.: Наука, 1967, с. 159.

значительный урон понесла авиация, и, как следствие этого урона, советские воины долгое время мучительно ощущали господство авиации противника над полем боя. Враг с первых дней войны захватил стратегическую инициативу и по всему фронту далеко продвинулся в глубь нашей территории.

В июле многие немецкие генералы считали войну фактически выигранной. Удар был действительно ошеломляющим, потрясшим советских людей, но считать войну проигранной — такой мысли не было ни у воинов, ни у мирных тружеников, ни у правительства. Вторжение врага вызвало чувство гнева и глубокой тревоги за судьбу Отечества у наших людей. Народ по призыву партии и правительства поднялся на защиту своей страны, понимая, что от исхода борьбы зависит будущее Родины.

С самого начала войны в боях принимали участие не только солдаты, но и гражданское население — рабочие, крестьяне, служащие. Вот этого-то существенного фактора — морального единства, силы духа нашего народа немецкие политики и военные стратеги не учли, когда готовились к нападению и когда считали войну выигранной в первые недели боев. Эту же ошибку допускают и некоторые западные историки, изучающие итоги второй мировой войны, но о них будет сказано дальше.

Действующие войска Германии делились на три группы: северную, центральную и южную. Мы кратко проследим развитие военных действий на северо-западе, поскольку темой данной книги является Ленинград и связанные с ним события. На этом направлении наступала северная группа немецких войск, которая была сосредоточена перед началом войны в Восточной Пруссии. В состав этой группы входили 16-я и 18-я армии и 4-я танковая группа, всего 29 дивизий, общая численность войск достигала примерно 500 тысяч человек. Войска были отлично вооружены и оснащены совершенными средствами связи. Командование группой «Север» Гитлер возложил на генерал-фельдмаршала фон Лееба.

Лееб, 1876 года рождения, перед приходом Гитлера к власти занимал должность командующего VII военным округом в чине генерал-лейтенанта. Гитлер, как об этом свидетельствуют документы, относился к Леебу сдержанно за его религиозные убеждения, острый язык и недоброжелательные высказывания о национал-социалистах. Но, учитывая его деловые качества, а также

то, что Лееб пользовался поддержкой офицерского корпуса как представитель «старой гвардии императорских кадровых офицеров», Гитлер назначает его командующим 2-й армейской группой. В 1938 году Лееб участвует в оккупации Судетской области. В 1940 году он выдвигается на пост командующего армейской группой «Ц». Под его командованием немецкие войска осуществляют прорыв линии Мажино. За одержанную победу во Франции в июле 1940 года Лееб торжественно производится в чин генерал-фельдмаршала и награждается рыцарским крестом. Оценивая Лееба как способного генерала, Гитлер решается доверить ему осуществление плана нападения на Советский Союз на северо-восточном направлении.

Леебу поручалось уничтожить части Советской Армии, расположенные в Прибалтике, и форсированно развивать наступление через Двинск, Псков, Лугу, захватить все военно-морские базы на Балтийском море и к 21 июля овладеть Ленинградом. Преисполненный желанием оправдать «высокое доверие», Лееб с большим усердием приступил к выполнению ответственной части плана «Барбаросса».

У солдат и офицеров немецкой армии было приподнятое состояние духа. Они смотрели на себя, как на могучих голиафов, сметающих на пути все преграды. Буйные силы реваншистов всячески поддерживались и разжигались печатью, радио, речами фашистских государственных деятелей, которые готовили армию к новым победам, грабежам и насилиям на обширных пространствах Востока.

22 июня враг обрушился на части прикрытия 8-й и 11-й советских армий. Удар был настолько мощным, что вскоре наши войсковые соединения потеряли связь со штабами своих армий. Силы наступающего врага были так значительны, что, несмотря на храбрость и стойкость советских воинов, разрозненные части не смогли остановить фашистские полчища. К исходу первого дня войны соединения вражеской 4-й танковой группы прорвали линию обороны и бросились вперед.

С первого дня войны Прибалтийский военный округ был преобразован в Северо-Западный фронт, который имел в своем составе 13 стрелковых, 2 мотострелковые и 4 танковые дивизии. По количеству войск силы Северо-Западного фронта были меньше наступающей группировки Лееба, кроме того, немцы имели превосходство в танках, автоматах и особенно в авиации. Но

главное преимущество врага состояло в том, что он имел возможность наносить удары нашим войскам по частям, пользуясь тем, что советские дивизии были разбросаны и находились далеко от границы. Строительство Либавского, Шауляйского и других укрепрайонов не было закончено к моменту нападения гитлеровских полчищ. Против концентрированных сил противника вначале сражались части прикрытия Северо-Западного фронта, потом моточасти, затем резервы, которые подходили на пятые — седьмые сутки с начала войны с дальних мест своего расположения.

При такой дислокации наших частей немецко-фашистские войска имели явное превосходство в силах и одерживали победы, хотя и несли при этом тяжелые потери.

Действия советских войск осложнялись еще тем, что дороги оказались забитыми огромными людскими толпами. Строительные рабочие укрепполосы (более 80 тысяч человек) и беженцы из приграничных районов двинулись в глубь страны, преграждая путь войсковым соединениям. Рабочим, семьям военнослужащих, многим колхозникам пришлось покинуть свои дома внезапно; большинство из них не успели захватить даже верхнюю одежду. Немало взрослых и детей погибло в пути от вражеских бомб и пулеметов.

Через несколько дней войска фон Лееба, захватив Литву и Латвию, вступили в пределы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Передовые моторизованные части устремились к Пскову. Действия вражеских полевых войск активно поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 760 боевых самолетов. С севера на Ленинград наступали через Карельский перешеек финские войска в составе 7 пехотных дивизий.

10 июля танковые части противника, прорвав фронт 11-й армии к югу от Пскова, широким потоком двигались к Луге. До Ленинграда оставалось 180—200 километров; при том стремительном темпе продвижения, который немцам удалось взять с первых дней войны, им требовалось 9—10 дней, чтобы подойти к стенам города. Силы противника на 10 июля еще намного превосходили боевую мощь нашего Северо-Западного фронта. Лееб располагал 23 дивизиями, общая численность его войск составляла 340 тысяч солдат и офицеров. Он имел более 6000 орудий и минометов, 326 танков и большое число самолетов. Противнику противостояло

не более 150 тысяч советских бойцов. В тылу наших войск к этому времени не было хорошо подготовленных оборонительных рубежей. Строительство Лужской оборонительной полосы было далеко не закончено. Положение создалось чрезвычайно опасное.

11 июля, в самый разгар боевых действий, в Ленинград по приказу правительства СССР прибыл главнокомандующий Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он ясно видел и трезво оценивал обстановку на фронте, сложившуюся крайне неблагоприятно для наших войск. Но он также хорошо знал душу нашего народа, предпочитающего смертельную борьбу хотя бы одному трусливому шагу.

Опираясь на единство народа, на его страстное желание разбить врага, советское командование при активной помощи партийной организации города привлекает все имеющиеся в его распоряжении средства для борьбы с наступающими силами противника. Производится мобилизация людей и материальных ресурсов для отражения атак немцев и строительства дополнительных оборонительных сооружений на близких и дальних подступах к Ленинграду. Спешно формируются бригады морской пехоты из личного состава кораблей, военноморских частей и училищ. Более 80 тысяч человек Балтийский флот направляет на сухопутный фронт. И надо сказать, что морские пехотинцы в борьбе с фашистами показали образец самоотверженности и отваги.

По призыву партии и правительства ленинградцы в короткий срок сформировали 10 дивизий народного ополчения, сыгравших выдающуюся роль в защите города.

Заявления о вступлении в ряды народного ополчения поступали тысячами; военкоматам не под силу было быстро произвести правильный отбор добровольцев. Основную работу взяли на себя партийные организации. Как проходила эта работа, позднее в беседе со мной рассказал активный участник битвы за Ленинград секретарь парткома Кировского завода М. Д. Козин:

— В течение нескольких дней июня и июля в партком поступило около пятнадцати тысяч заявлений от рабочих и служащих завода. Создали штаб при парткоме. Нужно было знать каждого, подавшего заявление, и определить, насколько он подходит для армии, и

в то же время не лишить производство опытных специалистов, не нарушить ритм выпуска боевой техники.

Добровольно ушли на фронт пятнадцать секретарей цеховых партийных организаций, большая часть коммунистов и комсомольцев. Численность коллектива значительно уменьшилась, а перед заводом стояла задача не только не снижать темпов производства танков и артиллерийских орудий, а всемерно наращивать их выпуск. Зная обстановку на заводе, вернулись пенсионеры — ветераны труда, пришли на работу женщины, подростки. При их помощи завод выполнял план производства танков и полковых пушек. В августе при плане сто восемьдесят танков выпустили двести семь, сверхплановые танки были переданы Ленинградскому фронту с разрешения главнокомандующего. В это время каждый танк имел неоценимое значение в борьбе с наступающим противником.

— Я не оговорился, — сказал Козин, — танки, выпущенные с конвейера, направлялись только туда, куда указывало главнокомандование. Дисциплина была военная, и никто не смел ее нарушить. Очень отрадно то, что на заводе люди работали с энтузиазмом, и только благодаря их инициативе, ударному труду и изобретательности в приемах работы коллектив кировцев перевыполнял план в условиях, вам хорошо известных, — обращаясь ко мне, добавил М. Д. Козин.

Примерно такая же работа по отбору добровольцев, желающих вступить в ряды народного ополчения, проводилась партийными организациями и на других заводах.

Личный состав ополченческих дивизий был крайне пестрым: молодежь, впервые взявшая винтовки, и люди зрелого возраста, имевшие опыт гражданской войны; одни — физически крепкие и выносливые, другие — слабые здоровьем. На скорую руку добровольцы проходили обучение и спешно направлялись на фронт.

Уже 10 июля воины 1-й Кировской дивизии народного ополчения выехали на фронт и заняли оборону в восточном секторе на левом фланге Лужского рубежа. Они преграждали путь противнику на Новгород. Вскоре на этот же рубеж прибыли еще две ополченческие дивизии. Они отбивали яростные атаки наступающих частей фашистской армии. Недостаточная подготовка новых формирований и их слабая вооруженность повлекли за собой немало жертв. Только суровая необходимость вынуждала к таким мерам.

Для поддержания войск на Лужском направлении были привлечены авиационные части Балтийского флота и Северного фронта. Они оказали значительную помощь наземным войскам в борьбе с танками противника. В районе Сольцы советские войска нанесли контрудар по частям 4-й танковой группы противника, глубоко вклинившимся в нашу оборону. Враг понес крупные потери и был отброшен на этом участке фронта на 40 километров.

Быстрые и решительные меры, принятые командованием по мобилизации людей, их вооружению и переброске к линии фронта, позволили в критический момент укрепить наши позиции на Лужском оборонительном рубеже. Однако главную силу сопротивления врагу составили не занимаемые нами позиции (они были сооружены наспех и не представляли значительного препятствия для танков), а упорство, стойкость солдат и офицеров. Все их душевные силы были направлены на то, чтобы не пустить врага к Ленинграду, отсюда рождалась их беззаветная храбрость в борьбе с танками противника.

Советское командование одновременно форсировало строительство оборонительных полос вокруг Ленинграда, где ежедневно работало до 500 тысяч человек. На заводах круглые сутки изготовлялись сборные железобетонные орудийные и пулеметные огневые точки, броневые артиллерийские доты, железобетонные пирамидные надолбы, которые густой сетью устанавливались в укрепленных районах.

Упорные атаки немцев, их усилия прорвать оборону и броситься вперед к заветной цели — Ленинграду ни к чему не привели. На большом пространстве валялись их подбитые танки и необозримое количество убитых. Понеся потери, враг вынужден был перейти к обороне. Лееб стал подтягивать растянувшиеся части своих полевых армий и боевое обеспечение войск. Стянув значительные силы и перегруппировав части, немцы при поддержке крупных сил авиации, особенно пикирующих бомбардировщиков, 8—10 августа перешли в наступление. Им удалось в некоторых местах прорвать нашу оборону и клиньями продвигаться к Ленинграду. Правда, темп наступления вражеских дивизий был уже не тот, что в первые дни войны. Сопротивление врагу с каждым днем возрастало. Если до 10 июля немцы продвигались в среднем со скоростью 26 километров в сутки, то в остальные дни июля их темп продвижения

сократился более чем в пять раз, то есть не превышал 5 километров, а в августе он составлял не более 2,2 километра в сутки, причем каждый километр пути устилался трупами фашистских солдат. И все же вражеская армия еще была сильна. В воздухе преобладала авиация противника, причинившая много бед нашим наземным войскам.

Отжимая советские части, фашистские войска с каждым днем все ближе и ближе подходили к своей заветной цели. Их путь освещался пожарами, порывы ветра доносили пепел и дым в предместья Ленинграда. С щемящей болью в груди население покидало рабочие поселки, города, села, уничтожая при этом посевы, угоняя скот, и по многочисленным полевым и шоссейным дорогам двигалось на восток. Главная масса беженцев остановилась в Ленинграде.

2

20 августа собрался партийный актив Ленинграда. С сообщением о положении на фронте выступил К. Е. Ворошилов. Он показал на карте расположение противника и наших войск. Линия фронта была ломаная, на Красногвардейском (Гатчинском) участке враг подошел довольно близко к Ленинграду. Ударные силы немцы сосредоточили на передней линии. На это обстоятельство обратили внимание актива К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов. Затаив дыхание, слушали коммунисты каждое слово о мерах борьбы с врагом, намечаемых командованием. «Положение, как видите, довольно трудное, — говорил К. Е. Ворошилов, — но у нас есть возможность не только задержать продвижение противника, но разбить его и уничтожить. Имейте в виду, что враг разовьет бешеную атаку, будет применять и авиацию, и артиллерию. Артиллерии у нас хватит. Поединок мы с ним организуем неплохой. Надо производить больше снарядов, мин и минометов. Врага мы не только не пустим в Ленинград, но и расколотим его здесь. Ленинград станет для него могилой».

Выступая на этом же активе, А. А. Жданов сказал: «Наступил момент, когда все большевистские качества должны быть приведены в действие. Без всякой фразеологии готовиться к защите Ленинграда. Здесь должно быть организовано тесное взаимодействие между подступами к городу и самим городом. Задача состоит в том, чтобы накоротке обучить людей самым главным,

самым необходимым приемам борьбы: стрельбе, бросанию гранаты, уличному бою, рытью окопов, переползанию. Молодежь и подростков необходимо привлечь на вспомогательные работы в рабочих батальонах: подноска снарядов, воды, для связи и т. д. Надо сделать так, чтобы никто не был простым наблюдателем, и провести в самое минимальное время такую же мобилизацию трудящихся Ленинграда, как это было сделано в 1918—1919 годах. Нужно побороть в себе элементы неорганизованности и благодушия. Враг у ворот. Вопрос стоит о жизни и смерти. Либо рабочий класс Ленинграда будет превращен в рабов и лучший его цвет будет истреблен, либо соберем все в кулак и ответим двойным ударом, устроим фашизму могилу под Ленинградом. Все зависит от нас. Будем крепкими, организованными, сильными, и победа будет за нами»[1].

Речи Ворошилова и Жданова были краткими, предельно ясными, указывающими пути борьбы с врагом, требующими одного — разбить и уничтожить врага у стен Ленинграда.

Утром 21 августа внимание населения города было приковано к опубликованному обращению Военного совета фронта, горкома партии и Ленинградского Совета депутатов трудящихся к народу. Обращение отражало подлинную обстановку и настроение людей:

«Товарищи ленинградцы, дорогие друзья!

Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей Родины. Но не бывать этому. Ленинград — колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны никогда не был и не будет в руках врагов, не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немецко-фашистским разбойникам.

Никогда не бывать этому...

---

[1] Слова К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова приведены по записям автора.

Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы. Выполним наш священный долг советских патриотов и будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе. Вооруженные железной дисциплиной, большевистской организованностью, мужественно встретим врага и дадим ему сокрушительный отпор».

Воззвание поднимало из глубин человеческих душ новый прилив сил, ярости и гнева к врагу, подавляя тревогу и горечь на сердце от известия, что фашистам удалось подойти близко к Ленинграду. Воззвание как набат звало всех людей на защиту города, своих семей, своей чести и свободы. Мужчины, женщины, преисполненные решимости во что бы то ни стало отстоять город, спешили к тому месту работы, куда их посылали руководители.

К большой чести организаторов защиты Ленинграда, они быстро и умело расставили сотни тысяч людей на участки, решающие судьбу обороны. Одни направлялись в ряды народного ополчения, партизанские отряды, на строительство оборонительных рубежей, в госпитали ухаживать за ранеными, другие — на фабрики и заводы производить больше оружия, обеспечивать солдат обмундированием. Никто не оставался в стороне. Каждый житель города горел священным огнем ненависти к захватчикам. Общая воля трехмиллионного населения создавала несокрушимую силу.

Партийная организация развернула энергичную работу по отбору волевых и физически сильных добровольцев для партизанской борьбы. Военный совет направил в тыл неприятельской армии несколько отрядов численностью до тысячи человек каждый. Давая указания командирам партизанских отрядов, К. Е. Ворошилов говорил: «Противник дерзок, нахален, рассчитывает на нашу неорганизованность, продвигаясь вперед небольшими группами без разведки, полагая, что Советская власть никому не нужна и бояться некого, мер предосторожности принимает мало, нужно этим воспользоваться. У нас мало сил, требуется некоторое время, пока окрепнем. Противника надо задержать ударами по тылам, по коммуникациям, главным образом в ночное время. Зарвавшегося врага надо крепко бить с тыла. У вас в отрядах будут потери, но враг потеряет

в десять раз больше. Вас поддержит население в этом патриотическом движении»[1].

Климент Ефремович не ошибся. Последующие события показали, что почва для партизанского движения была подготовлена. Обширные районы древних русских земель Псковщины, Новгородчины опустошались врагом. Трудно найти дом, семью на этих землях, где бы не оплакивали погибших родных. Пепелища, поруганная честь взывали к мщению, и люди, оставшиеся в тылу вражеских армий, шли в партизанские отряды. Их жизнь полностью была отдана борьбе с фашистскими захватчиками. Никакие карательные экспедиции не могли остановить волну народного гнева против захватчиков.

В тылу неприятеля с нарастающей силой расширялось партизанское движение. Крестьяне уходили в леса, устраивали засады, нападали на небольшие немецкие подразделения, автомашины. Вскоре это стихийное движение приняло организованный характер в широком масштабе.

27 сентября 1941 года был создан штаб партизанского движения, во главе которого назначен секретарь Ленинградского обкома партии М. Н. Никитин. Штаб направлял боевые действия народных мстителей. Они уничтожали мосты, склады и базы снабжения врага, разрушали посадочные площадки для самолетов, нападали на гарнизоны и воинские части, передавали важные сведения о передвижении вражеских войск советскому командованию.

Ущерб, нанесенный неприятелю, был настолько велик, что фашистам пришлось снимать крупные войсковые части с фронта на борьбу с партизанами.

«Уже в первые месяцы войны, — по признанию генерал-полковника немецких войск Лотара Рендулича, — деятельность партизан стала принимать все более широкие размеры... Весной 1942 года они уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии, поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы... снимать отдельные части с фронта. Основная масса партизан состояла из добровольцев из местного населения»[2].

---

[1] Слова К. Е. Ворошилова приведены по записям помощника К. Е. Ворошилова — генерал-майора Л. А. Щербакова.

[2] Итоги второй мировой войны, с. 146—147.

О деятельности партизан, об участии колхозного крестьянства в войне обстоятельно рассказано в нашей литературе. Мне нет нужды говорить об этом подробно. Можно лишь сказать, что Гитлер и его окружение не предвидели, до каких высот героизма способен подняться советский народ, защищая от врага свою Родину.

Городской комитет партии, райкомы установили постоянное наблюдение за работой важнейших промышленных предприятий. Между заводами была полная взаимосвязь и хорошо поставленная кооперация, что обеспечивало высокую производительность. Заводы и фабрики, выпускающие предметы потребления, на две трети своей мощности были переключены на выпуск боеприпасов, средств связи, электротехнического оборудования и другой военной продукции.

В ответ на призыв Военного совета, горкома партии все трудоспособное население, как и в июле, вышло на строительство оборонительных сооружений вокруг Ленинграда и второй защитной полосы, проходившей по линии: Финский залив — поселок № 3 — станция Предпортовая — Окружная железная дорога — Рыбацкое — Уткина Заводь — Сосновка — станция Ржевская — Новая Деревня — Старая Деревня — Финский залив. Вся зона разбивалась на семь секторов. Во внутренней оборонительной полосе, так же как и на подступах к городу, были созданы противотанковые рвы и стрелковые окопы полного профиля с развитой системой ходов сообщения. Укрепрайоны вооружались артиллерией, им придавались морские орудия как стационарные, так и корабельные. Каждая батарея имела заранее отведенную для нее полосу ведения огня.

В защите города, в создании оборонительных рубежей весьма важная роль принадлежит секретарю горкома партии, члену Военного совета фронта А. А. Кузнецову. О нем я хочу рассказать несколько подробнее, так как его жизненный путь — это путь революционера молодого поколения, пламенного патриота Родины, его имя неотделимо от героической обороны Ленинграда. С тех пор прошло много лет, Кузнецова — увы! — уже нет в живых, но, вспоминая о нем, я как бы вновь приобщаюсь к чему-то чистому, дорогому. Судьба Алексея Александровича, его светлый образ волнует мой ум и сердце до сих пор.

Кузнецов отвечал требованиям времени, которые история предъявила к поколению строителей социали-

стического общества. А. А. Кузнецову было 36 лет, когда началась война. Подтянутый, худощавый, с большими серыми глазами, всегда приветливый, он располагал к себе людей. Воспитанник комсомола, двадцатилетним юношей вступил он в партию. В 1929 году избирается секретарем Лужского окружкома ВЛКСМ. В Луге произошло мое первое знакомство с Кузнецовым. Я работал в окружном отделении Госторга, в задачу которого входила заготовка пушнины. Вскоре по приезде Кузнецова я обратился в окружком ВЛКСМ с просьбой помочь силами комсомольцев довести до сведения промысловиков-охотников новый прейскурант цен на шкурки зверя. Новые цены были выше прежних и призваны были стимулировать расширение промысла. Кузнецов, выслушав меня, спросил, сколько заготовляется в год шкурок зверя и какого, соблюдаются ли правила охоты.

После моего ответа, что правила охоты далеко не везде соблюдаются, он задумался и проговорил:

— Указания дадим, но цифра заготовок шкурок белки меня смущает. Не уничтожим ли мы ее в здешних лесах?

Замечание секретаря комсомола меня удивило. Ведь он городской человек, далеко стоящий от заготовок пушнины и проблем охотничьего промысла, а как быстро уловил, какую опасность несет большой отстрел белки в лесах Лужского округа. Я не мог не оценить его деловитости и дальновидности. После беседы с ним я старался не пропускать собраний актива комсомольских работников, на которых выступал Кузнецов.

На селе в 1929 году осуществлялась великая перестройка: индивидуальное землепользование заменялось общественным, артельным. Комсомольская организация, выполняя решения партии, проводила политмассовую работу на селе. Комсомольцы обходили сотни деревень, убеждая крестьян в преимуществах артельного ведения хозяйства.

В окружкоме комсомольцы откровенно рассказывали обо всем, с чем им приходилось сталкиваться в беседах с крестьянами. Кузнецов чистосердечно признавался, что он тоже испытывает трудности при ответах на такие вопросы: «Как будут распределяться доходы между членами артели — поровну или нет? Одни будут работать от зари до зари, другие больше спать, чем работать. У одного мужика пять-шесть душ неработаю-

щих, а у другого — одна-две. Кто все это будет учитывать и как?»

— Я отвечал так, — говорил Кузнецов. — При артельном ведении хозяйства каждый будет получать по труду, а кто не будет работать, тот ничего и не получит. А про себя думал: ведь люди разные. Есть лодыри и гуляки, их сразу не перевоспитаешь. А права в артели у всех равные. Нужна такая организация труда, чтобы решающее слово было за истинными тружениками. А вот как это сделать, представляю пока довольно туманно.

Многие из нас тогда не могли исчерпывающе ответить на волнующие крестьян вопросы. Иногда решения казались нам простыми: стоит только сменить плуг на трактор, устранить узкие полосы земли, создать большие площади пахоты, и дело пойдет. Кузнецов и все мы хотя и не имели полного представления об организации труда в будущих колхозах, но были глубоко убеждены в необходимости преобразований на селе.

Мне приходилось бывать с А. А. Кузнецовым на сельских сходах, где его засыпали колючими вопросами, слышать злые выкрики, даже угрозы. Но Алексей Александрович никогда не терялся. Остроумной фразой он срезал подкулачников, отвечал на вопросы темпераментно и обстоятельно. В конце схода атмосфера в зале менялась. Кузнецов приобретал много друзей. Как-то уходя с собрания в окружении комсомольцев, он был задумчив. Кто-то сказал, что если дело так пойдет и дальше, то вскоре единоличных хозяйств не будет. А. А. Кузнецов остановился, обвел всех глазами и тихо сказал:

— Рано и опасно впадать в восторг. На пути осуществления такой идеи, как коллективизация, стоит очень много препятствий, помех, противодействие темных сил. Вы же видели и слышали сами: даже те, кому в первую очередь надо быть в колхозе, встречают эту идею осторожно.

Кузнецов был превосходным рассказчиком. Он метко высмеивал зазнайство, хвастливость, разгильдяйство, но в таком добродушном тоне, что даже те, кого касалась его критика, не обижались, а исправлялись.

В беседе Алексей Александрович легко оживлялся, смеялся он от души, громко. Немного вытянутое лицо было выразительно; взглянув на него, сразу можно было увидеть, в каком расположении духа находится Кузнецов. Словом, это была впечатлительная натура, и все

переживания отражались на лице. Я любил Кузнецова за пыл души, за страсть к делу, за его постоянство, за его требовательность, за отсутствие какого бы то ни было позерства.

В начале 30-х годов его переводят на работу в Ленинград инструктором горкома партии, а затем — секретарем райкома. Преданностью делу, энергией, общительностью он быстро приобретает известность. В 1938 году ленинградские коммунисты выбирают его секретарем городского комитета партии. А на XVIII съезде партии, в 1939 году, Кузнецов был избран членом ЦК ВКП(б).

Началась война. Коварству врага надо было противопоставить прочные защитные меры. Ленинградская партийная организация показала образец быстроты и четкости в выполнении поставленных ЦК партии задач. В эти дни Кузнецова можно было видеть на заводах, в военкоматах, среди солдат, направляющихся на фронт. Он много усилий вложил в формирование ополченческих дивизий. Часто выезжал на передний край, беседовал с солдатами, вселял в них уверенность в победе, всемерно поддерживал командующих армиями в их смелых замыслах. Даже в самые тяжелые периоды борьбы он не терял самообладания. Решительный, быстрый, он своими действиями воодушевлял людей разных профессий на преодоление хозяйственных трудностей, на борьбу с врагом.

С продвижением немцев в глубь нашей территории Военным советом фронта была образована комиссия во главе с Кузнецовым по руководству строительством оборонительных полос вокруг Ленинграда. Перед комиссией встала необычайно сложная задача — в короткий срок создать вокруг Ленинграда неприступный для врага вал. Для этого строительства требовались ученые, специалисты, десятки тысяч рабочих, многие тонны металла, бетона, огромное количество лесоматериалов, надолб, ежей, колючей проволоки, противотанковых мин и многое другое. Один только перечень необходимых материалов красноречивей любых слов свидетельствовал о том, какую титаническую работу предстояло выполнить. Но изыскать материалы — это только часть дела. Надо завезти их, рассчитать и построить такие сооружения, чтобы они могли выдержать любой таран врага. Причем оборонная полоса должна была быть сооружена в считанные дни. Обладая редкой работоспособностью, Кузнецов умело устранял препятствия,

возникавшие в ходе строительства. Он хорошо знал производственные возможности крупнейших предприятий, был лично знаком с директорами и инженерными работниками заводов и привлекал их к выполнению заказов для необычной стройки.

И. В. Сталин неоднократно давал Кузнецову поручения по обороне города. И надо сказать, он всегда выполнял их четко и быстро. Высокое доверие не вскружило ему голову. Он оставался простым и доступным. Ясность мышления, смелость — характерные особенности его интеллекта. Ленинградцам моего поколения хорошо известно, как много значило слово Кузнецова в дни блокады.

Быстрые и продуманные меры, принятые ленинградцами, обеспечили строительство оборонительных полос на высоком инженерном уровне, что сыграло важную роль в защите Ленинграда.

Создание оборонительного вала в короткий срок само по себе является трудовым подвигом народа. Характер людей лучше всего познается в их поведении в решительные минуты. И ленинградцы показали свою душевную силу.

...В апреле 1920 года В. И. Ленин говорил: «...всякий раз, когда наступал трудный момент в войне, партия мобилизовала коммунистов, и в первую голову они гибли в первых рядах, тысячами они погибли на фронте Юденича и Колчака; гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения, спасут тысячи и тысячи рабочих и крестьян» [1].

И на этот раз партия была на страже: 70% состава партийной и 90% состава комсомольской организации Ленинграда взяли в руки оружие. Коммунисты и комсомольцы шли в бой первыми, преграждая путь врагу, проявляя стойкость, во имя той же святой цели подымая своим примером сотни тысяч беспартийных граждан. Родина и свобода, завоеванная кровью рабочих и крестьян, были в опасности. Население по призыву партии дружно встало на их защиту. Любовь к Отечеству всегда имела и имеет большую притягательную силу, но с особой силой она проявилась во время войны с фашистскими захватчиками.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 296.

3

Август оказался месяцем крайнего напряжения, особенно для тех, кто нес полную ответственность за военные действия. В эти горячие дни работники штаба почти не смыкали глаз. Шли тяжелые бои на ближайших подступах к Ленинграду. Все, кто имел оружие, были брошены в бой. Как никогда, требовалось неослабное руководство боевыми действиями. И в то же время опасность вторжения неприятеля в город отнимала много времени у командования на осуществление плана защитных мероприятий. Желая усилить оборонные меры, Военный совет Северо-Западного направления образовал 20 августа Военный совет обороны Ленинграда, возложив на этот орган: а) руководство работами по строительству оборонительной полосы вокруг и внутри города; б) обучение взрослого населения самым необходимым приемам ведения боя; в) увеличение выпуска вооружения и боеприпасов для нужд фронта и рабочих батальонов и ряд других функций.

Однако этот план Военного совета претерпел изменения.

21 августа К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов были вызваны к проводу для переговоров со Ставкой. Сталин довольно резко высказал свое недовольство тем, что Военный совет фронта без разрешения ГКО создал Совет обороны города, а также тем, почему Ворошилов и Жданов не вошли в этот орган, раз его образовали.

К. Е. Ворошилов ответил, что Военный совет обороны города создан как сугубо вспомогательный орган для проведения защитных работ в помощь до крайности перегруженному Военному совету Северо-Западного направления и что он и Жданов не вошли в Совет обороны города лишь потому, чтобы иметь больше времени для руководства боевыми действиями, от исхода которых зависит судьба Ленинграда. Ответственность же за оборону города неизменно остается на Ворошилове и Жданове, так как они стоят во главе Военного совета Северо-Западного направления и отвечают за все.

Их доводы Сталин отклонил, считая, что население поймет это решение так, что Ворошилов и Жданов не верят в оборону Ленинграда, и предложил пересмотреть персональный состав Совета обороны города.

Указание было тут же выполнено. Военный совет обороны города возглавил Ворошилов, а в его состав

вошли Жданов, Кузнецов, Субботин, Попков, Капустин. В горячие дни сражений образовалось два органа, возглавляемые, по существу, одними и теми же лицами. Это было правильно с точки зрения единства руководства, но практически приводило к путанице и смешиванию функций Военного совета направления и Военного совета обороны города.

События развернулись так, что деятельность этого неудачно созданного органа ограничилась всего шестью днями.

Государственный Комитет Обороны, учитывая сложившуюся на Северо-Западном направлении обстановку, а именно занятие финнами северного берега Ладожского озера, в связи с чем управление войсками от Ладоги до Мурманска стало невозможным из Ленинграда, 23 августа принимает решение разделить Северный фронт на два — Карельский и Ленинградский, а Северо-Западный фронт непосредственно подчинить Верховному Главнокомандованию. В связи с этим 30 августа Военный совет обороны Ленинграда упраздняется, а все его функции передаются Военному совету Ленфронта. Эти решения ГКО имели чрезвычайно важное значение и позволили:

командованию фронтов (Карельского, Ленинградского, Северо-Западного) руководить боевыми действиями войск на более коротком протяжении фронта и тем самым уделять больше внимания боевым операциям отдельных соединений и частей;

образовать более четкую систему руководства обороной Ленинграда.

4

Между тем немецкие дивизии, используя превосходство своих сил, вторгались все глубже и глубже в пределы нашей страны. 21 августа неприятельские части заняли станцию Чудово, перерезали Октябрьскую железную дорогу и через восемь дней овладели Тосно, развивая наступление на станцию Мга, район Ям-Ижора и Ивановское. После упорных боев 39-й моторизованный корпус противника 30 августа захватил крупный железнодорожный узел Мга. Последняя железная дорога, соединяющая Ленинград со страной, оказалась перерезанной.

Преследуя цель взломать нашу оборону и штурмом овладеть городом, немецко-фашистское командование

ввело в бой более тысячи танков, до тысячи самолетов, большое количество минометов и артиллерии; враг превосходил советские войска в боевой технике в пять-шесть раз. Противник охватил Ленинград со всех сторон, нанося концентрические удары с юга, юго-запада и севера. Наибольшего успеха добились части 16-й армии противника. Они стали обходить город с восточной стороны, продвигаясь по левому берегу Невы к Ладожскому озеру. Утром 6 сентября до 300 немецких бомбардировщиков на узком участке фронта произвели налет на войска 1-й дивизии НКВД, защищавшие подступы к Шлиссельбургу. Атаки авиации немцев продолжались в течение всего дня, одна волна бомбардировщиков сменялась другой. Дивизия понесла тяжелые потери в личном составе и материальной части. Несмотря на упорство советских летчиков в борьбе с авиацией противника, они не смогли изменить неблагоприятную воздушную обстановку на этом участке фронта. Наша авиация к этому времени все еще была малочисленна. Большие потери самолетного парка в первые дни войны давали себя знать. Вслед за атаками авиации противник вводил в бой танковые части.

Воины Советской Армии оказывали сопротивление врагу: как только самолеты неприятеля покидали поле боя, наши части переходили в контратаки, отбрасывая пехоту и танки противника. На следующее утро налеты немецкой авиации и атаки танковых частей усилились. Самолеты все время висели над головой бойцов дивизии НКВД. Под давлением превосходящих сил противника советские войска стали отходить; к 11 часам утра 8 сентября немецкие танки разъединили отступающие части 1-й дивизии. Одна группа с тяжелыми боями переправилась на правый берег Невы, другая — отступила на восток. Фашисты вышли на южный берег Ладожского озера и захватили расположенный у истоков Невы город Шлиссельбург.

Однако крепость, получившая в свое время название Орешек, отделенная узкой (150 метров) полосой воды от города, не сдалась немцам. За полуразрушенными стенами крепости закрепились триста пехотинцев и моряков во главе с капитаном Н. И. Чугуновым. Дружный и стойкий гарнизон отражал все попытки врага захватить Орешек. Фашисты выпустили тысячи снарядов, сбросили сотни бомб на крепость, но сломить волю ее защитников не смогли. Более того, артиллеристы крепости с высоты ее стен отлично просматривали

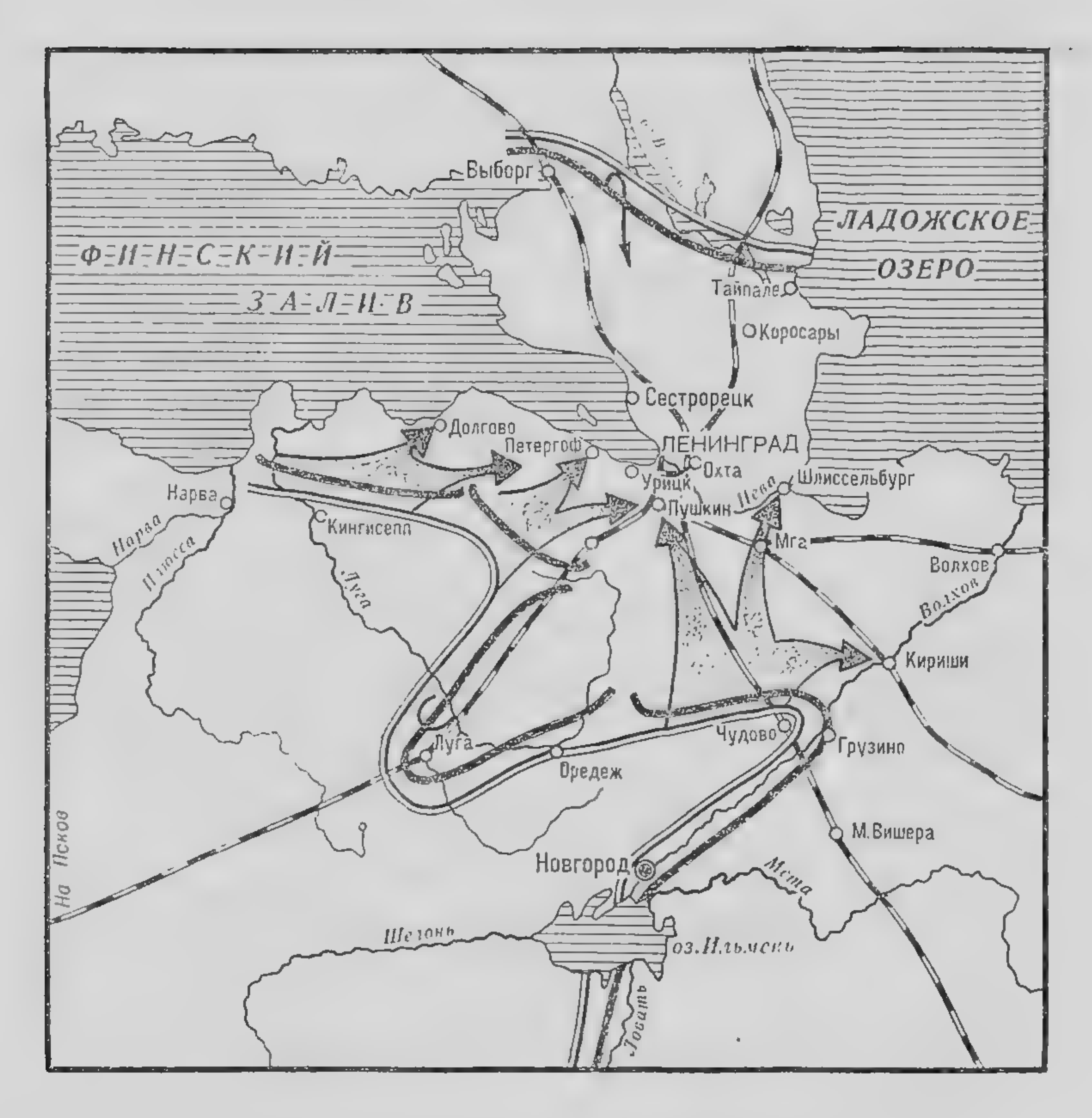

Схема 1. Положение сторон на Ленинградском фронте на 21 августа 1941 г.

город и каналы, заметив подходящую цель,— поражали ее без промаха. Враг нес потери. Над крепостью города реял флаг нашей Родины.

С 8 сентября Ленинград был блокирован с суши, а движение судов с Ладожского озера по Неве парализовано. В ночь на 9 сентября противник на участке Пороги — Шереметьевка пытался на плотах переправиться через широкую и полноводную Неву, но, понеся большие потери от огня рабочих отрядов, охранявших правый берег, от переправы отказался. Этот естественный рубеж явился надежным щитом для осажденных, под прикрытием которого они уверенно отбивали атаки противника. Попытки неприятельских войск прорваться к Ленинграду с юга успеха не имели. На 21 августа

в районе Луги наши части удерживали занимаемые оборонительные рубежи. Но в результате выхода противника к Красногвардейску с запада и наступления 16-й армии немцев через Чудово к Колпину советские войска, находившиеся в районе Луги, оказались в крайне тяжелом положении. Им грозило окружение, и они вынуждены были с тяжелыми боями отойти на север. 12 сентября немцы захватили Красное Село, Слуцк. Несмотря на многочисленные потери, они продолжали продвигаться вперед и 17 сентября вышли на южный берег Финского залива. Со стороны Урицка вражеские войска находились на самом близком расстоянии от Ленинграда. Враг захватил предместья, куда обычно ходили трамваи. Всего какие-нибудь 14—15 километров отделяли немцев от центра города. Фашисты видели невооруженным глазом окраины Ленинграда, заводские трубы, портальные краны верфей, купол Исаакиевского собора. Город Колпино оказался на линии фронта, а города Петергоф и Пушкин были оккупированы врагом.

С северной стороны наступающие финские войска 4 сентября заняли Белоостров, однако на другой день были выбиты из города. 5 сентября неприятель овладел городом Олонец, через два дня финны подошли к реке Свирь. После упорных боев им удалось форсировать реку и 12 сентября захватить Подпорожье. Гигантские клещи, охватившие Ленинград, сжимались. Оставалось преодолеть небольшое пространство, чтобы передовые части немецкой армии, наступавшие с юга, соединились с финнами. Близость желанной цели придавала неприятельским войскам силу и упорство для яростных атак на оборонительные линии советских войск.

Фашистская пропаганда, подогревая наступательный дух своих солдат, оповещала о том, что из Ленинграда эвакуируются учреждения, заводы, население и что город, не выдержав атак немецких войск и их союзников финнов, через несколько дней сдастся.

Генерал-фельдмаршал фон Лееб счел нужным обратиться к своим войскам по радио: «Солдаты, перед вами остатки большевистской армии. Еще один последний удар, и группа «Север» будет праздновать победу. Скоро битва с Россией будет закончена!»

Страшная опасность нависла над Ленинградом. Тяжелые бои шли днем и ночью.

В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ
(сентябрь 1941 года)

1

Ленинград переживал дни, полные тревоги и неожиданностей: участились налеты вражеской авиации, начались пожары и, что было самое опасное, истощались запасы продовольствия. Шестого сентября в Государственный Комитет Обороны поступила шифротелеграмма председателя Ленгорисполкома Попкова. Он сообщал, что в городе осталось очень мало продуктов питания, и просил указания об ускоренной доставке.

Седьмого сентября утром наркома торговли СССР А. В. Любимова и меня (в то время я занимал пост наркома торговли РСФСР) вызвали в Кремль. Когда мы вошли в кабинет А. И. Микояна, он сидел за большим столом, склонившись над бумагами. Увидев нас, Анастас Иванович поднялся, поздоровался, подошел к маленькому столику, взял отложенную от других шифротелеграмму и, передавая ее Любимову, сказал:

— Ознакомьтесь. По данным председателя Ленгорисполкома Попкова, запасы продовольствия в Ленинграде на исходе, он просит ускоренной доставки. Но как это сделать? Немцы перехватили последнюю железную дорогу, связывающую Ленинград со страной.

Прочитав телеграмму, Любимов заметил, что, по его расчетам, муки, зерна в Ленинграде должно быть несколько больше, чем указывается.

— Проверьте и доложите мне о размерах каждого вида продовольствия, — сказал Микоян.— Возможно,— добавил он, — кому-то из вас придется выехать в Ленинград и там вместе с Военным советом фронта принять более строгие меры в расходовании продуктов питания.

Мы оба заявили, что готовы выехать немедленно. Я высказался, что в интересах дела Любимову не следовало бы отлучаться из наркомата, так как предстоит ре-

шить много неотложных дел, связанных со снабжением эвакуированных граждан из западных областей. К тому же еще не закончен переход на карточную систему ряда городов. Микоян ничего не ответил, сказав лишь, чтобы мы находились у себя в наркоматах и что он даст знать, что делать дальше.

Около трех часов ночи мне позвонил Анастас Иванович и попросил приехать к нему. Очевидно, предстоит поездка в Ленинград, подумал я и не ошибся. В кабинете Микояна шло обсуждение какого-то важного вопроса. Присутствовало несколько человек, среди них заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. А. Малышев. Вскоре Микоян объявил перерыв и, обратившись ко мне, сказал:

— Товарищ Сталин поручил вам выехать в Ленинград в качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием. ГКО принял решение сосредоточить руководство снабжением населения Ленинграда и войск в одном органе — Военном совете фронта. Вам поручено установить строгий контроль за расходованием продовольствия и докладывать в ГКО о положении дел. Вылетайте утром, а удостоверение получите у товарища Поскребышева.

Я ответил, что приму все зависящие от меня меры.

— Продовольствие из центральных областей будет поступать на станцию Волхов, а оттуда по реке и Ладожскому озеру надо обеспечить его доставку в Ленинград,— добавил Микоян.

Мне трудно было представить, как это сделать, и я промолчал.

— Ставка,— продолжал Анастас Иванович,— принимает меры к деблокированию Ленинграда со стороны станции Мга, о чем дано распоряжение командующему 54-й армией маршалу Кулику. Передайте привет товарищам Ворошилову и Жданову и чаще телеграфируйте ГКО.

От Микояна я пошел в другой конец здания. Войдя в кабинет А. Н. Поскребышева, я увидел его рассматривающим бумаги за столом. Их было много, шифротелеграммы были разложены на несколько пачек.

— Подождите,— проговорил Александр Николаевич в ответ на мое приветствие, продолжая рассматривать донесения. Одни из них он клал в папку «Для доклада», очевидно особо срочные, требующие безотлагательного решения. Через несколько минут Поскребышев вышел

из-за стола. Меня удивил его вид: немного сутулый, нижняя челюсть выдавалась вперед, лицо в морщинах, глаза запавшие, воспаленные. Он показался мне стариком, хотя ему было только пятьдесят лет. Поскребышев вышел в другую комнату с папкой отобранных бумаг. Через пять-шесть минут он вернулся.

— Вы можете лететь,— сказал Александр Николаевич,— удостоверение вам будет доставлено.

Хотелось спросить его об обстановке, но не решился. Лучше, подумал я, не вступать в разговор: все равно он ничего не скажет.

Самолет поднялся с Внуковского аэродрома и взял курс на Череповец. Здесь сделали посадку. Командир корабля ушел в здание аэропорта для выяснения обстановки и долго не возвращался, а когда вернулся, сообщил, что полет разрешили только до станции Хвойная.

На аэродроме в Хвойной было людно, много военных и гражданских людей, спешивших по служебным делам в Ленинград, но на транспортные самолеты, до предела загруженные военными грузами, никого не разрешали брать. Пришлось представиться майору, командиру авиаотряда, и просить его как можно быстрее переправить нас в Ленинград. Со мною был полковник интендантской службы Д. И. Кокушкин, прикомандированный Наркоматом обороны для помощи мне в наблюдении за использованием продовольствия в войсках фронта. Майор стал объяснять, что лететь без сопровождения истребителей опасно, а их нет, и просил нас подождать до утра.

— Погода для «мессершмиттов» благоприятная, далеко видно, облачность высокая,— добавил он.

Доводы были резонные, но мы не смогли согласиться. Потерять день много значило для нашей предстоящей работы. Видя нашу непреклонность, майор с неохотой разрешил вылет. Он подошел к одному из шести подготовленных самолетов, переговорил с пилотом и дал нам знак на посадку.

Мы кое-как уселись среди тяжелых ящиков. Вскоре все шесть самолетов поднялись в воздух. Вооруженные пулеметами, они прикрывали друг друга и шли на бреющем полете — три-четыре метра над водой. Такая тактика в значительной мере предохраняла от опасности нападения «мессершмиттов», карауливших наши одиночные самолеты над озером. Группа транспортных кораблей обладала мощным, кучным огнем, и враг остерегался нападать на них.

Командир самолета — старший лейтенант пригласил

меня в кабину пилотов. Из нее было хорошо видно. Справа и слева на близком расстоянии от нашего корабля летели два таких же самолета. Такое же звено следовало за нами. Каждая машина тянула более двух тонн груза — то был предельный вес для ЛИ-2.

— Сколько вы делаете рейсов за день? — спросил я.

— Два,— ответил пилот.

— Устаете?

— Конечно. Но мы рады, когда успеваем сделать три оборота: доставляемые нами грузы помогают артиллеристам громить вражеские позиции.

Разговаривая, командир корабля Александр Данилович Калина пристально следил за небом. Зоркий глаз летчика далеко видел и все примечал. И как бы отвечая на мой незаданный вопрос, он сказал:

— «Мессершмитты» скрываются за облаками, сверху им легче нападать.

Вскоре в дымке солнечного утра показался Ленинград. Приземлились мы на Комендантском аэродроме. Перед нашим прилетом авиация противника бомбила его, но взлетная полоса не была повреждена. Прощаясь, старший лейтенант, пожимая мне руку, сказал:

— Если потребуемся, дайте знать — выполним любое задание.

Коренастый, собранный, с энергичным лицом, он располагал к себе, верилось в его решительность. Позднее я неоднократно убеждался в его отважности, верности своему слову и точности исполнения заданий. Но об этом несколько дальше.

Девятого сентября мы прибыли на землю осажденного Ленинграда и прямо с аэродрома поехали в Смольный. На тротуарах людей было мало, и все куда-то спешили, лица озабоченные, угрюмые. На улицах рвались вражеские снаряды. А погода стояла на редкость чудесная. Солнце озаряло дома, парки. Листья на деревьях горели яркими красками золотой осени. Неповторим в своей красоте Ленинград! Много пришлось мне видеть городов на белом свете, но равного ему не встречал.

Приехав в Смольный, я сразу же пошел к командующему фронтом К. Е. Ворошилову. Его кабинет находился на втором этаже, недалеко от большой парадной лестницы. У командующего в это время был А. А. Жданов. Состоялась короткая беседа. Так непосредственно говорить с ними мне раньше не приходилось. Я волновался. Как они отнесутся к моей необычной миссии — контролю за расходованием продовольствия? Они

встретили меня доброжелательно, и мне не потребовалось излагать цель своего приезда.

— Мы все знаем, — сказал Жданов, а Ворошилов добавил:

— Мы получили шифротелеграмму ГКО о вашем приезде.

Разговор принял непринужденный характер. Жданов рассказал, что Ленинград оказался в сложном положении, путей подвоза, по существу, нет. Транспортных средств по доставке грузов через озеро крайне мало, к тому же суда подвергаются беспрерывным налетам вражеской авиации. Я передал им слова Микояна об отданном Ставкой распоряжении командарму Кулику о скорейшем деблокировании Ленинграда со стороны Мги. Ворошилов на это заметил, что не очень-то он верит в расторопность Кулика, хотя тот располагает достаточными силами, чтобы выполнить поставленную задачу.

— Какие у вас планы?— спросил меня Жданов.

— Прежде всего необходимо провести тщательный учет всех продуктов питания как в военных, так и в гражданских ведомствах, независимо от их подчиненности, — ответил я. Ворошилов и Жданов с этим согласились.

— Надо привлечь к этой работе партийный актив,— добавил Андрей Александрович.— Я скажу об этом Кузнецову и Попкову.

— Желательно также принять решение,— попросил я,— чтобы расход продовольствия проводился только с разрешения Военного совета фронта, кого бы это ни касалось. Это поднимет ответственность людей за бережное отношение к продуктам питания.

— Решительно за это! — подтвердил Жданов.

— Борьба за экономное расходование продовольствия в условиях осады города равна битве на фронте,— добавил Ворошилов.

По окончании беседы я с участием председателя горисполкома П. С. Попкова, секретаря горкома партии П. Г. Лазутина и заведующего городским отделом торговли И. А. Андреенко составил план проведения переучета продовольствия.

К концу следующего дня мне вручили пакет из Москвы: в нем оказался тот документ, который Поскребышев обещал мне доставить. Это был мандат о моем назначении уполномоченным ГКО по снабжению войск Ленфронта и населения Ленинграда продовольствием, подписанный Сталиным. Предъявлять его мне никому не

пришлось. Каких-либо осложнений в выполнении поставленных передо мною задач я не только не видел, но находил полную поддержку в осуществлении мер, диктуемых обстановкой.

Я же лично считал для себя высокой честью, что в самое трудное время блокады Ленинграда мне было доверено вместе с Военным советом фронта и руководством города бороться на продовольственном фронте: распределять и доставлять продукты питания населению и войскам, экономно расходовать каждый грамм хлеба, чтобы победить врага. Проведенная работа в Ленинграде дала мне много полезного для всей последующей моей деятельности. Период пребывания в Ленинграде с сентября 1941 года до середины января 1942 года остался в памяти у меня на всю жизнь.

Прежде чем рассказать о наличии продовольствия в городе и принимаемых Военным советом мерах по экономному расходованию продуктов питания, необходимо сказать о некоторых фактах, имевших важное значение для последующего развития событий.

2

В конце августа и начале сентября немцы продвигались к Колпину, намереваясь с ходу взять город. Опасность их вторжения, казалось, была неизбежной. Но в это весьма критическое время рабочие отряды Ижорского завода преградили им путь. Они заняли линию обороны, поставили пушки, пулеметы, вооружившись винтовками, встретили врага огнем. Взять город с ходу фашисты не смогли; тогда противник подтянул более крупные силы и вновь начал атаки. Взятие Колпина открывало немцам дорогу к Ленинграду, и потому им хотелось как можно быстрее сломить оборону, тем более что оборонительные сооружения, по существу, состояли из одних окопов, но преодолеть сопротивление не могли. Рабочие, жители Колпина несли тяжелые потери, но не отступали ни на шаг, отстаивая свой город.

В один из таких тревожных дней сентября я был у А. А. Жданова. Обсуждали вопрос о предстоящем снижении норм питания жителям города. Но разговор оборвался: неожиданно открылась дверь, и в кабинет быстро вошел в приподнятом настроении А. А. Кузнецов.

— Я только что вернулся с передовой,— сказал Алексей Александрович,— наступление немцев на Колпино остановлено. Рабочие отряды ижорцев проявили истинное

мужество, они отбили многочисленные атаки немцев. Вооруженные винтовками, одетые кто как: одни в куртках, другие в пальто, прямо из цехов в окопы — и выстояли. Вот что значит пролетарская закалка. Особенно отличился отряд под командованием председателя Колпинского райисполкома А. В. Анисимова.

Жданов встал из-за стола, прошелся по кабинету и, подойдя к Кузнецову, проговорил:

— Это очень радостная весть. Рабочие идут в бой, защищая не только свой дом, а все дело революции. Ижорцы показали пример поведения рабочего класса.— После небольшой паузы Жданов добавил:— А Анисимова следует представить к награде.

Такие же вести, что рабочие давали отпор немцам, поступали в Смольный и из других мест.

Рабочие Сестрорецка по своей инициативе провели бой с передовым отрядом противника и вытеснили его из предместий города. Население Петергофа несколько дней обороняло город от натиска немецко-фашистских войск.

Навстречу приближающемуся врагу нарастали волны народного ополчения. Во всех районах Ленинграда формировались рабочие батальоны.

14 сентября в Таврическом дворце состоялся общегородской митинг молодежи. С волнующим обращением к собравшимся выступил писатель Всеволод Вишневский. Говорил он страстно, искренне, убежденно и закончил свою вдохновенную речь словами: «Вспомним, товарищи, о том, чье имя носит великий город: о неустрашимом Ленине, и ринемся вперед, всеми силами. Мы можем победить! Должны! И победим!»

Слова оратора отвечали думам и настроению присутствующих в зале. Многие юноши прямо с митинга отправились на фронт. Обком и горком ВЛКСМ, идя навстречу молодежи, направили в рабочие отряды всех комсомольцев, способных носить оружие.

На подступах к городу, на заводах и фабриках, на улицах и площадях — всюду шла напряженная работа многих сотен тысяч людей, они превращали город в крепость. Горожане и колхозники пригородных районов в короткий срок создали оборонительный пояс противотанковых рвов длиной 626 километров, построили 15 тысяч дотов и дзотов, 35 километров баррикад.

Многие участки строительства находились в непосредственной близости от противника и подвергались артиллерийскому огню. Люди работали по 12—14 часов

в сутки, нередко под дождем, в насквозь промокшей одежде. Для этого требовалась большая физическая выносливость.

Какая сила поднимала людей на столь опасную и изнурительную работу?

Прежде всего, вера в правоту нашей борьбы, понимание своей роли в развернувшихся событиях. Смертельная опасность нависла над всей страной. У каждого — дом, семья, дети. Что ждет их, если враг ворвется в город? Воедино сливались общие и личные интересы. Вот почему неодолимой была сила порыва ленинградцев. Гром орудийной канонады приближался с каждым днем, но он не пугал защитников города, а торопил закончить начатое дело.

Невозможно переоценить трудовую доблесть рабочего класса Ленинграда. Люди недосыпали, недоедали, но с энтузиазмом выполняли поставленные перед ними задачи.

Кировский завод оказался в опасной близости от расположения немецких войск. Защищая родной город и завод, тысячи рабочих, служащих днем и ночью возводили укрепления. Были вырыты траншеи, изготовлены и поставлены надолбы, расчищены секторы обстрела для орудий и пулеметов, заминированы противотанковыми минами подходы. Кировцы сформировали истребительный батальон.

На заводе круглосуточно шла работа по изготовлению танков, показавших в боях свое превосходство над немецкими. Рабочие, квалифицированные и не имеющие никакого профессионального опыта, мужчины и женщины, и даже подростки стояли у станков, упорные и исполнительные. В цехах рвались снаряды, завод бомбили, стоял страшный грохот, возникали пожары. Образно говоря, земля горела под ногами, но никто не покидал своего рабочего места. Из ворот завода ежедневно выходили танки «КВ» и прямо направлялись на фронт. То была неоценимая помощь нашим воинам в борьбе с наступающими танковыми колоннами фашистов.

19 сентября вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы рабочих и инженерно-технических работников орденами и медалями. Директору завода И. М. Зальцману и главному конструктору Ж. Я. Котину было присвоено звание Героя Социалистического Труда за их изобретательность, смелую инициативу и хорошо поставленную организацию работ.

Хочу здесь отметить, что директор Кировского завода И. М. Зальцман отличался высокой работоспособностью, обширными техническими знаниями. К тому же он умел просто и откровенно вести разговор с рабочими, многих из них знал по имени. Его зоркий глаз замечал новаторов производства, смелых, энергичных, не боявшихся риска инженеров. Таких людей директор поддерживал, что способствовало успешной деятельности предприятия.

21 сентября на Кировском заводе состоялся митинг, перед многотысячной массой рабочих с речью выступил парторг ЦК партии М. Д. Козин. Он сказал:

— В эти грозные дни, когда враг стремится взять наш город, мы, кировцы, верные своим боевым традициям, будем работать еще лучше, дадим фронту наши грозные машины сверх плана, станем грудью на защиту города.

В тех непостижимо трудных условиях боевая техника изготовлялась на ленинградских предприятиях в возрастающих темпах. В ноябре—декабре, в тяжелые дни блокады, производство снарядов и мин превышало миллион штук в месяц. Так ответил рабочий класс Ленинграда на призыв партии отстоять город.

Солдаты и население прилагали усилия к тому, чтобы не допустить врага в Ленинград. На тот случай, если все же неприятелю удалось бы ворваться в город, был детально разработан план уничтожения войск противника.

На улицах и перекрестках были возведены баррикады и противотанковые препятствия общей длиной 25 километров, построено 4100 дотов и дзотов, в зданиях оборудовано более 20 тысяч огневых точек. Заводы, мосты, общественные здания были заминированы и по сигналу взлетели бы на воздух — груды камней и железа обрушились бы на голову вражеских солдат, завалы преградили бы путь их танкам. Гражданское население, не говоря уже о солдатах и матросах, готовилось к уличным боям. Идея борьбы за каждый дом не была актом самопожертвования, а ставила целью уничтожение вражеской армии. И, как подтвердил позднее опыт Сталинграда, упорное сопротивление большого города может привести к поражению сильнейшей группировки противника.

Население осажденного города с нетерпением ждало известий о наступающей с востока 54-й армии. Об этой армии ходили легенды: вот-вот она прорубит коридор в

кольце блокады со стороны Мги, и тогда Ленинград вздохнет полной грудью.

Эта же надежда не покидала и руководящий состав в Смольном. Время шло, но все оставалось по-прежнему, надежды стали гаснуть. Ворошилов оказался прав, когда при первой нашей встрече сказал, что не очень-то верит в расторопность Кулика.

Обстановка требовала быстроты действий 54-й армии. Немцы за шесть-семь дней после захвата Шлиссельбурга не могли создать прочной обороны на протяжении 40 километров по линии Мга — Шлиссельбург. На это и рассчитывала Ставка, требуя от маршала Кулика как можно быстрее начать наступление на противника. Однако командующий не спешил, ограничивался артиллерийским обстрелом вражеских позиций. Запоздалое и плохо подготовленное наступление 54-й армии кончилось неудачей. Хотя эта армия и сковала значительные силы противника и тем самым облегчила положение наших войск, оборонявшихся на южных подступах к Ленинграду, но задачу Ставки деблокировать Ленинград она не выполнила.

О неоперативности командующего 54-й армией свидетельствуют документы. К. Е. Ворошилов 11 сентября 1941 года направил личное письмо Кулику. В письме есть такие строки:

«...Почему Вы ничего не сообщаете о действиях и намерениях 54-й армии, ведь она должна работать в тесном взаимодействии с армиями Ленинградского фронта? Почему не посылаете сводок? Всего этого не понимаю. Так могут вести себя только зарапортовавшиеся люди»[1].

Сказано откровенно, с болью в душе, но письмо осталось без ответа.

Враг нажимал со всех сторон, каждый час был дорог. Ворошилов и Жданов 12 сентября обратились к начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову. В их телеграмме говорилось:

«Командующим Ленфронтом приказано частям стрелковой дивизии НКВД форсировать Неву для захвата Шлиссельбурга во взаимодействии с подходящими с востока частями 54-й армии. Последние же продолжают оставаться на линии Липки — отметка 23,4 и восточнее на два километра озера Синявинское, что исключает воз-

---

[1] Выдержки из письма К. Е. Ворошилова и телеграммы Военного совета фронта приведены по записям генерал-майора Л. А. Щербакова, в то время помощника К. Е. Ворошилова.

можность начала переправы. Просим срочного приказания Кулику развить удар для отрезания и захвата Шлиссельбурга, учитывая, что одновременно будет организован удар с правого берега Невы, с переправой на участке Шлиссельбург — Марьино, при поддержке Ладожской флотилии».

И опять Г. И. Кулик остался верен себе. Каких-либо крупных действий с его стороны не последовало. Трудно утверждать, что в сентябре 1941 года блокада Ленинграда не была прорвана по вине командования 54-й армии. Но то, что была проявлена медлительность в подготовке наступления этой армии на немецкие позиции, неоспоримо. Маршал артиллерии Н. Н. Воронов, находившийся в то время в Ленинграде как представитель Ставки, хорошо знал истинное положение дел. Позднее в своей книге он писал, что командование 54-й армии не выполнило поставленной перед ним задачи. Причин неудачи было много, но главная из них, по его мнению, заключалась в том, что мы к тому времени еще не научились воевать[1].

Как бы то ни было, но момент был упущен. Позднее участок Мга — Синявино немцы основательно укрепили; потребовалось долгих шестнадцать месяцев кровопролитной борьбы, чтобы взломать оборону противника и прорвать блокаду.

29 сентября Ставка освободила Г. И. Кулика от командования, а 54-ю армию подчинила Ленинградскому фронту. Эта мера, как показали последующие события, способствовала успешной обороне Ленинграда и нанесению врагу чувствительных ударов. Приведенное решение Ставки — это тот случай, когда хочется представить себе, что произошло бы, если бы оно было принято на две-три недели раньше? Достигли бы другого исхода или нет? Ответ дать трудно но, видимо, все же можно. Требуются время и глубокий анализ противоборствующих сил и общей обстановки того периода.

---

[1] См.: *Воронов Н. Н.* На службе военной. М.: Воениздат, 1968, с. 215.

СМЕНА КОМАНДУЮЩИХ

(сентябрь — октябрь 1941 года)

1

Защитники Ленинграда испытывали предельное напряжение сил. Враг с каждым днем сжимал кольцо окружения. Наиболее крупные силы немцы сосредоточили на подступах к Урицку и в районе Пулковских высот. Шла ожесточенная борьба днем и ночью. И вот в эти критические дни для Ленинграда неожиданно для Военного совета фронта Ставка отзывает командующего в свое распоряжение.

У Верховного Главнокомандования имелись основания быть недовольным военными действиями на Ленфронте. Враг подошел к Ленинграду, окружил его и пытается ворваться в город. Но можно ли, не упрощая положения вещей, отнести создавшуюся обстановку на счет командующего, как это делают некоторые зарубежные историки? Даже беглое ознакомление с ходом боевых действий не позволяет сделать такой вывод. Не вдаваясь в подробный разбор решений, планов и усилий командующего фронтом, поскольку это не входит в задачу данной книги, можно лишь сказать, что военные действия в июле — сентябре 1941 года заслуживают самого глубокого изучения и освещения. Наступление немцев началось подобно удару гигантского тарана. От наших войск потребовалась железная выдержка, чтобы устоять. В первые недели войны они не имели и часа покоя. К тому же не хватало оружия, боеприпасов. И вот в этой чудовищно сложной обстановке командование, Военный совет, на которые ложилась вся полнота ответственности, показали образец самообладания: они сумели оказать сильное противодействие фашистской армии и нанести ей крупные потери в живой силе и технике. Принятые меры по обороне города привели к тому, что атаки немцев захлебнулись. Если в начале

войны, как уже было сказано, неприятельские части продвигались со скоростью 26 километров в сутки, то в августе их продвижение не превышало 2,2 километра в сутки, причем каждый шаг стоил им больших жертв. Дивизии врага, дошедшие до стен Ленинграда, были далеко уже не те, что в июле. Освобождение Ворошилова, при внимательном разборе сложившейся ситуации, не может служить упреком ему. И тем не менее, не вникая в суть дела, известный английский журналист А. Верт в книге «Россия в войне 1941—1945 годов» пишет, что приблизительно 10 сентября 1941 года Ворошилов, считая, что все потеряно, отправился на передовую в надежде быть убитым. Что же дало основание Верту для такого странного утверждения?

В первые дни сентября шли упорные бои на ближайших подступах к Ленинграду. У Красного Села, в 25 километрах от Ленинграда, развернулся ожесточенный бой. На узком участке фронта враг сосредоточил большое число орудий и открыл сильный огонь по нашим укрепленным позициям. Одно пехотное подразделение не выдержало огня и начало отступать, образуя брешь в оборонной линии. Возникла угроза крупных потерь и стремительного продвижения немцев на плечах отступающих. Наблюдая за ходом боя, Ворошилов заметил и оценил опасность создавшегося положения. Не теряя ни минуты, он с группой окружающих его офицеров бросился наперерез отступающим, требуя остановиться и продолжать бой. Увидев Ворошилова, стоявшего во весь рост под огнем противника, отступающие остановились. Потерянное ими на какое-то время душевное равновесие восстановилось, они вновь заняли свои позиции. Этот случай вызвал много разговоров. Дошел слух и до Верта, а так как военные действия в то время были неблагоприятными для нас, то поступку Ворошилова он дал ложное толкование.

Несомненно, Ворошилов подвергал себя смертельной опасности, но это был не акт самопожертвования, а проявление бесстрашия, продиктованное необходимостью. В истории войн известны подобные случаи, когда личный пример полководцев помогал преодолевать кризисные моменты боя.

«Бесстрашие,— писал Ларошфуко,— это необычная сила души, возносящая ее над замешательством, порождаемым встречей с серьезной опасностью. Эта сила поддерживает в героях спокойствие и помогает им сохра-

нять ясность ума при самых неожиданных и ужасных событиях»[1].

Конечно, таких людей, которые способны в кульминационный момент роковых событий найти в себе силы сдержать общее замешательство и смятение, немного. Но зато нередко бывает так, когда благородному, смелому поступку дается совершенно противоположное толкование людьми, не способными не только подняться до такой душевной высоты, но и понять величие свершенного.

Сам К. Е. Ворошилов, этот мужественный и смелый человек, неоднократно рисковавший жизнью, тяжело переживал свой отзыв. Он испытал потребность полностью проявить себя и потому крайне неохотно покидал Ленинград в такое опасное для осажденных время. Не знал тогда Ворошилов, что через полтора года он вновь будет в Ленинграде в качестве представителя Ставки координировать действия двух фронтов по прорыву вражеской блокады. И судьбе будет так угодно, что он вместе с ленинградцами разделит чувство радости от прорыва блокады врага. Но это впереди, а пока он покидал Ленинград с горьким чувством и тяжелыми мыслями.

Однако все сказанное не ставит под сомнение правильности решения Ставки о смене командующего фронтом. Враг подошел вплотную к Ленинграду, обстановка, настроение войск и населения требовали серьезной акции со стороны Верховного Главнокомандования. И такая акция была сделана, назначен новый командующий фронтом, что имело важное психологическое значение для солдат и офицеров. С этим событием связывались их надежды и желания остановить врага, разбить его.

Командующим фронтом был назначен генерал армии Г. К. Жуков. Он быстро оценил обстановку. Город и его окрестности он хорошо знал с молодых лет, когда учился в Ленинграде. Многое с тех пор изменилось, но район боевых действий, по словам Г. К. Жукова, он вполне представлял.

Немцы вели яростные атаки на участке обороны 42-й армии, стремясь захватить Пулковские высоты и ворваться в Ленинград. Опираясь на мощную поддержку партийной организации города, Жуков без промед-

---

[1] *Р. де Ларошфуко.* Максимы и моральные размышления. М.— Л.: Госполитиздат, 1959, с. 41.

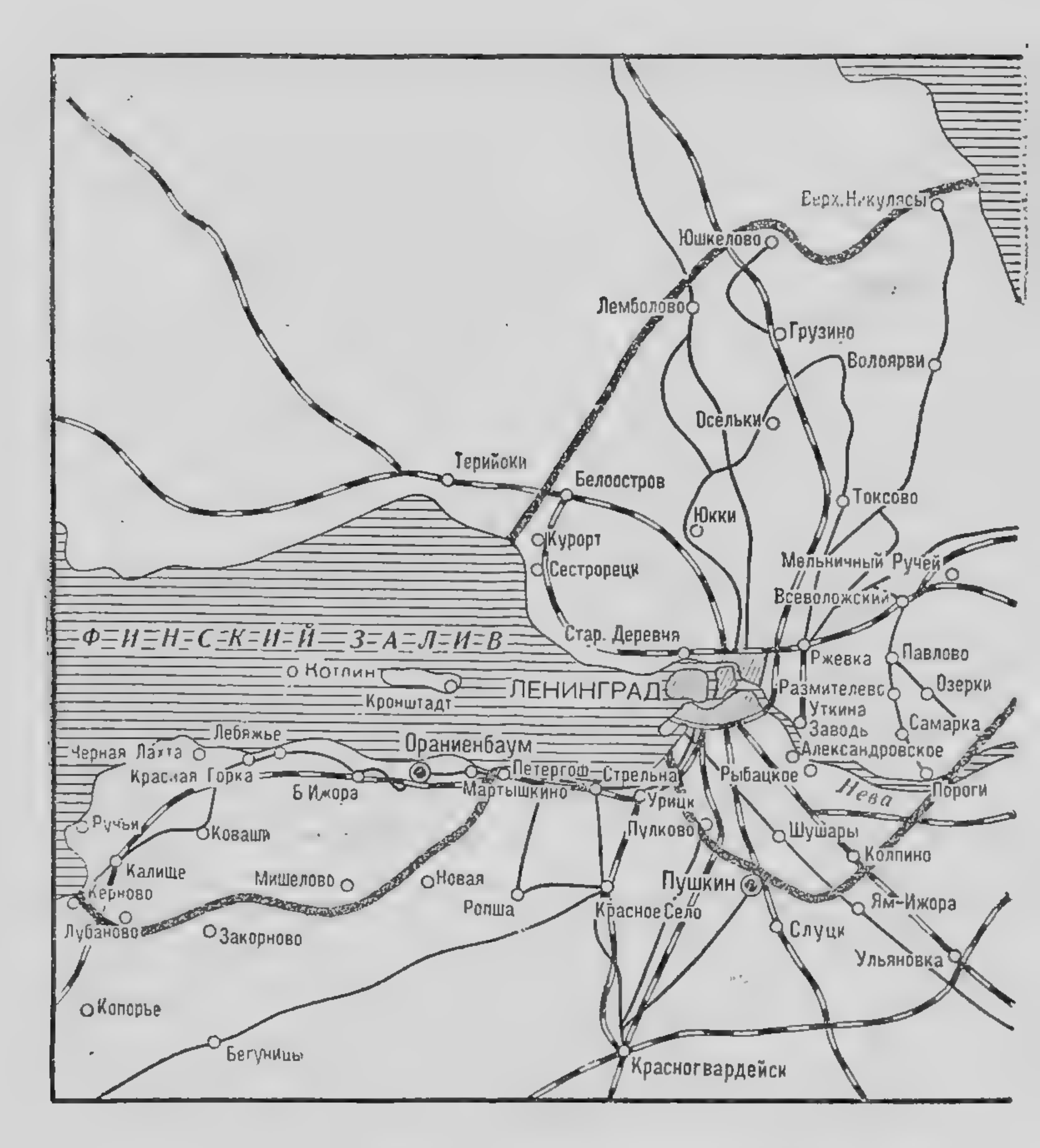
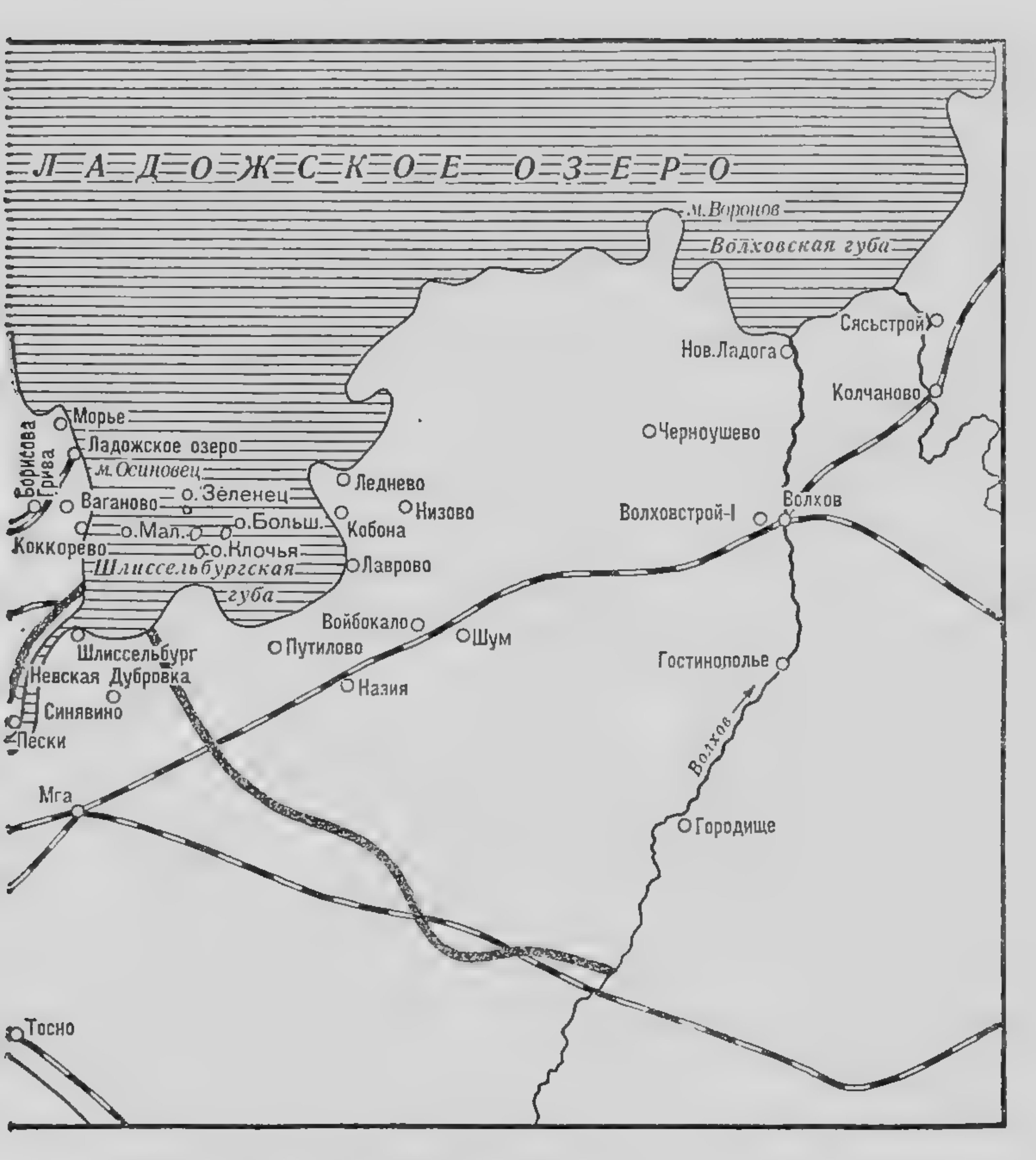

Схема 2. Линия фронта советских войск

ления приступил к действиям. Характерной чертой его интеллекта была способность к быстрой реакции на боевые действия. Определив намерения врага прорвать линию нашей обороны со стороны Урицка, он с большим искусством в считанные дни усиливает оборону в полосе 42-й армии. Снимает с ПВО города часть зенитных орудий, способных пробивать броню танков, и ставит их на самые опасные участки. Перебрасывает в 42-ю армию некоторые соединения с Карельского перешейка из состава 23-й армии, что для многих офицеров штаба представлялось рискованным шагом, ослабляющим оборону против финнов.

Командующим 42-й армией 14 сентября назначается

под Ленинградом к 21 сентября 1941 г.

генерал И. И. Федюнинский. Были приняты все меры, чтобы в полосе 42-й армии создать такую оборону, о которую разбились бы попытки противника лобовым ударом овладеть Ленинградом.

С укреплением обороны командующий одновременно подготавливает контрудар по противнику. Для выполнения этой задачи он значительную часть моряков переводит с кораблей в сухопутные части и ставит их на особо ответственные направления. Формирует новые части, пополняет их рабочим ополчением. Собрав в кулак около 50 тысяч воинов, обеспечив новые части боевыми и техническими средствами, командующий без промедления силами 8-й армии предпринимает контр-

удар в направлении на Красное Село, стремясь нанести фланговый удар группировке немецких войск, сосредоточенной для наступления на Ленинград.

Задуманная операция была смелой: сравнительно небольшой ударной группе войск остановить наступление намного превосходящих сил противника, даже при плотной огневой поддержке артиллерии осажденных, было очень трудной задачей. Командующий это учитывал, но ему требовалось перехватить инициативу, не дать врагу навязать бой там, где он хочет. Конечно, операция была сопряжена с риском, но риск оправдывался важностью задачи. Все зависело от исполнения разработанного и одобренного Военным советом плана операции. Превосходству сил противника противопоставлялась стремительность атаки. Эту задачу советские войска выполнили блестяще, они с такой яростью ударили по врагу, что привели его в смятение.

Немецкое командование не ожидало столь сильного контрудара и оказалось перед угрозой прорыва их фланга. Желая предотвратить опасность, фельдмаршал фон Лееб спешно бросает механизированный корпус, сосредоточенный в районе Урицка, против наступающих частей Красной Армии. Начались тяжелые бои. Немцам удалось остановить наступление наших частей, но какой ценой? Они потеряли большое число солдат, танков, артиллерии. Дивизии врага, нацеленные на прорыв оборонительных полос Ленфронта, были обескровлены.

То была крупная оперативно-тактическая победа советских войск.

Военный совет фронта укреплял уверенность воинов в своих силах. Сопротивление врагу возрастало с каждым днем, а силы неприятеля истощались.

К 29 сентября линия фронта вокруг Ленинграда представляла собою три огромные дуги, упиравшиеся своими концами в водные пространства. (Кроме Ленинграда, в кольце блокады находились: Кронштадт, Сестрорецк, Колпино, Парголовский и Всеволожский районы, часть Ораниенбаумского и Слуцкого районов.)

Две дуги замыкали город с юга и севера, образуя большое кольцо общей площадью 2850 квадратных километров. Передний край местами проходил так близко к городу, что фашисты имели возможность подвергать его артиллерийскому обстрелу. Третья дуга протяжением 60 километров — от юго-западного берега Финского залива до Петергофа — охватила приморское побережье с южной стороны. Советские части, обороняющие

этот важный плацдарм, были прижаты к морю. Глубина плацдарма составляла в самом широком месте 26 километров, что крайне осложняло борьбу наших воинов. Вражеское командование знало, как велико значение этой полосы земли для Балтийского флота. Захватив приморское побережье, артиллерия противника парализовала бы движение наших кораблей между Кронштадтом и Ленинградом, лишила бы защитников осажденного города мощных фортов. Добиваясь этой цели, Лееб бросил в бой отборные части и сотни самолетов. Бомбы и снаряды перепахивали землю квадрат за квадратом. То была поистине огненная земля, пропитанная кровью.

Натиску фашистских дивизий, стремившихся столкнуть советские войска в море, противостояли воины 8-й армии и морские пехотинцы. Они грудью отстаивали каждую пядь земли занимаемого плацдарма. При поддержке корабельной артиллерии и тяжелых батарей форта Красная Горка атаки немцев были отбиты. Моряки и солдаты своей стойкостью и отвагой удержали приморскую полосу. Эта полоса вдавалась клином в расположение вражеских войск и на протяжении всего периода осады Ленинграда представляла угрозу левому флангу фашистской армии. Позднее, в январе 1944 года, именно с этого приморского плацдарма началось наступление наших войск на позиции врага. Наступление закончилось разгромом вражеских войск и полным снятием блокады Ленинграда.

После войны командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц, подводя итоги битвы за Ленинград в грозные дни осени 1941 года, писал:

«Все боевые корабли, сосредоточенные в гаванях Кронштадта, на Неве и ее притоках, линкоры и крейсеры, эскадренные миноносцы и канонерские лодки находились на позициях. Они день и ночь обрушивали лавину смертоносного огня на головы фашистов. Форты Кронштадта, Красная Горка, береговые и железнодорожные батареи, созданные руками рабочих ленинградских заводов, вместе с кораблями и наземной артиллерией фронта создали мощную огневую преграду вокруг города, которую враг так и не смог преодолеть»[1].

Балтийский флот был огненным щитом Ленинграда. Матросы, офицеры, командование флотом показали при-

---

[1] *Трибуц В. Ф.* Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград в 1941—1944 годы. М.: Наука, 1973, с. 157—158.

мер мужества, превосходного знания сложной боевой техники, искусство маневрирования не только на море, но и на суше.

Штурм наших укрепленных позиций с небольшими перерывами продолжался до конца сентября. Вражеские солдаты, воодушевленные обещаниями своего командования получить отдых и награды, отчаянно бросались в атаки, но мощный огонь осажденных косил их и сжигал танки. Потеряв главную ударную силу для наступления, враг ослабил атаки. Не удалось немцам овладеть и Пулковскими высотами, господствовавшими над обширным районом сражения. На северо-востоке обессиленные финны перешли к обороне на рубеже реки Свирь.

Убедившись в бесплодности атак своих войск, штаб верховного командования гитлеровских вооруженных сил издает специальное распоряжение:

с 123
Верховное главнокомандование вооруженных сил — Гл. квартира фюрера

7.X.41 г.

№ 44
1675/41 тайн. канц. начальника штаба
(отд. Л/1 опер.)

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ
(операт. отд.)

Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником.

Моральная правомерность этого мероприятия ясна всему миру. Если в Киеве взрывы мин замедленного действия создали величайшую опасность для войск, то еще в большей мере надо считаться с этим в Москве и Ленинграде. О том, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего человека, сообщило само русское радио.

Следует ожидать больших опасностей от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем.

Небольшие неохраняемые проходы, делающие возможным выход населения поодиночке для эвакуации во внутренние районы России, следует только приветствовать. И для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же как нельзя кормить их население за счет германской родины.

Хаос в России станет тем большим, а наше управление и ис-

пользование оккупированных восточных областей тем легче, чем больше население городов Советской России будет бежать во внутренние области России.

Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров.

По поручению начальника штаба
верховного командования
вооруженных сил — Иодль [1].

Эта директива, не говоря о ее предельной циничности, характерна тем, что Гитлер и его штаб признали: Ленинград взять штурмом нельзя.

2

Армии Лееба к концу сентября 1941 года вторглись в глубину Советского Союза на северо-западе примерно на 800 километров. Захватив Прибалтику, Псков, Новгород, значительную часть Ленинградской области, важные военно-морские базы в Балтийском море, фашистские войска черной тучей нависли над Ленинградом. Город и войска Ленинградского фронта оказались в кольце окружения, а Балтийский флот — прижатым в угол Финского залива. Снабжение населения огромного города, войск фронта и флота из других областей страны прервалось. Оставалась неперерезанной противником только узкая полоса водного пространства по Ладожскому озеру. Но и эта коммуникация находилась под артиллерийским огнем и воздействием авиации противника. Все это давало основание командованию северной группы немецких войск рассчитывать на скорую победу.

Однако была и другая сторона этих успехов гитлеровской армии. Захват значительного пространства не был закреплен взятием стратегического пункта — Ленинграда. Он оставался в руках советских войск, и в связи с этим оказалась скованной более чем 300-тысячная армия неприятеля вокруг города. Временно завоеванная земля от Немана до Невы была обильно полита кровью. Дорога побед — так называла немецкая пропаганда путь на Ленинград — стала для фашистов дорогой могил. На 25 сентября 1941 года было убито и ранено более 190 тысяч немецких солдат и офицеров, потеряно 500 орудий и 700 танков. Коммуникации, свя-

---

[1] Как известно, подписавший приведенный документ Иодль через пять лет был повешен как военный преступник по приговору Международного Нюрнбергского трибунала.

зывавшие Восточную Пруссию с войсками действующей армии, чрезвычайно растянулись. Советское население, оставшееся на занятой врагом территории, хотя и находилось под постоянным наблюдением недремлющего ока гестапо и других нацистских органов, все же в меру своих сил наносило фашистской армии удары в спину. Активно действовали партизаны. А впереди зима...

Войска Ленфронта понесли тяжелые потери и находились в тисках блокады, но не были разбиты, более того, они оказались в положении сжатой спирали, отчего становились более опасными и грозными для противника.

Первый наиболее острый период сражения за Ленинград не дал фашистской Германии желаемого результата, цель не была достигнута, а время безвозвратно потеряно. И эту весьма неприятную сторону своих успехов лучше всех знал фельдмаршал фон Лееб. Опытный вояка понимал, что преимущества внезапности кончились, его войска в преддверии зимы окончательно остановлены и находятся в незавидном положении. Продолжение штурма города приведет только к огромным потерям и без того ослабленной армии. Но он также хорошо знал приказ Гитлера и его желание овладеть Ленинградом, и как можно раньше. Ситуация для Лееба сложилась весьма щекотливая. Необходимо найти выход. Но какой? Отказаться от штурма? Это приведет Гитлера в ярость, и его гнев обрушится на голову командующего фронтом. Зная необузданную натуру фюрера, Лееб пишет доклад, в котором старается объяснить положение дел так, чтобы не вызвать неудовольствия Гитлера. Он излагает трудности, которые пришлось преодолеть вверенным ему войскам, пишет, что, несмотря на потери и плохие погодные условия, солдаты и офицеры штурмуют город. Но Ленинград сильно укреплен, имеет ряд оборонительных линий, мощную морскую и армейскую артиллерию, и, чтобы преодолеть оборонительную полосу, ему нужны значительные подкрепления танковых и механизированных соединений. Старая лиса хорошо знал, что никаких подкреплений Гитлер дать не сможет, яростное сопротивление советских войск на всех фронтах сильно подорвало мощь германской армии. Но фюрер должен знать, что Лееб готов продолжать вести атаки. Однако в интересах германской армии было бы наиболее правильно, продолжает Лееб, перевести войска в глухую оборону, чтобы сохранить силы для

последующих атак. Письмо заканчивалось заверениями в готовности выполнить любое задание фюрера.

Фельдмаршал не знал, что его карьера как командующего была уже предрешена и его донесения и планы уже не имели никакого значения.

Гитлер был крайне недоволен положением дел под Ленинградом. Его радостное настроение сменилось тревогой. Последние сообщения с фронта окончательно вывели его из себя. Он так ждал захвата Ленинграда, рассчитывая этой победой поднять пошатнувшийся престиж главнокомандования и показать всему миру, что намеченные им планы блестяще осуществляются. И вот все рушится. Причины провала наступления на Ленинград он видит не в силе сопротивления советских войск, а в конкретных исполнителях его приказов и стратегических замыслов. Одним из виновников он считал Лееба.

Такие неудержимо властолюбивые, эгоистичные натуры, как Гитлер, обуреваемые страстью игрока, поставившего на карту судьбу страны, народа, редко видят людей и их деяния в подлинном свете. Обычно им представляется, что все окружающее и происходящее должно быть таким, каким они хотят это видеть, и если в жизни так не получается, то в этом вина, козни определенных лиц, не умеющих или не желающих выполнить их волю.

В имперскую канцелярию были приглашены видные генералы, которым Гитлер изложил свой взгляд на события под Ленинградом.

— Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. И будет ли взят Ленинград штурмом, уверенности нет. Если не штурм, то Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Ни то ни другое не годится, он не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод. Что же касается Лееба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу.

Никто из присутствующих не перечил разгневанному фюреру. Они вились вокруг него, как комары на болоте. Генералы соглашались с ним и одобряли его «дальновидные» замыслы.

В декабре 1941 года Лееб отстраняется от командования группой «Север». Но, чтобы не вызвать за границей и внутри страны нежелательных разговоров и подозрений о неблагополучии на фронте, официально объявляется, что Лееб в связи с болезнью временно, по его просьбе, освобождается от командования, о чем Гитлер очень сожалеет и надеется на скорое выздоровление фельдмаршала. Итак, поднятый на щит за победу на Западе, произведенный в чин генерал-фельдмаршала, награжденный рыцарским крестом, фон Лееб исчезает с политического горизонта через пять месяцев войны на Восточном фронте.

На пост командующего группой «Север» Гитлер выдвинул генерал-полковника Кюхлера, который с большим рвением служил фашизму. В мае 1940 года под командованием Кюхлера 18-я немецкая армия вторглась в нейтральную Голландию. Сломив сопротивление ее немногочисленных, но храбрых войск, 18-я армия вступила в Бельгию. Преодолев сопротивление бельгийских вооруженных сил и овладев Антверпеном, Кюхлер вместе с другими немецкими армиями вступил во Францию, где и закончил войну выходом вверенных ему войск на побережье Па-де-Кале у Дюнкерка. За французскую кампанию Кюхлер был произведен в чин генерал-полковника.

Гитлер надеялся, что новый командующий группой «Север» поправит дела своего предшественника.

Пребывая в должности командующего более двух лет (с декабря 1941 года по январь 1944 года), Кюхлер не изменил положения под Ленинградом и ни на шаг не продвинулся к победе.

Осуществляя блокаду, он из кожи лез, чтобы угодить фюреру, выполнить его приказ уморить население голодом. Топил суда, доставлявшие продовольствие городу, сбрасывал на парашютах мины большой взрывной силы, с дальнего расстояния обстреливал город крупнокалиберными снарядами, не имея представления, куда они попадут. Все его действия доказывали, что Кюхлер стремился терроризировать население. Этот тиран прибегал к всевозможным хитрым и жестоким средствам. Вряд ли в летописях истории войн найдется еще такой генерал, который умертвил столько мирных людей, сколько это сделал Кюхлер.

В своих донесениях верховному главнокомандованию он пунктуально сообщал, сколько за какой день потоплено судов с людьми, грузом; сколько сброшено бомб,

мин, выпущено снарядов по городу; сколько еще осталось судов и какие он принимает меры к их уничтожению. Многоопытный калькулятор делал сложные вычисления начала и конца гибели защитников Ленинграда. Пребывая в лихорадочном ожидании осуществления своих прогнозов, он придумывал очередные зверства для уничтожения Ленинграда. 30 июня 1942 года Гитлер специальным приказом отметил эти высокие заслуги Кюхлера перед фашистской империей и произвел его в чин генерал-фельдмаршала, что, впрочем, не помешало фюреру немедленно убрать Кюхлера с поста командующего и уволить его в отставку, как только советские войска в январе 1944 года полностью сняли блокаду Ленинграда [1].

Нацистская пропаганда, возглавляемая Геббельсом, которому не приходилось занимать ни ловкости, ни рвения в восхвалении личности Гитлера, «не замечала» крушения стратегических планов верховного главнокомандования и продолжала на все лады восхвалять высокое полководческое искусство фюрера, предвещая скорое падение окруженного Ленинграда. Но, как известно, окружение не всегда означает победу. Фашистская пропаганда бесстыдно забегала вперед.

Все надежды Гитлер и его штаб теперь возлагали на успешное проведение осады, на окружение города двойным кольцом, чтобы взять его измором. Уверенность, что это им удастся сделать, не покидала гитлеровское главнокомандование. Для воздействия на наши войска, обороняющие подступы к Ленинграду со стороны восточного берега Ладоги, командование группы «Север» решило предпринять глубокий обход их с востока, выделив для этой цели 39-й моторизованный корпус, укомплектованный большим количеством танков. Командующему корпусом генералу Шмидту ставятся задачи:

а) закрыть доступ в город через Ладожское озеро;

б) соединиться с финнами на реке Свирь;

в) захватить Тихвин и далее двинуть войска на Вологду, перерезать коммуникации Карельскому фронту.

Наши войска стремились прорвать блокаду, овладеть потерянными коммуникациями.

---

[1] По окончании войны Кюхлер был арестован американскими оккупационными властями. В 1948 году его судил военный трибунал, который признал Кюхлера виновным в преступлениях против человечества и приговорил к 20 годам тюремного заключения. Однако в 1953 году этот отъявленный преступник был выпущен на свободу.

ОСАДА ГОРОДА

(сентябрь — декабрь 1941 года)

1

Блокада городов в истории человечества была и раньше, люди боролись, страдали, гибли, но законы ведения войны в общем как-то соблюдались. Во второй мировой войне Гитлер швырнул в мусорную яму все международные соглашения, попрал нравственные нормы поведения людей в борьбе, развязал низменные инстинкты у солдат германской армии. Перед нападением на СССР он 14 июня 1941 года созвал совещание командующих, на котором заявил, что в войне против Советского Союза надо применять другие, более жесткие методы, чем против западных стран. На Нюрнбергском процессе Кейтель показал: «Гитлер упирал главным образом на то, что это решающая битва между двумя идеологиями и что этот факт исключает возможность применения в этой войне (с Россией) методов, которые были известны нам, военным, и которые считались единственно правильными, согласно международному праву» [1].

Указания Гитлера, несмотря на их чудовищность, педантично выполнялись. Фашистские войска с ожесточением и злобой опустошали обширные районы и города. Нацисты совершали преступления, которые во всей истории человечества не имеют себе равных по масштабам истребления мирного населения в лагерях смерти. Они убивали женщин и детей в их собственных домах, уничтожали миллионы людей, независимо от пола и возраста. От этой ответственности перед человечеством, перед лицом истории не уйти во веки веков фашистам и тем, кто физически и духовно помогал им прийти к власти и позволил им уничтожить миллионы невинных

---

[1] Нюрнбергский процесс: Стенографический отчет. М.: Госюриздат, 1952.

людей. Об этом следует помнить всем, кому дороги демократия, свобода и сама жизнь народов.

Фашисты с крайним остервенением и злорадством вели осаду Ленинграда. «С нашей стороны в этой войне, которая ведется не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города» [1],— говорилось в директиве начальника штаба руководства морской войной Германии, находившегося при армейской группе «Север».

Подтянув дальнобойную артиллерию, противник 4 сентября произвел первые выстрелы по городу из 240-мм орудий. Этот день стал началом долгих и тяжелых испытаний для ленинградцев. Огонь велся одиночными выстрелами со стороны Тосно. Снаряды попали в заводы «Большевик», «Салолин» и 5-ю ГЭС. В водородном цехе завода «Салолин» произошел пожар. Первые разрывы снарядов на улицах были неожиданностью для населения. Все знали, что враг подошел близко, но, чтобы фашисты могли стрелять по городу, как-то не верилось, и народ никак не хотел с этим бедствием примириться. За первые три дня артиллерийского обстрела было убито 53 и ранен 101 человек. Вскоре неприятель начал интенсивную бомбардировку города с воздуха, сбрасывая сотни зажигательных и фугасных бомб. Начались пожары, пронзительные гудки сирен часто разрезали воздух.

8 сентября в 18 часов 55 минут авиация противника произвела ожесточенный налет на город, сбросив 6327 зажигательных бомб, из них 5000 на Московский район, 1311 на Смольнинский и 16 бомб на Красногвардейский. Бомбы были начинены студнеобразным горючим веществом — напалмом. Этот состав мгновенно воспламенялся, и начиненные им бомбы было нелегко тушить. В различных районах, на промышленных предприятиях, в жилых домах, торговых складах вспыхнуло 178 пожаров. Дома, улицы, мосты, люди, скрывшиеся в темноте, озарились зловещим пламенем пожарищ. Густые черные клубы дыма медленно тянулись к небу, отравляя воздух гарью. Приближалась ночь, и казалось, нет такой силы, которая могла бы остановить наступающее огненное море. Пожарные команды, группы самозащиты, тысячи рабочих, несмотря на усталость после трудового дня, кинулись в схватку с огненной стихией, и от их неистового

---

[1] Директива начальника штаба руководства морской войной Германии (Берлин, 29 сентября 1941 г. № 1—1А (601) 41). «Будущность города Петербурга»/Пер. с нем.

напора пламя слабело и вскоре заглохло, за исключением пожара на складах имени Бадаева, где огонь бушевал более пяти часов.

В тот же день в 22 часа 35 минут тяжелые бомбардировщики неприятеля сбросили 48 фугасных бомб весом до 250—500 килограммов. Больше всего бомб упало в районе Смольного и Финляндского вокзала. От прямых попаданий превратились в развалины 12 жилых домов, сильно повредило водонапорный узел городской станции и Дом крестьянина, расположенный в ста метрах от главного здания Смольного. Под обломками домов погибло в этот вечер 24 человека и было ранено 122. Вторую атаку противника МПВО встретила более организованно. Зенитчики сбили пять самолетов неприятеля. Невзорвавшиеся бомбы обезвреживались, улицы расчищались от завалов.

9 и особенно 10 сентября противник повторил свои воздушные атаки на город. С высоты 6 тысяч метров немцы сбросили 69 фугасных бомб большой взрывной силы и 1794 зажигательные бомбы, некоторые из них имели гранатки, взрывавшиеся в конце горения. Вес отдельных зажигательных бомб достигал 50 килограммов. Возникло 28 пожаров и 55 мелких загораний. Погибло от налетов в эти дни 84 человека и было ранено 622. Много зажигательных бомб опять упало на склады имени Бадаева. На этот раз сгорело три деревянных склада, из них один с запасными частями для машин и два пустых [1].

За сентябрь авиация противника совершила 23 налета. Особенно интенсивной бомбардировке подвергся город 19 сентября: враг сбросил в этот день много фугасных и зажигательных бомб на центральные районы города, оставив без крова сотни семей. Возникло много пожаров.

В Гостином дворе разорвалась бомба: 98 человек было убито и 148 ранено, под завалами оказалось много женщин, детей. Аварийно-восстановительные части четверо суток проводили спасательные работы, большинство людей удалось спасти. Наиболее тяжелые последствия этого налета сказались на домах в районе Смольного.

На Суворовском проспекте в здание госпиталя упали фугасные бомбы большой взрывной силы: обрушились перекрытия верхних этажей, и под их обломками оказа-

---

[1] Сведения о последствиях налетов 8, 9 и 10 сентября приведены из донесений Военного Совета в Ставку 9 и 12 сентября 1941 года.

лось много раненых. Это была душераздирающая трагедия. Вокруг горящего госпиталя воздух был настолько раскален, что в соседних домах вспыхивали оконные переплеты, пожар грозил охватить целый район. Только самоотверженной работой пожарных удалось спасти жизнь многим раненым. Задыхаясь от дыма и раскаленного воздуха, пожарные и военнослужащие отрядов МПВО сумели вытащить из огня и завалов сотни раненых, но 600 человек все же спасти не удалось, они погибли под обломками упавших перекрытий.

У объятого пламенем здания я встретил А. А. Кузнецова, лицо у него бледное, усталое, от гимнастерки исходил запах горелой ткани. Он принимал деятельное участие в спасении раненых. Борьба с огнем продолжалась почти шесть часов, и Кузнецов не уходил до тех пор, пока не потушили пожар. Он долго и тяжело переживал случившееся. По моим наблюдениям, Алексей Александрович Кузнецов обладал обостренным чувством ответственности за все, что происходило в городе. Как бы он ни был занят, что бы ни делал, узнав о возникшей опасности для жизни людей, немедленно выезжал на место.

В октябре немцы обстреливали не только окраину города и юго-западные районы, но и центр. Из района Стрельны вражеские батареи вели огонь по Васильевскому острову, поселку Лисий Нос, через который поддерживалась связь с Кронштадтом. Только в сентябре враг выпустил по Ленинграду 5364 тяжелых снаряда. Артиллерийские налеты часто проходили одновременно с воздушными бомбардировками и продолжались нередко часами. Кругом все дрожало, рушились дома, возникало много пожаров.

С дороги, идущей со стороны Ладожского озера, после наступления темноты казалось, что весь город объят пламенем. Огненные языки разрезали темноту, высоко простираясь к небу. Среди ночи зарево было особенно ярким, оно широко расстилалось по горизонту. Гул пушечной канонады усиливал впечатление от этого страшного зрелища.

Подъезжая к городу, человек испытывал чувство тревожной неизвестности. Но в городе нервное напряжение спадало. Ленинградцы отнюдь не производили впечатления павших духом, подавленных. Люди находились в готовности ко всяким неожиданностям. У подъездов домов, на крышах несли вахту дежурные группы самозащиты. Очаги пожаров гасились усилиями пожарных

команд при активной помощи населения прилегающих домов. Повсюду царила атмосфера настороженности, здравой оценки чрезвычайного положения, в котором оказался Ленинград.

Часть немецкой авиации базировалась на ближайших от линии фронта аэродромах, что позволяло вражеским пилотам в несколько минут преодолевать расстояние до Ленинграда. Перехватывать их самолеты на подступах к городу становилось все трудней. Воздушные бои часто происходили над Ленинградом.

Немецкие пилоты остервенело бросались на советские истребители «чайки», пользуясь превосходящей скоростью «мессершмиттов», они нередко добивались успеха. Воздушные бои носили ожесточенный характер. Воздух наполнялся ревом авиационных моторов, воем и взрывами бомб.

Наши летчики обладали той решительностью, которую русский народ всегда проявляет в полной мере при исключительно тяжелых обстоятельствах. Израсходовав боеприпасы, советские пилоты шли на таран, от их ударов многие вражеские бомбардировщики врезались в землю. Летчик А. Т. Севастьянов первый применил этот способ борьбы ночью в небе над Ленинградом. От его тарана «Хейнкель-111» 5 ноября 1941 года упал в Таврический сад. Самоотверженность, мастерство ведения боя таких летчиков, как Севастьянов, Харитонов, Жуков, Здоровцев, вскоре стали примером для многих соколов Военно-Воздушных Сил страны.

Надо полагать, что германское командование оценило и восприняло твердость характера советских летчиков как печальный факт для их авиации.

В это время военно-воздушными силами Ленинградского фронта командовал генерал-полковник А. А. Новиков. Ему, по оценке Г. К. Жукова, принадлежит большая заслуга в отражении атак противника на Ленинград. К сожалению, я мало знал А. А. Новикова и был далек от его деятельности. Но на заседаниях Военного совета фронта видел и слушал его не один раз. Жизнерадостность, собранность А. А. Новикова оказывали ободряющее действие на окружающих, а умение убеждать других в принятии тех или иных решений говорило, что он человек незаурядных способностей. Последующие события подтвердили это. Его дарования на посту командующего Военно-Воздушными Силами страны блестяще проявились во время Великой Отечественной войны.

2

В конце сентября, в октябре противник стал сбрасывать на город бомбы и мины замедленного действия. Это была, несомненно, продуманная тактика врага, имевшая целью:

лишить осажденных возможности длительное время пользоваться большими участками городских транспортных линий;

приостановить работу наиболее важных заводов;

парализовать трудовую деятельность жителей целых районов;

создать паническое настроение у населения города.

Бомбы замедленного действия представляли серьезную опасность, так как методы их обезвреживания не были известны: противник применял различные типы и конструкции взрывателей. Возникшую проблему требовалось немедленно решить во избежание огромных разрушений.

Техника ликвидации невзорвавшихся бомб в то время была несовершенна: их откапывали лопатами, затем в ямы спускались один-два человека, и здесь начинался поединок — кто кого. Способ ликвидации таких бомб определялся на месте их падения с учетом конкретной обстановки. Нередко, чтобы быстрее устранить опасность взрыва, бойцы сбивали зажимное кольцо взрывателя молотком, вместо того чтобы вывертывать кольцо торцевым ключом. Проходило 20—30 минут, и очаг смерти устранялся. Но какие это были минуты! Сколько сил и нервного напряжения требовалось от людей, выполнявших опасную работу. Были и такие случаи, когда бомбы взрывались и разносили в клочья людей, осмелившихся их обезвредить. И тем не менее добровольцев, желавших выполнять эту работу, было много. Они смело продолжали подвиг погибших товарищей. Во всех районах были созданы команды из добровольцев. То были решительные, мужественные люди. Мы часто применяем слово «мужественные», говоря о ленинградцах, об их борьбе в период блокады. И это справедливо, так как отважные поступки могли свершать только люди, обладающие силой духа. Но больше всего это слово применимо к бойцам из команд по обезвреживанию бомб замедленного действия. Среди добровольцев в этих командах находилось много девушек-комсомолок, некоторые из них неоднократно обезвреживали бомбы. Каждый раз, наблюдая за их поединком с тяжелыми бомбами, я думал, что

у этих юных патриоток не хватит времени да и сил вскрыть железный корпус и обезвредить бомбу. Но сил хватало. Воспитанники Ленинского комсомола в годы тяжелых испытаний показали, на что они способны при защите своей страны. Никто из них не воспринимал свои смелые действия как проявление героизма. То была жизнь — каждодневная, суровая, полная неожиданностей.

В трамвайное депо на Сердобольской улице упала бомба. Пробив междуэтажные перекрытия, она ушла в подвал и не взорвалась. Немедленно из опасной зоны вывели всех людей, участок оцепили и о случившемся сообщили районному штабу МПВО. Вскоре прибыл командир взвода — молоденькая, худенькая, с черными живыми глазами девушка, Аня Ковалева. Она осмотрела пробоину в полу, по ней определила размер бомбы, зажгла свечу и полезла в подвал выполнять страшную работу.

Мерцающий огонек свечи озарил в темном подвале ряды небольших столбиков, по которым тянулись трубы и электрокабели, уходящие куда-то вдаль. В этом темном большом подвале где-то притаилось стальное чудовище, готовое в любую минуту взорваться и разнести трамвайный парк и соседние жилые дома.

Освещая себе путь свечой, Аня ползком пробиралась между столбами, стараясь не задеть где-нибудь оголенный кабель, искала бомбу. И вот в конце подвала между стояками она увидела ее, лежащую на боку. Поистине надо обладать необычайной силой воли, чтобы при подобных обстоятельствах сохранить ясность ума и четкость действий.

Добравшись до бомбы, Аня стала молотком сбивать зажимное кольцо. С трудом сняв его, она вынула взрыватель и вывернула капсюль детонатора. Теперь опасность взрыва исключалась. Усталая, но радостная, Ковалева поднялась наверх.

— Как вы себя чувствуете?— кто-то спросил Аню.

— Хорошо, немного волновалась, боялась, что свеча сгорит раньше, чем я найду бомбу, но все обошлось благополучно,— ответила она.

Люди, окружившие комвзвода, с восхищением смотрели на бесстрашную девушку. Аня приветливо им улыбалась и, не задерживаясь, пошла в сторону штаба МПВО. Туда, в штаб, поступали сообщения о сброшенных и невзорвавшихся бомбах. Возникающие очаги смерти требовалось как можно быстрее устранить, и Аня

спешила, не задумываясь о своей судьбе. А ведь таких людей, как Ковалева, было не мало.

Когда призывные возрасты мужчин были исчерпаны, команды МПВО города стали доукомплектовывать женщинами молодого возраста. Командиры частей ворчали, считая, что женщины не смогут перенести тяготы военной жизни и вести борьбу с врагом, а это приведет к небоеспособности подразделений. Однако их представления о женщинах-воинах жизнь опрокинула. Женщины с честью выполняли поставленные перед ними задачи, на каких бы участках они ни находились. Так, многие из них, обслуживая зенитные батареи, за короткий срок научились управлять измерительными и прицельными приборами. Но, кроме овладения чисто техническими навыками, зенитчицы проявили отвагу и смелость. В страшные ночи бомбардировок города, когда жители вынуждены были укрываться от бомб и снарядов в убежищах, подвалах, щелях, женщины, служащие в зенитной артиллерии, стояли у орудий, зорко вглядываясь в черное небо, освещаемое прожекторами. От их точного огня фашистские самолеты нередко горящими факелами падали на землю. Немало женщин-бойцов, овладевших военной специальностью, стали отважными командирами.

Бойцы МПВО, среди которых было несколько тысяч женщин, своей самоотверженностью ликвидировали угрозу разрушения многих домов от бомб замедленного действия. А своим бесстрашием они поддерживали тот высокий дух среди ленинградцев, который помогал им проявлять стойкость.

Враг засылал в город шпионов, провокаторов, в задачу которых входило помогать немецкой армии всеми средствами: создавать панику и неуверенность среди осажденных, доносить о размерах разрушений и объектах, пострадавших от бомбардировок и артобстрелов, о положении с продовольствием, о передвижении войск и многих других сторонах жизни защитников Ленинграда. Однако сколько-нибудь значительного результата вражеские агенты не достигали. Не было социальной базы, среды для их тлетворной работы, к тому же органы власти, опираясь на поддержку населения, успешно вели борьбу с ними.

Фашистские пропагандисты применяли различные формы идеологического воздействия на советское население, оставшееся на временно оккупированной территории, но главное внимание они уделяли личному составу Советской Армии. Чтобы придать видимость правдоподо-

бия своей пропаганде, они привлекали внимание радиослушателей к фактам тех или иных неудачных для советской стороны боевых действий и тут же изливали яд клеветы на военных деятелей Советской Армии, приписывая им вину за отступление и понесенные потери. Весь арсенал пропагандистского оружия Геббельса был направлен на подрыв авторитета полководцев Советской Армии. Используя трудности со снабжением населения продовольствием, вражеская авиация сбрасывала листовки подстрекательского характера, призывая граждан к неповиновению властям. Их радио круглые сутки сообщало «новости» на русском языке. Заводили патефонные пластинки, а по радио объявляли, что у микрофона выступают солисты академических театров, называя при этом имена популярных в нашей стране советских артистов. И многое другое применяли изобретательные нацисты, но успеха не имели. Пропаганда, основанная на фальши, никогда не может пустить корни.

3

Сентябрь оказался на редкость теплым: в садах, парках еще зеленела трава. Листья на деревьях горели яркими красками ранней осени. Вместо обычной пелены тумана, висящей над городом, светило солнце, приветливо озаряя землю. Но ленинградцы не замечали чудесных дней золотой поры, их душевное состояние находилось в кричащем противоречии с окружающей природой. Не радость и спокойствие были у них на душе, а гнев и ненависть к врагу, охватившему железным кольцом любимый город. Шла борьба жестокая, беспощадная.

Руководство боевыми действиями войск и хозяйственной деятельностью предприятий осуществлялось из Смольного. Авиация противника, видимо зная, кто в нем размещался, многократно производила налеты на это хорошо известное здание, но все ее усилия были безуспешны. Здание было тщательно замаскировано: центральный подъезд, колонны, лестница скрывались под густой маскировочной сетью. Крыша и стены со стороны Невы были выкрашены под цвет осенних листьев окружающего парка. Кроме того, Смольный хорошо защищала противозенитная артиллерия; при появлении немецких самолетов в зоне Смольного артиллеристы открывали такой плотности огонь, что вражеские самолеты лишались возможности прицельного бомбометания. Они бомбили по площади (бесприцельно), беря за ориентир

Охтинский мост. Люди, находившиеся в Смольном, подвергались большому риску, однако ни днем ни ночью ни на одну минуту не прерывалась работа в этом большом штабе. Командный пункт находился здесь же, только под землей. В глухом помещении на длинных столах были расставлены аппараты Бодо, за каждым из них сидела телеграфистка, одетая в военную форму. Девушки сосредоточенно выстукивали сухую телеграфную дробь. Сюда со всех сторон и участков фронта поступали донесения, сводки, запросы. Отсюда передавались приказы и распоряжения командования.

Здесь же собирались члены Военного совета для обсуждения тех или иных вопросов. Стиль заседаний в первые недели войны носил скорее гражданский характер, чем военный. Нередко много времени уходило на отвлеченные от конкретного предмета рассуждения. Но постепенно характер совещаний приобретал все более четкий порядок, рассматривались документы, подготовленные штабом и службами фронта, имеющие важное значение для обороны города.

Захват немцами левого берега Невы, от Шлиссельбурга до устья реки Тосны, создавал реальную угрозу Ленинграду. Противник мог переправиться через реку, так как никаких укреплений на правом берегу не было. С наступлением морозов и образованием льда на реке угроза вторжения возрастала. Чтобы исключить такую возможность, командование Ленфронта создало Невскую укрепленную позицию, в задачу которой входило:

а) оборона водной коммуникации по реке;

б) уничтожение переправ противника;

в) артиллерийская поддержка войск фронта, действующих в зоне досягаемости артиллерии Невского укрепрайона.

Комплектование НУРа личным составом и оснащение орудиями производилось Краснознаменным Балтийским флотом.

Потеря Шлиссельбурга сразу же вызвала серьезные затруднения в Ленинграде. Прекратилось поступление боеприпасов (тех видов и размеров, которые в Ленинграде не вырабатывались), продовольствия, горючего, медикаментов и многого другого, крайне необходимого для жизни и обороны. А противник наседал. Шли ожесточенные бои. Эвакуация раненых приостановилась, в то время как с поля боя их прибывало большое количество. Военный совет принял постановление о дополнительном развертывании госпиталей в городе. Под госпи-

тали были заняты здания университета, института имени Герцена, Дворца труда, Технологического института, гостиниц «Европейская», «Англетер» и многие другие. Этим же постановлением возлагалось на председателей исполкомов районных Советов изыскать внутри районов кровати, матрацы, подушки, посуду, кухонное оборудование. В течение шести дней была открыта дополнительная сеть госпиталей на 19 тысяч коек. Созданные удовлетворительные условия для раненых благотворно сказывались на их выздоровлении и возвращении в строй, что было крайне важно, так как маршевых пополнений в этот период не поступало.

По указанию Военного совета фронта выписываемых из госпиталей солдат и офицеров направляли, как правило, в те части, откуда они прибывали, что соответствовало желаниям раненых. Возвращающихся радостно встречали товарищи: боевая дружба крепка и длительна. Ветераны быстро включались в ритм фронтовой жизни, они являлись основным костяком, на который опиралось командование части.

Члены Военного совета фронта, офицеры штаба отчетливо представляли все последствия окружения города. Для подвоза продовольствия и боеприпасов оставалась единственная коммуникация — по Ладожскому озеру, да и этот путь был малонадежным. Требовалось любой ценой уберечь его от вражеских ударов и срочно наладить движение судов.

В этих целях 9 сентября Военный совет принял решение создать в 19 километрах от Шлиссельбурга, в небольшой бухте Осиновец, на западном берегу озера, порт по приемке грузов и вывозу некоторых крайне необходимых народному хозяйству страны видов оборудования из города. Срок готовности гавани устанавливался: первой очереди (на обработку пяти барж в сутки) — 18 сентября и второй очереди (на двенадцать судов в сутки) — 25 сентября.

Охрану строящегося порта от нападения врага со стороны озера возложили на Ладожскую военную флотилию, а отражение атак с воздуха — на местную противовоздушную оборону. Со стороны Невы Осиновец защищала Невская группа войск, которая в это время еще создавалась.

Уполномоченным Военного совета по строительству порта и благоустройству бухты Осиновец назначили заместителя командующего Ладожской военной флотилией капитана 1-го ранга Н. Ю. Авраамова. Это было

поспешное назначение. Размах работ по строительству порта с одновременной эксплуатацией судов оказался не по плечу Авраамову. Он хорошо знал морское дело, но не обладал организаторскими способностями, необходимыми для столь сложной и разнообразной деятельности. Вскоре он был освобожден от этих обязанностей. Чтобы строить порт на пустынном берегу ускоренными темпами, отбиваясь от воздушных атак противника, разгружать и загружать суда в предельно короткий срок, обеспечивать безопасность их плавания — для этого требовался руководитель с сильным характером, умеющий расставить людей и упорно добиваться ежедневного выполнения заданий многотысячным коллективом. Выбор пал на члена Военного совета адмирала И. С. Исакова (позднее адмирал флота Советского Союза). Назначение было весьма удачным.

Иван Степанович обладал даром организатора. Он охотно взялся за строительство порта, понимая значение этой меры для осажденного города. Его распорядительность, твердость рождали успех дела. Изо дня в день Исаков обходил территорию бухты, наблюдая за работами. Он подбадривал уставших рабочих, углубляющих каменистое дно озера, воодушевлял солдат, матросов, которые напряженно трудились над восстановлением списанных в свое время судов, строили причалы, прокладывали узкоколейку. В тяжелые моменты, а их было не мало, спокойная рассудительность Исакова покоряла людей. Ему удалось многое сделать, и прежде всего увеличить завоз грузов, но довести до конца успешно начатое дело ему не пришлось. Действия вражеского флота в Балтийском море потребовали возвращения И. С. Исакова к своим обязанностям в штаб фронта. Строительство порта в Осиновце было закончено позже установленных сроков [1].

С первых дней осады Ленинград стал испытывать недостаток в электроэнергии: не хватало топлива. С сентября вводится жесткий лимит электропотребления для всех предприятий и учреждений, а также для бытовых нужд населения. Кронштадт переводится на питание от собственной блокстанции [2]. Восстанавливаются два угольных котла, демонтированные в мирное время за

---

[1] О строительстве порта подробно рассказывается в разделе книги «Завоз грузов по воде и воздуху».

[2] Электростанция с территориально ограниченным районом действия, внутри которого расход электрической энергии строго определен.

ненадобностью, а на 5-й ГЭС мазутный котел переоборудуется для сжигания фрезерного торфа. При помощи городских рабочих торфопредприятия ежесуточно отгружали с правого берега Невы 225 вагонов торфа. Имеющийся уголь на складах станции Автово усилиями железнодорожников перебрасывается к электростанциям.

Однако этих и многих других мер и усилий, предпринимаемых Военным советом, партийными и советскими организациями города, оказалось недостаточно, так как угля и торфа в кольце блокады было мало. Потребление электроэнергии все время приходилось сокращать, что ухудшало бытовые условия трудящихся и сильно затрудняло производство необходимых для обороны материалов.

Чтобы иметь на всякий случай резервное питание электроэнергией для некоторых важнейших заводов, Военный совет принял решение использовать два мощных турбоэлектрохода. Суда были обеспечены полным запасом топлива и поставлены в соответствующих местах на Неве. Кроме того, были подготовлены суда и передвижные трансформаторные установки, а также специалисты для быстрейшего восстановления электроснабжения на случай нарушения подачи электроэнергии.

Военный совет и гражданские власти после первого же налета авиации были крайне обеспокоены тем, как сохранить от разрушения водопровод и канализацию.

— Не могу себе представить,— говорил председатель Ленгорисполкома П. С. Попков,— что будет, если водопровод выйдет из строя.

По его предложению Военный совет 13 сентября принял постановление об охране водопровода как объекта исключительной важности. Были сформированы дежурные бригады специалистов по ремонту и восстановлению водопровода на случай его повреждения, освобождены от призыва на военную службу рабочие, инженеры, техники, служащие, занятые работой на предприятиях и на линиях водопровода и канализации. Фашистам не удалось вывести из строя водоснабжение города бомбардировками и артобстрелами, хотя они наносили тяжелые повреждения разветвленной системе подземного хозяйства.

В сентябре — октябре вражеская авиация совершала в день по нескольку налетов. И во всех случаях, независимо от количества появившихся самолетов, объявлялась тревога. Люди уходили в укрытия — подвалы, спе-

циально вырытые щели — и находились там иногда по многу часов подряд, пока не дадут отбоя. Массовое отвлечение нескольких сот тысяч рабочих и служащих от работы приводило к большому ущербу. Было принято решение при появлении одного-двух самолетов тревогу не объявлять. Рабочие настаивали, чтобы работа не прекращалась даже при налете большего количества бомбардировщиков, если нет непосредственной угрозы тому или иному заводу. Вставать на такой путь было рискованно, но пришлось пойти и на это — фронт требовал оружия. Служба противовоздушной обороны находилась в боевой готовности. Над городом постоянно патрулировали самолеты, на крышах домов дежурили люди, наблюдая за небом.

Как-то на рассвете одного сентябрьского дня после массированного налета авиации противника на город П. С. Попков вернулся в свой кабинет усталый, бледный, взволнованный. На мой вопрос, что с ним, он ответил:

— В подвалах старых домов собираются тысячи женщин, детей, а там можно укрыться только от осколков и взрывной волны. Если на такой дом упадет бомба, страшно подумать, что произойдет. В городе мало надежных укрытий. Обидно, что нет метрополитена, это было бы безопасное и массовое убежище. Вся надежда на противовоздушную оборону.

И надо сказать, что П. С. Попков много и усердно занимался ее укреплением.

Как только начинался обстрел, население немедленно оповещалось по радио. При этом передавалось, какие улицы, площади обстреливаются; давались указания, какой стороны держаться пешеходам; движение транспорта на опасном участке приостанавливалось. Общественные учреждения работали как обычно. Для удобства населения торговля в магазинах производилась с 6 часов утра до 9 часов вечера. На работу рабочие и служащие приходили к установленному часу, преодолевая немалые препятствия на своем пути.

Противник производил обстрел города в различное время суток, а в часы окончания или начала работы, когда улицы заполнены народом, открывал интенсивный огонь. Такая тактика фашистов, направленнная на массовое убийство мирных жителей, была чудовищна и бессмысленна и может быть объяснима лишь тупой мстительностью к осажденным за их сопротивление, за их стойкость.

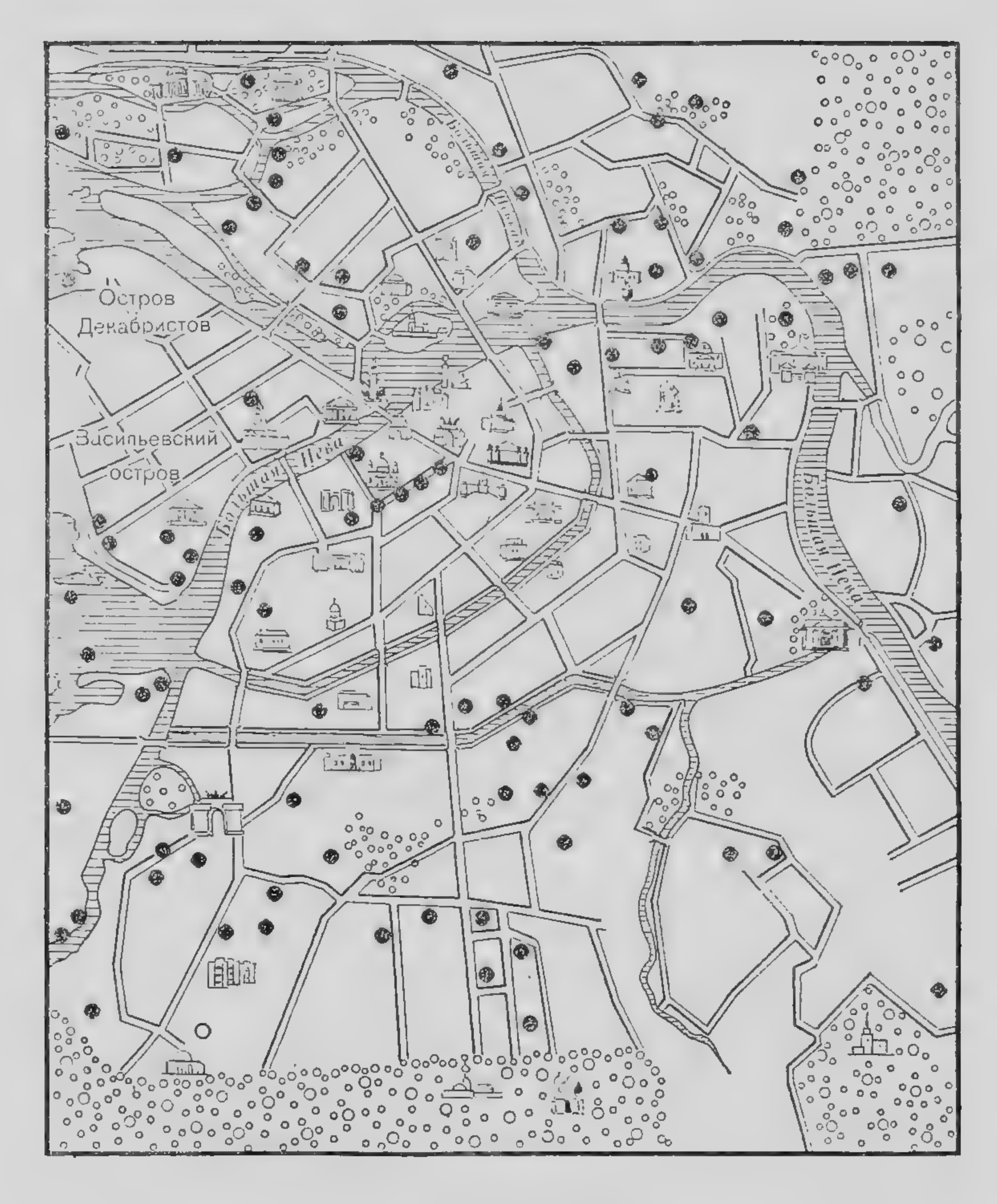

Схема 3. План Ленинграда.
Черными точками обозначены места
наибольшего артобстрела и воздушных бомбардировок.

Военным советом принимались все зависящие от него меры по защите граждан от фашистского разбоя. Наша авиация беспрерывно вела наблюдение за зоной предполагаемых позиций тяжелых батарей противника. Артиллеристы засекали местонахождение неприятельских орудий по их первым выстрелам и открывали ответный огонь с различных дистанций, после чего обстрел города прекращался; как позднее выяснилось, от точного огня обороняющихся погибло много прислуги и орудий не-

приятеля. Боясь ответного огня, немцы стали прибегать к беглым артиллерийским налетам: сделав несколько выстрелов, они быстро меняли позиции.

Многое сделал для защиты Ленинграда от обстрелов представитель Ставки маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов. Он жил и работал в Смольном, где мы часто встречались, беседовали. Николай Николаевич любил Ленинград, болел душой за город, взятый в кольцо блокады и подвергавшийся артиллерийскому обстрелу. В свободное время он трудился над проектом, как сочетать огонь всех видов оружия с движением пехоты, излагал меры использования артиллерийского вооружения, находящегося в пехоте, в условиях Ленинградского фронта. На заседаниях Военного совета фронта он с превосходным знанием дела анализировал сильные и слабые стороны противника, предлагая решения, выполнение которых наносило врагу серьезный ущерб. В ноябре, когда немцы подвергали Ленинград интенсивному обстрелу, Воронов много времени проводил на ближних и дальних позициях нашей артиллерии, на командных пунктах артполков, где под свист немецких снарядов передавал свой боевой опыт борьбы с батареями противника.

Позднее в книге «На службе военной» Н. Н. Воронов, подводя итоги своей многолетней деятельности в рядах Советской Армии, обстоятельно изложил роль артиллерии в обороне Ленинграда. Указывая на ошибки и недостатки артиллеристов в первые дни осады города, он подробно рассказывает, как шаг за шагом советские воины наращивали свое мастерство и вскоре огонь осажденных по целенаправленности — подавлению батарей противника — достигал цели. Враг утратил возможность безнаказанно обстреливать город. В этом, пишет Воронов, большая заслуга наших доблестных артиллеристов. Я от себя добавлю, что в организации обороны от огня вражеской артиллерии немалая заслуга принадлежит самому Н. Н. Воронову.

О деятельности представителя Ставки адмирала И. С. Исакова я уже упоминал. Под его руководством была создана дальнобойная контрбатарейная группа, наносящая ответные удары по батареям и дальнобойным орудиям противника.

И. С. Исаков был немногословен, умел владеть собой в обстановке боя. В конце сентября, находясь в Осиновце, я зашел в домик, расположенный рядом с маяком,— здесь размещался штаб порта. За маленьким столиком

сидел адмирал Исаков. Он сосредоточенно рассматривал карту размещения зенитных орудий, отдавал распоряжения ровным голосом. Во время налета авиации немцев, когда бомбы рвались вокруг штаба, вздымая фонтаны земли и щебня, Исаков сохранял ледяное спокойствие, ни один мускул у него не дрогнул.

Интересная деталь. После войны мне приходилось неоднократно встречаться с Н. Н. Вороновым и И. С. Исаковым. У них за плечами был богатый опыт, приобретенный в сражениях в Крыму, в Сталинграде, на Курской дуге и во многих других крупных баталиях. Тем не менее и тот и другой больше всего говорили о борьбе защитников Ленинграда, об их стойкости. С большой теплотой оба вспоминали дружную работу в Военном совете Ленфронта.

И. С. Исаков после войны частенько болел, редко выходил из дому: старая рана давала о себе знать. В октябре 1942 года вблизи Туапсе он был ранен в ногу осколком бомбы. Ногу пришлось ампутировать. И вот с тех далеких лет он постоянно чувствовал боль. «Странная вещь,— говорил Иван Степанович,— ощущаю боль в ступне, в пальцах — в ноге, которой нет». Преодолевая боль, Исаков продолжал трудиться. Он опубликовал в журнале «Нева» и ряде книг свои впечатления о тяжелых днях блокады в виде отдельных рассказов. Исаков с большой любовью пишет о моряках, солдатах. При чтении его рассказов перед глазами встают незабываемые картины: борьба на Ладоге за каждую баржу с хлебом, высокая самодисциплина населения, бессонные и тревожные ночи защитников города.

В марте 1967 года Иван Степанович прислал мне журнал «Нева», на обложке которого четким почерком написано несколько проникновенных слов о делах минувших. Я храню этот журнал с чувством грусти. Смерть И. С. Исакова оборвала нашу связь, но память об этом благородном мужественном человеке, выдающемся флотоводце и организаторе масс останется навсегда.

А. А. Жданов и другие члены Военного совета относились с уважением к Н. Н. Воронову и И. С. Исакову, прислушивались к их советам. Много талантливых военачальников взрастила наша партия. Одними из них были, несомненно, маршал артиллерии Н. Н. Воронов и адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков. Мне же выпало счастье работать вместе с ними в суровые дни борьбы за Ленинград.

Во время блокады мне приходилось иметь много дел с моряками, особенно с заместителем командующего Балтийским флотом генерал-лейтенантом М. И. Москаленко — в его ведении были вопросы материально-технического снабжения флота. Встречался я и с командующим — адмиралом В. Ф. Трибуцом. Он всегда был полон забот, в суждениях был резок. Со стороны казалось, что Трибуц сухой, раздражительный, словом, необщительный человек. Моряки, хорошо знавшие В. Ф. Трибуца, рассказывали, что он очень изменился после проводки судов из Таллина в Кронштадт, и что при переходе судов мы понесли тяжелые потери, и в этом, в какой-то части, повинен В. Ф. Трибуц. При встрече с И. С. Исаковым я спросил его, верны ли такие утверждения. Иван Степанович ответил:

— То, что мы понесли потери, и не малые, это верно, но чтобы понять, как это произошло, надо хорошо знать сложившуюся обстановку.— И он рассказал, как все было.

— Немцы минировали Финский залив во многих местах. Оба берега находились в руках противника, артиллерийские батареи простреливали фарватеры. Подводные лодки, торпедные катера немцев скрывались в финских шхерах. Авиация противника была нацелена на корабли. И вот в таких условиях необходимо было провести суда из Таллина в Кронштадт. Надо прямо сказать, задача была архисложная. В. Ф. Трибуц, учитывая всю сложность перехода, принял решение прорваться по среднему фарватеру. Главную опасность он видел в минных полях, точных границ которых никто не знал.

Армада кораблей двинулась в путь, и уже вначале стали попадаться мины. Тральщиков было ничтожно мало, а мин — чем дальше, тем больше. Начались взрывы под днищами судов. Самолеты противника подвергали бомбовым ударам транспорты и суда. Отбивая атаки с воздуха и вытраливая мины, корабли продвигались вперед. Наступала ночь, в темноте обнаружить черные плавающие мины очень трудно. Что делать? Идти дальше? Корабли могут погибнуть: никто не знает, где кончаются минные поля. Остановиться? Но что ждет флотилию утром? Враг настороже. В такой невероятно тяжелой обстановке командующий должен принять решение, от которого зависела судьба многих людей, судьба боевых кораблей. Взвесив все стороны скрывающейся опасности, Владимир Филиппович, с одобрения Военного

совета флота, принимает решение встать на якорь всем судам, несмотря на сильное желание использовать для движения ночь, когда нет опасности с воздуха.

Ночь прошла относительно спокойно. С рассветом Трибуц отдал приказ всем судам тронуться в путь, но перед этим пришлось удалить много плавающих мин у бортов кораблей. Одна опасность была устранена — корабли вышли на чистую воду, но вскоре вражеские самолеты большими группами повели атаки на суда, и только благодаря решительным действиям экипажей кораблей, умелому маневрированию капитанов судов, плотному огню зенитной артиллерии боевые корабли благополучно прибыли в Кронштадт. Тихоходные транспорты и вспомогательные суда далеко не все достигли желанного берега. Но виноват ли в этом командующий Балтфлотом? Можно с чистой совестью сказать: нет. Имей он в своем распоряжении сотню тральщиков, а не три десятка — потери могли быть значительно меньшими.

Действия Трибуца, его приказ встать на якорь с наступлением темноты и все последующие его распоряжения позволили выполнить поставленную задачу — прорваться в Кронштадт. Боевое ядро флота удалось сохранить. По прибытии кораблей в район Ленинграда они выполняют важную роль в обороне города,— закончил свой рассказ адмирал И. С. Исаков.

Прошли годы, и я вновь встретился с В. Ф. Трибуцем в Москве. Он уже был в отставке и работал во Всесоюзном институте научной и технической информации. Он с головой ушел в науку, написал ряд книг, прославляющих подвиг моряков Балтики. Человеком он оказался общительным и редкой скромности. Мы часто подолгу беседовали. Он хорошо знал руководящие кадры Ленинграда, многих генералов и офицеров, высказывал свое мнение откровенно и убежденно. Очень высоко ценил деловые и душевные качества А. А. Жданова и А. А. Кузнецова.

Однажды при очередной встрече — в январе 1977 года — В. Ф. Трибуц был очень взволнован. На вопрос, что с ним, он ответил: заболела жена. Я, как мог, старался успокоить его.

— Нет, нет, я чувствую, что это конец,— скороговоркой проговорил Трибуц.

К сожалению, его предчувствие оправдалось вскоре: в феврале 1977 года Муза Сергеевна ушла из жизни. Ее смерть сильно повлияла на Владимира Филипповича:

он похудел, осунулся, замкнулся, при встречах был рассеян, часто менял тему разговора, вспоминал жену, отзывался о ней как о редкой души человеке. Он любил Музу Сергеевну беспредельно и тяжело переживал ее кончину. Переживания Владимира Филипповича сказались на его и без того подточенном здоровье: вскоре он заболел и в августе того же 1977 года умер.

Я немного отвлекся, но мне хотелось рассказать об этом талантливом и волевом флотоводце то, что я знал, в силу душевной привязанности к нему, рассчитывая, что читатель не осудит за это. А теперь вернемся к прямому повествованию.

Оборона Ленинграда отличалась организованностью и активностью населения. Можно без преувеличения сказать, что почти все жители были бойцами. Каждую ночь более 60 тысяч мужчин и женщин из групп самозащиты дежурили на крышах. Они помогали частям МПВО города оповещать население об угрожающей опасности, находили время обучиться различным способам тушения зажигательных бомб. Не только взрослые, но и подростки быстро овладели техникой обращения с ними: тысячи зажигательных бомб были ими ликвидированы до того, как бомбы разгорались. Своевременная и массовая подготовка населения к обезвреживанию бомб имела важное значение в обороне города, что подтверждается такими данными: 13 октября авиация противника сбросила на город свыше 12 тысяч зажигательных бомб, или почти в два раза больше, чем 8 сентября, в день наибольшего налета, а пожаров они вызвали в четыре с лишним раза меньше, чем 8 сентября, и те были быстро локализованы. Военная защита города эффективно дополнялась гражданской обороной, в которой участвовало огромное количество людей. Именно эта мера, несмотря на неистовство вражеской авиации, не позволила противнику порвать жизненные нервы города. Пример ленинградцев подтверждает, что успешный отпор врагу зависит не только от наличия дееспособной армии, но и от участия в борьбе всего народа.

Наземной местной противовоздушной обороной командовал генерал-майор Е. С. Лагуткин. Он, как бывший участник войны в Испании, был очевидцем превращения в руины и пепелища многих кварталов городов республиканской Испании фашистской авиацией. Одной из причин такого печального исхода являлась слабость противовоздушных сил и неподготовленность населения к ликвидации пожаров

С самого начала своей деятельности на посту начальника Ленинградской противовоздушной обороны Е. С. Лагуткин потребовал от командиров частей постоянной готовности к отражению вражеских налетов и обучению граждан города мерам борьбы с последствиями вражеских налетов.

— Как бы части МПВО ни были хорошо подготовлены,— говорил Лагуткин,— но без массового участия самих жителей Ленинграда в ликвидации последствий налетов мы успеха не достигнем.

Мне приходилось видеть Емельяна Сергеевича в очагах поражения; его распорядительность, быстрота реакции, смелость способствовали быстрой ликвидации последствий налетов.

Надо сказать, что в отличие от многих МПВО городов страны МПВО Ленинграда пришлось вести борьбу не только с яростными атаками немецкой авиации на город, но и с артиллерийскими обстрелами. Взрывы снарядов, сеющие смерть и разрушения, происходили в любое время суток и в любом районе. И вот в таких невероятно тяжелых условиях личному составу МПВО удалось сделать немало, и прежде всего сохранить жизнь многим и многим ленинградцам, не позволить врагу разрушить сотни важнейших сооружений, зданий, памятников, мостов бомбами, минами и огнем. Немалая заслуга в этом подвиге принадлежит Емельяну Сергеевичу Лагуткину.

4

Во время штурма вражескими войсками наших оборонительных линий, а также в период осады советская артиллерия показала всю свою мощь и из состязания с фашистской артиллерией вышла победительницей.

В обороне Ленинграда исключительно важную роль сыграл Краснознаменный Балтийский флот. Моряки и на воде, и на суше давали достойный отпор врагу. Кронштадт и его форты, корабельная артиллерия из своих грозных орудий открывали ураганный огонь по позициям неприятеля, причиняя серьезный ущерб живой силе и технике врага. С сентября 1941 года по январь 1942 года Балтийским флотом было выпущено по войскам противника 71 508 снарядов крупного калибра.

Орудийный огонь осажденных наводил страх на врага, о чем писали немецкие солдаты на родину в своих

письмах. У убитого солдата Геннига в сентябре 1941 года найдено недописанное письмо жене:

«Я хорошо отделался при последней атаке, хотя малость и мне досталось. Огонь русских был бесчеловечен. Наш полк имеет 190 убитых, без раненых и пропавших без вести. Каждый кусочек местности русские перепахали огнем всех видов оружия, но мы все же вышли здоровыми и получили свой первый отдых, так как за ночь нас сменила резервная часть. Неделями мы не имели времени подумать о себе, так как жили мы, как животные, до сегодняшнего дня почти все время без воды. Мы ели раз в день, и то сухой паек, при очень больших маршах. Но теперь мы пару дней будем отдыхать, и каждый рад, что он хоть раз может отложить в сторону свою винтовку».

Из дневника унтер-офицера Кюхнеля:

«Четверг, 18.IX. 1941 г. Ночью полил дождь. Продолжительное время была сильная стрельба легкой и тяжелой артиллерии противника. На рассвете были ошеломлены ружейным огнем с противной стороны. Четверо убитых, несколько человек ранено. Унтер-офицер Шлесс, унтер-офицер Клюге, Оц и Мюллер пали.

Воскресенье, 21.IX. 1941 г. Я думаю, что за время с 13.IX мы здесь потеряли больше, чем 50 человек. Артиллерия противника доставляет нам сейчас много хлопот. В полдень, в обычное время, артиллерийский и минометный огонь.

Суббота, 27.IX. 1941 г. До Ладожского озера и до Невы по прямой линии будет 11—15 километров. Я бы хотел этот день рассматривать как самый худший из прожитых. Уже через пять минут марша попали под огонь артиллерии.

Вторник, 30.IX. 1941 г. Ручных гранат вчера русские не бросали. В 12.00 был произведен ужасный залп из минометов по нашей позиции... убит ефрейтор, прямым попаданием убито 9 пареньков. Некоторые были как раз перед моим укрытием. Сегодня в полдень особенно сильно долбили передовых... одна мина влетела внутрь, человек 5—6 при этом убиты. И, кажется, один из моих. 2 человека были посланы туда для наблюдения, один из них тут же был ранен. Сегодня вечером еще убило одного офицера и 10 рядовых».

Из неотправленного письма солдата Гюнтера сестре Герте от 21 сентября 1941 года:

«Я сижу в окопе и хочу тебе написать пару строк. Русская артиллерия не оставляет нас в покое; стоит ей

перестать, как начинает стрелять какой-то сумасбродный танк. Все это уже припирает к горлу. Погода стоит очень плохая. Три дня подряд шел дождь. Все сыро, а ночью иней и морозит. Мы находимся к югу от Ладожского озера».

Из дневника унтер-офицера Виктора Колодзита:

«Среда, 1.X. 1941 г. Теперь это действительно, что октябрь наступил. До сегодняшнего утра я не верил, что мы останемся здесь. В 11 часов заработала вражеская артиллерия. Неописуемо тяжелый артиллерийский огонь со всех сторон. Много убитых и раненых».

И таких писем и дневников, характеризующих силу и эффективность обороняющихся и упадок духа немецких «голиафов», было множество.

Немецко-фашистское командование, понимая всю опасность для своих войск мощных морских орудий, ведущих огонь по их позициям крупными снарядами, от разрыва которых все кругом опустошалось на значительном пространстве, бросало сотни самолетов на Кронштадт, форты и стоянки кораблей, чтобы уничтожить морскую артиллерию. Одновременно немцы продолжали вести танковые атаки на оборонительные линии защитников города.

По приказу командующего фронтом Г. К. Жукова балтийцы повернули орудия на танковые колонны противника, рвущиеся к Ленинграду. Военные корабли заняли огневые позиции не только в Кронштадте, но и в устье Невы, в гаванях торгового порта. Под руководством опытного артиллериста контр-адмирала И. И. Грена наши корабли повели прицельный огонь по врагу.

В ответ фашисты произвели воздушный налет на линкор «Марат». Команда корабля отражала атаку слаженно. Одни вели интенсивный огонь из зенитных пушек по самолетам противника, другие продолжали обрушивать лавину орудийного огня на наступающие вражеские войска. На помощь команде корабля вскоре пришли наши истребители. Они с ходу врезались в середину боевого порядка «юнкерсов», которые были лишены возможности вести прицельное бомбометание. Сотни бомб падали в воду, поднимая фонтаны брызг. Одна все же попала на корабль, но не причинила большого ущерба, линкор остался в строю, сохранив боеспособность.

23 сентября авиация противника вновь произвела массированный налет на корабли, и особенно жестокой бомбардировке подвергся линкор «Марат» (уж очень

много он причинял фашистам неприятностей). На этот раз бомба попала в погреб корабля, произошел сильный взрыв. «Марат» сел на грунт, но три башни сохранились, и через месяц они продолжали бить по врагу из своих грозных орудий. Линкор уже не мог выходить в море, но, даже находясь на одном месте, он всю блокаду наносил врагу мощные удары.

Налеты на Кронштадт, на корабли в сентябре повторялись довольно часто. Многие деревянные строения в Кронштадте сгорели, понесли ущерб и некоторые корабли, но желаемого успеха враг не достиг. Артиллерию флота уничтожить ему не удалось, она с прежней силой обрушивала смертоносный огонь на фашистов.

В. Ф. Трибуц, докладывая Военному совету фронта о вражеских налетах, дал высокую оценку мужественному поведению моряков и летчиков. Большая заслуга в организации отражения атак фашистской авиации принадлежит командующему военно-воздушными силами Балтийского флота М. И. Самохину.

5

Великая ответственность лежала на руководителях обороны Ленинграда. От их стойкости и прозорливости зависело многое, и прежде всего моральное состояние войск и населения. А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Н. В. Соловьев постоянно общались с жителями города. Люди верили им так же, как они сами свято верили в победу в самые критические дни блокады.

Жданов хорошо знал местность, выезжал на передний край обороны, желая лично определить истинную обстановку и морально поддержать людей. В начале ноября находясь в войсках, он узнал, что передовые немецкие части поставлены на лыжи и одеты в белые халаты. Возвратившись в Ленинград, Жданов вызвал начальника тыла фронта генерал-майора Ф. Н. Лагунова и потребовал объяснения, почему наши передовые части не обеспечены лыжами и маскировочной одеждой. Лагунов доложил, что халаты через шесть-семь дней будут готовы, задержка произошла из-за позднего размещения заказа на фабриках, а с лыжами произошла осечка — их оказалось очень мало на складах военведа. Подумав, Лагунов добавил:

— Лыжи есть у гражданских лиц и организаций, им теперь они не нужны, но требуется время, чтобы их соб-

рать. Интендантство не предполагало, что так рано выпадет снег и установится зима.

Доклад Лагунова встревожил Жданова, он встал и несколько раз прошелся по небольшой продолговатой комнате, затем остановился перед картой, на которой яркой чертой была нанесена линия фронта. Эта черта в виде петли зловеще охватывала Ленинград. Показав рукой на карту, Жданов сказал:

— Немцы свои части в районе Шлиссельбурга уже поставили на лыжи, а ведь они и ходить-то на них как следует не умеют. А мы не готовы. Беспечность, преступная беспечность; ждали зиму в декабре, а она, видите ли, наступила с первых дней ноября. Война, товарищ Лагунов, ставит неожиданные задачи, и надо уметь решать их быстро. Вы же и интендантство пребываете в летаргии,— продолжал с гневом Жданов.— Вы, русский человек, можете и обязаны опережать иноземцев. Вот вам три дня. Если к этому времени не будут готовы лыжи и халаты, помните — мы находимся в осажденной крепости, а законы обороны суровы для нарушителей.

Жданов ценил Лагунова за его знания, правдивость и честность. Но там, где дело касалось обороны, он не прощал и малейшего упущения. Генерал развил энергичную деятельность: круглые сутки швейные фабрики и мастерские промкооперации шили маскировочные халаты, отовсюду свозились лыжи и отправлялись в войска. Приказание было выполнено в срок.

С наступлением холодов начали останавливаться промышленные предприятия. Движение городского транспорта почти прекратилось, бани закрылись: в зиму 1941/42 года изредка протапливалось семь-восемь бань. Продовольствия не хватало. В большинстве домов стекла были выбиты взрывной волной, окна заколачивали фанерой, досками, в квартирах становилось темно и холодно. Жилые кварталы за Нарвской заставой, в Московском и Володарском районах, близко расположенные к линии фронта, подвергались особенно частым и интенсивным артиллерийским обстрелам. В целях сохранения жизни людей городской Совет и райисполкомы переселили 54 тысячи человек из этих кварталов в более безопасные районы. Но расселить было очень сложно. После каждого налета авиации какое-то количество граждан лишалось крова, их приходилось вселять на переуплотненную площадь. Жить становилось трудно. Неожиданности переворачивали вверх дном установившийся образ жизни людей.

Перед Ленгорисполкомом ежедневно возникало много сложных проблем. Председатель исполкома П. С. Попков, с которым во время моего пребывания в Ленинграде приходилось встречаться почти каждый день, хорошо знал городское хозяйство, и это помогало ему решать текущие вопросы быстро и уверенно. Со стороны горкома партии и Военного совета фронта ему оказывалась полная поддержка в работе. В начальные дни осады он мало находился в Смольном. Часто выезжал на заводы, электростанции, в жилые кварталы, подвергавшиеся бомбардировкам авиации противника, и всеми имеющимися в его распоряжении средствами помогал пострадавшим. Особенно много времени и сил уходило у него на организацию заготовок дров и торфа, чтобы продлить работу электростанций, оборонных заводов, пищевых предприятий. Ленинградцы часто видели Попкова в его темной шинели на строительных рубежах, на развалинах домов, в госпиталях, на пожарищах. Человек он был душевный и впечатлительный, и все бедствия принимал близко к сердцу. Он находился в постоянном возбуждении, работал усердно и много, с характерной для него горячностью. По заданию Военного совета Петр Сергеевич неоднократно вылетал на Большую землю — в Тихвин, Волхов, Подборовье, Хвойное, Москву, чтобы личным участием содействовать усилению завоза нужных грузов для осажденных.

П. С. Попков твердо держал нити оперативного руководства различными службами города. А. А. Жданов относился с уважением к Попкову за его прямоту в суждениях, знания, энергичную деятельность. Своей инициативной работой, отзывчивостью он увлекал работников горисполкома на выполнение невероятно трудных задач, выпавших на их долю.

В Смольный ежедневно поступало множество писем от частных лиц и организаций. Их надо прочитать, разобрать, некоторые размножить, доложить кому следует, проследить за исполнением. Словом, работа незаметная и мало благодарная, в то же время требующая четкости и внимания. В этой связи хотелось бы сказать о человеке, который сумел обеспечить отличную постановку работ по рассмотрению писем и документов, поступающих в высшую инстанцию. Более того, он улавливал из разобщенных писем характерные факты, настроения людей и делал надлежащие выводы. Фамилия этого человека нигде в официальных документах не упоминалась, и потому нет или почти нет его имени и в послевоенной ли-

тературе, освещающей блокаду Ленинграда, а между тем он был в самом котле событий на протяжении всей блокады и много сделал полезных дел. Это был Александр Николаевич Кузнецов — помощник А. А. Жданова. По своему служебному положению он вел штабную работу, а эта деятельность негласная, и потому мало кому известна ее сложность. Нередко можно слышать довольно нелестные отзывы о штабных работниках. Кое-кто считает их канцеляристами, чинящими различные препоны в решении вопросов. Это ошибочное мнение. От четкой работы технического аппарата руководящего центра зависит очень многое, и Александр Николаевич блестяще доказал это. Через его руки проходила вся информация, он был участником почти всех малых и больших совещаний, его рукой написаны многие решения Военного совета фронта. Он выполнял ответственные поручения А. А. Жданова, умел хранить тайну и четко обеспечивать контроль за исполнением. По роду своей работы А. Н. Кузнецов прочитывал стопы различных донесений, писем, сводок, радиоперехватов, шифротелеграмм и из этой груды бумаг умело отбирал главное для доклада руководству. Обладая высокой общей культурой и редкой работоспособностью, он оказывал большую помощь всем тем, кто соприкасался с ним по работе. По поручению руководства Кузнецов с группой товарищей составляет открытое письмо воинам ледовой трассы, редактирует известное обращение Военного совета фронта, горкома партии и Ленгорисполкома к населению Ленинграда от 21 августа 1941 года. Эти волнующие обращения прочно вошли в летопись истории борьбы осажденного города. Сдержанный и скромный, А. Н. Кузнецов всегда оставался в тени, хотя осуществлял постоянный контакт с райкомами партии, с военачальниками, директорами крупных заводов, учеными, оказывая всем зависящую от него помощь в рассмотрении и решении возникающих вопросов.

Военные и гражданские служащие в Смольном работали много, напряженно, об отдыхе не могло быть и речи. Иногда поздно вечером в небольшом зале на первом этаже смотрели кинофильмы. Эти часы являлись единственным досугом, отвлекавшим людей от их дум и забот. Помню, как в один из октябрьских вечеров после крайне напряженного дня мы, до предела усталые, смотрели кинокартину «Маскарад». По окончании фильма настроение поднялось, хотелось высказаться. Игра Тамары Макаровой в роли Нины и Мордвинова в

роли Арбенина всех захватила. Жданов, улыбаясь, сказал:

— Усталость как рукой сняло, фильм великолепен.

Смольный походил на гигантский улей. Круглые сутки через главный подъезд приходили и уходили люди. В многочисленных комнатах кипела работа: составлялись сводки, отдавались распоряжения по завозу топлива, эвакуации населения, строительству оборонительных сооружений, экономному расходованию продовольствия.

Большую работу по обеспечению прочной связи между тылом и фронтом выполняли руководящие работники Ленинградского обкома и горкома партии. Из Смольного исходило политическое руководство обороной и всей хозяйственной жизнью города.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить напряженную, кипучую работу в Смольном и считаю деятельность Военного совета фронта, обкома и горкома партии в тяжелые дни блокады одним из ярких проявлений духа и физических сил, доказывающих, какие неисчерпаемые запасы творческой энергии имеются у преданных делу людей и на что они способны, когда их призывает голос Родины.

В свое время А. В. Луначарский писал:

«Я уверен, что когда-нибудь Смольный будет считаться храмом нашего духа и с благоговением войдут в него толпы наших потомков, для которых каждая кроха воспоминаний о днях Октябрьской революции будет казаться драгоценностью» [1].

Так и произошло, только к тем драгоценным воспоминаниям о днях Октябрьской революции добавляются воспоминания о грозных днях блокады, о непреклонной воле осажденных, сумевших не пустить врага в Ленинград и разгромить его у стен города.

---

[1] *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия, 1968, с. 174.

НАЛИЧИЕ И ПОИСК ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
(сентябрь — декабрь 1941 года)

1

Вторжение неприятельских войск на территорию Советского Союза и быстрое их продвижение в глубь страны поставили народное хозяйство в крайне тяжелое положение. Заводы, которые были расположены в западных районах и должны были, по планам мирного времени, вырабатывать продукцию и поставлять ее народному хозяйству, оказались вынужденными перебазироваться на восток.

Нескончаемым потоком двигались люди со своим скарбом, перемещались предприятия со станками и оборудованием, перегонялся скот. Казалось, земля встала дыбом и все живое и неодушевленное катилось с запада на восток. И все же даже в этом хаосе стремительных и непостижимых пертурбаций руководящая нить управления хозяйством не была потеряна.

Прочность государства зависит во многом от своевременного и точного исполнения каждым человеком возложенных на него обязанностей, а в чрезвычайных обстоятельствах это требование является непреложным.

Советские люди, несмотря на чудовищные трудности, не растерялись и продолжали, где бы они ни находились, выполнять свои обязанности. В этом была и есть сила нашего государства.

Когда вражеские войска в начале июля заняли Псков, органы власти и хозяйственные организации начали спешно эвакуировать из угрожаемых районов области важнейшие виды оборудования, запасы сырья и материалов; что не успевали вывозить — уничтожали. Особенно торопились спасти зерно, хранившееся на специальных базах. Самообладание и решительные действия работников баз и железнодорожного транспорта позволили перед самым носом передовых частей про-

тивника вывезти около трех миллионов пудов зерна в безопасную зону.

Правда, в суматохе тех неповторимых дней были допущены и ошибки в направлении поездов с эвакуируемыми грузами. Вместо того чтобы железнодорожные составы, заполненные материалами и сырьем, направить в Ленинград, где их могли быстро разгрузить и освободить вагоны для других грузов, а материалы и сырье использовать на нужды города, многие поезда направлялись на восток страны. В это же самое время ускоренно продвигались маршруты с такими же видами сырья и материалами из центральных областей в Ленинград. Как ни парадоксально, но в момент предельной загрузки железных дорог производятся большие встречные перевозки в ущерб вывозу важнейших видов оборудования и других грузов, требующих эвакуации. Этот и немало других примеров показывают, что в начале войны возникали трудности, нередко порождаемые множественностью ведомственных организаций и несогласованностью их планов. И все же указанные ошибки не могут заслонить заслуг рабочих, железнодорожников и служащих государственного аппарата, сумевших под огнем противника увезти все то, что могло способствовать укреплению мощи врага.

С приближением военных действий непосредственно к стенам Ленинграда в городе создались особенно большие трудности в снабжении населения и войск продовольствием. Расход продуктов из имеющихся запасов возрос. Маршруты с провиантом, ежедневно прибывавшие в распоряжение интендантства фронта и КБФ из центральных районов страны, с первых дней сентября перестали поступать. С этого времени войска и моряки Балтийского флота питались за счет ресурсов, имевшихся в городе. Кроме военных контингентов, Ленинград пополнился более чем 100 тысячами беженцев из Прибалтийских республик, Пскова, Луги, Петрозаводска, с Карельского перешейка, из рабочих поселков. Покидая свой кров, население эвакуировалось в глубь страны, но дальше Ленинграда уехать не могло: железные дороги, грунтовые пути перехватил неприятель. Беженцы длительное время жили в вагонах, загнанных в тупики железнодорожного узла, испытывая неудобства и лишения. Они терпеливо ждали, что перерезанные пути вот-вот будут очищены от врага и вагоны, заполненные людьми, последуют дальше. Ожидания оказались напрасными. С наступлением холодов беженцы из вагонов были переве-

дены в общежития. Каждый взрослый человек, трудился ли он или воевал, был нужен для защиты Ленинграда. Вместе с тем ограниченные запасы продовольствия настоятельно требовали не увеличивать число едоков в городе, а как можно больше эвакуировать их. Но было уже поздно. Потребление увеличивалось, запасы сокращались. Медленная эвакуация населения в июле — августе в значительной степени объяснялась тем, что жители города, не ощущая прямой угрозы, не хотели покидать Ленинград. Гражданские власти города также были далеки от предположения, что немцы могут оказаться на территории Ленинградской области. Об этом убедительно говорит такой характерный эпизод.

В конце июня -- начале июля из Ленинграда начали эвакуировать детей. Но куда? Несколько эшелонов с детьми были отправлены в Ярославскую область, большинство же детворы вывезли в Ленинградскую область, в районы Луги, Толмачева, Гатчины и другие места постоянного отдыха детей в мирное время, то есть навстречу наступающему противнику. И только тогда, когда танки противника, оставив позади себя Псков, мчались к Луге, опасность положения была осознана. Всех ребят, которые были так поспешно вывезены не в тыл страны, а ближе к фронту, удалось обратно перевезти в Ленинград. Отсюда через некоторое время несколько десятков тысяч детей были снова эвакуированы, но на этот раз уже в тыл страны. Около трех лет находились они в разлуке с родителями, которым пришлось за это время пережить невероятные трудности и лишения.

Тяжело было матерям расставаться с детьми, которых эвакуировали в далекие края (Кировскую, Свердловскую области). Много было пролито слез при расставании, и еще больше оставалось невыплаканного горя на сердце родителей. Но в скором времени тревога отцов и матерей за судьбы детей сменилась чувством удовлетворения. Их дети находились в полной безопасности. Органы власти создали все необходимые условия для обучения и воспитания эвакуированных ребят. Они были размещены в теплых помещениях, обеспечены питанием и окружены заботой и вниманием.

Те же дети, которые остались в Ленинграде, при всей заботе о них родителей, городских и районных властей, общественности перенесли тяжелые лишения. Их чистые глаза видели слишком много горя и страданий. Страшные ночи бомбардировок, ужас разрушения жилых домов, гибель близких и родных людей не могли

пройти мимо впечатлительной души подростков. О том, что так случилось, приходится только сожалеть.

Глубокая убежденность населения, а также городских партийных и советских организаций в том, что врагу не удастся близко подойти к Ленинграду, сдерживала темпы эвакуации людей. Главным образом уезжали семьи рабочих тех промышленных предприятий, которые были ранее эвакуированы в восточные области страны. С большими трудностями за июль — август в глубь страны было вывезено не более 400 тысяч человек[1], тогда как необходимо было вывезти в два-три раза больше. Представители местных органов власти иногда рассматривали отказ граждан от эвакуации как проявление патриотических чувств, тем самым невольно поощряя людей к невыезду.

Нередко можно было слышать: «Наше население готово работать на передовых позициях, но не уезжать из Ленинграда». Такой довод отражал настроение ленинградцев, но с ним нельзя было мириться, так как старики, инвалиды, дети не работали, а их пребывание в городе приводило к расходованию и без того скудных запасов продовольствия. К тому же нельзя не учитывать и такую особенность. Большинство ленинградцев в июле — первой половине августа не знали, где точно находятся вражеские войска. Город тогда еще не подвергался бомбардировкам, и это создавало успокоительное настроение. Нужны были крутые административные меры, чтобы люди покинули город, как повелевал ход развивающихся событий. Однако к таким мерам прибегали весьма осторожно. В результате в блокированном городе оказалось 2 миллиона 544 тысячи человек гражданского населения, в том числе около 400 тысяч детей.

---

[1] По официальным данным, с 29 июня по 27 августа 1941 года вывезено из Ленинграда 636 283 человека (ЛПА, ф. 24, оп. 26, д. 6237, л. 45), но в это количество включены также беженцы из Прибалтийских республик, Карело-Финской ССР, Ленинградской области, а это уже не имеет прямого отношения к излагаемой мною теме. Речь идет не вообще о количестве вывезенных людей через ленинградский узел, а о населении города Ленинграда. Именно эта сторона представляет интерес для анализа и изложения последующих событий. Кроме того, необходимо учитывать и то, что какое-то количество эвакуированных в июне—июле по различным причинам в августе вернулось в Ленинград, но учета этих людей, конечно, никто не вел.

Если же взять численность населения Ленинграда на начало 1941 года, вычесть (расчетно) число призванных в армию и оставшееся количество людей (по данным выданных хлебных карточек в сентябре, а также довольствующихся лиц с котла), то на долю эвакуированных ленинградцев остается не более 400 тысяч человек.

Кроме того, в пригородных районах (в кольце блокады) осталось 343 тысячи человек[1]. В сентябре, когда начались систематические бомбардировки, обстрелы и пожары, многие тысячи семей хотели бы выехать, но пути были отрезаны. Массовая эвакуация граждан началась только с января 1942 года по ледовой дороге.

Несомненно, что в эвакуации людей в начальный период войны (июнь — август) была допущена медлительность. Большое количество детей, женщин, стариков и больных, оставшихся в осажденном городе, создавало дополнительные трудности.

2

С помощью выделенных горкомом партии людей 10 и 11 сентября был проведен переучет всех съестных припасов, скота, птицы, зерна. Продовольствия оказалось несколько больше, чем сообщил Попков 6 сентября в Государственный Комитет Обороны. Исходя из фактического расхода на обеспечение войск и населения, на 12 сентября имелось: муки и зерна — на 35 дней, крупы и макарон — на 30, мяса — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 дней. В некоторых книгах и журнальных статьях запасы продовольствия указаны в меньших размерах, чем приведено мною, при этом авторы ссылаются на отчет Ленинградского городского комитета партии. В этом документе сказано:

«С сентября месяца, когда город Ленинград оказался блокированным неприятелем и прекратилось железнодорожное сообщение города со страной, товарные ресурсы города на 6 сентября обеспечивали снабжение населения: по муке — на 14,1 дня, по крупе — на 23 дня, мясу и мясопродуктам — на 18,7 дня, жирам — 20,8 дня, сахару и кондитерским изделиям — 47,9 дня»[2].

Приведенные данные говорят прежде всего о том, что в отчете речь идет об обеспечении оставшимися запасами только населения, без учета потребности войск и наличия продовольствия, находившегося в ведении фронта и КБФ. Уже одно это обстоятельство не позволяет читателям получить истинное представление о продовольственных ресурсах, оставшихся у осажденных.

---

[1] Цифры по Ленинграду приведены по данным учета выдачи хлебных карточек в сентябре 1941 года и котловому довольствию (расчетно); по пригородным районам — по данным облисполкома от 20 сентября 1941 года.

[2] ЛПА, ф. 25, оп. 15, д. 143, л. 75—78.

Между тем со дня начала блокады войска фронта, личный состав КБФ и население города использовали продовольствие, которое находилось в кольце блокады, будь то запасы городских организаций, центральных или военных — значения уже не имело. Именно эта сторона представляет познавательный интерес. Кроме того, в отчете далеко не полностью отражены фактические остатки. Так, например, там сказано только о наличии муки и ни слова не говорится о наличии зерна. Между тем на 12 сентября оказалось кроме муки более 10 тысяч тонн хлебного зерна, 3 тысячи тонн сухарей (без учета неприкосновенных запасов в войсках), 4800 тонн соевых бобов.

Такие же неточности допущены и в определении наличия мяса. В отчете говорится, что мяса и мясопродуктов оставалось на 18,7 дня. Эта цифра примерно соответствует запасам мяса, хранившимся в холодильниках. Но это были далеко не все ресурсы. На 12 сентября в подсобных хозяйствах предприятий общественного питания имелось 18 769 свиней и в совхозах Свинотреста— 4410. Кроме того, в различных хозяйственных организациях содержалось 4357 голов крупного рогатого скота. Весь этот скот позднее был забит, а мясо взято на учет и поступило в общий котел распределения. В наличии также имелось 700 тонн битой птицы и значительное количество консервов. Приуменьшены в отчете остатки жиров, сахара и кондитерских изделий.

Необходимо учитывать также и то, что суточный расход продуктов для гражданского населения в отчете исчислен в несколько бо́льших размерах, чем на 12 сентября. Объясняется это тем, что 12 сентября нормы довольствия по некоторым продуктам, в частности по хлебу, были меньше, чем 6 сентября.

При определении остатков продуктов в днях мы исходили из следующих данных:

наличия всех видов продовольствия у военных, в государственном резерве и гражданских организациях;

фактической численности войск, КБФ, населения (по числу выданных хлебных карточек на сентябрь), а также различных команд и организаций, получавших продукты на котловое довольствие;

действующих норм довольствия войск и населения на 12 сентября.

Переучет продовольственных ресурсов дал многое. Запасы, как уже сказано, оказались больше, чем считали вначале. Теперь на учет были взяты все продукты и

прекратился их расход вне плана. И все же, поскольку рассчитывать на завоз продовольствия в нужных размерах с Большой земли не приходилось, сложившееся положение вызывало серьезную озабоченность. О наличии продовольствия мною было подробно доложено в ГКО, а на следующий день и новому командующему фронтом.

Это была моя первая встреча с Г. К. Жуковым. О нем я знал мало. О его полководческом искусстве слышал только то, что под его руководством наши войска разбили сильнейшую группировку японских войск в районе Халхин-Гола в 1939 году. Как о человеке слышал разное. Одни говорили: недоступен, не считается ни с кем, другие утверждали: человек с сильным характером, строг, знает, чего хочет.

Войдя в кабинет, который был мне уже знаком, я увидел генерала, склонившегося над лежавшей на столе картой. В правой руке он держал большой, с двух концов заточенный карандаш и делал им то синие, то красные пометки на карте. Я представился. Жуков оторвался от карты, пожал мне руку, сел за большой стол и движением руки пригласил меня сесть напротив него. В наружности Жукова было что-то властное, лицо энергичное. Я рассказал о проведенной переписи всех имеющихся запасов продовольствия в городе и в войсках. Высказал свои соображения о необходимости дальнейшего сокращения расхода продуктов питания. Жуков внимательно слушал и что-то записывал в лежащий перед ним блокнот. Когда я все доложил, он сказал:

— Ваши предложения поддерживаю, изложите их в виде постановления, обсудим на Военном совете.

После короткой паузы проговорил:

— Перед моим отлетом в Ленинград товарищ Сталин сказал, что продовольствия в Ленинграде мало, надо экономно его расходовать. Он сильно этим озабочен.

Мне казалось, что Жуков хотел еще что-то добавить к напутственным словам Сталина, но не сделал этого, а спросил:

— А вы сообщили товарищу Сталину о наличии продовольствия на последнюю дату?

— Да, я послал подробную информацию в ГКО по этому вопросу.

Жуков вышел из-за стола и, протягивая мне руку, проговорил:

— Если что потребуется, вы знаете, где меня найти.

Вернувшись от командующего к себе — а я работал в Смольном на том же этаже, где и Военный совет,—

сразу же приступил к составлению проекта постановления Военного совета об экономном расходовании продовольствия. Мой коллега и помощник полковник Д. И. Кокушкин спросил о впечатлении, произведенном на меня командующим.

— Думаю, что он человек дела, немногословен, несуетлив, решителен,— ответил я.

— А вы знаете,— воскликнул Кокушкин,— у меня тоже сложилось мнение, что Жуков — человек решительный, к тому же строгий.

— Почему?— спросил я, несколько удивленный таким заключением.

— Офицеры штаба,— ответил Дмитрий Иванович,— стали очень тщательно отрабатывать оперативные данные, сверяют, перепроверяют, видимо, знают требовательность командующего и его строгость.

Здесь я немного отклонюсь от темы, чтобы поделиться своими мыслями о Г. К. Жукове.

В первой половине сентября, когда враг рвался к Ленинграду и был близок к этой цели, Жуков, сохраняя хладнокровие, действовал быстро и решительно. Его твердость в исполнении принятых Военным советом решений, распорядительность создавали атмосферу уверенности в том, что враг не пройдет. Предельное нервное напряжение у генералов и офицеров штаба, нередко мешавшее осуществлению должных мер, стало спадать. Г. К. Жуков пробыл в Ленинграде всего 27 дней, но и за этот короткий срок оставил о себе неизгладимую память. О полководческом таланте, мужестве и твердости духа, о его роли в разгроме фашистской армии написано и сказано хорошо, правдиво и обстоятельно. Однако в некоторых произведениях Жуков показан человеком черствым, предельно грубым, мало с кем считавшимся, особенно во время его пребывания в Ленинграде.

В кинокартине «Блокада» есть кадры — приезд Г. К. Жукова в сентябре 1941 года в Ленинград и вступление его на пост командующего фронтом. Посмотрев их, я был удивлен и опечален. Постановщики картины, очевидно, желая наиболее выпукло показать сильный характер нового командующего, его дальновидность, на мой взгляд, переусердствовали, и довольно изрядно.

В ключевой сцене, посвященной заседанию Военного совета, происходит не обсуждение, а выслушивание замечаний и поучений командующего. Жуков в шинели, словно он находится в землянке, ведет разговор с членами Военного совета фронта в вызывающем, оскорби-

тельном тоне, как будто перед ним находятся провинившиеся ученики, нуждающиеся в его наставлении. Разговаривая по телефону, командующий кому-то грозит расстрелом за паникерство, хотя тут же выясняется, что никакого паникерства нет. Член Военного совета А. А. Жданов в чем-то оправдывается перед командующим. Другие члены Военного совета и начальник штаба молчат. Их роль ограничивается созерцанием грозного командующего. Надо полагать, что, не желая того, авторы картины принизили подлинную деятельность членов Военного совета и не только не достигли (в этой сцене) поставленной цели — показать недюжинные способности командующего, а скорее вызвали неприятные чувства зрителей к его поведению.

Я же могу сказать, что приезд Жукова в Ленинград и прием им дел от Ворошилова проходил совершенно в иной обстановке, чем показано в кинокартине «Блокада».

Могут сказать, что в художественном произведении вымысел допустим. С этим следует согласиться лишь в том случае, если вымысел не подменяет правду, а помогает лучше понять прошлое.

В данном же случае мы видим придуманное, а не то, что в действительности имело место.

Прием дел от Ворошилова проходил в деловой обстановке, а именно так, как пишет Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»:

«Поздоровавшись с К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым, попросил разрешения присутствовать на заседании. Через некоторое время вручил К. Е. Ворошилову записку И. В. Сталина. Должен сознаться, что делал я это не без внутреннего волнения. Маршал прочитал записку молча и чуть кивнул головой, передал записку А. А. Жданову, продолжая проводить заседание» [1].

Взаимоотношения Жукова со Ждановым, Кузнецовым и другими членами Военного совета с первого же дня его приезда были дружественными, откровенными в течение всего времени его пребывания в Ленинграде.

Те, кто работал с А. А. Ждановым, хорошо знают, как велико было его влияние, а его авторитет партийного руководителя был очень высок. После войны я неоднократно слышал от Г. К. Жукова, что многое, что он успел сделать на Ленинградском фронте, было осуществлено благодаря партийной организации Ленинграда и ав-

---

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1974, т. 1, с. 395.

торитетной поддержке со стороны А. А. Жданова, к которому он питал глубокое уважение. Позднее Г. К. Жуков писал в книге «Воспоминания и размышления»:

«Особенно ободряло то, что во главе Ленинградской партийной организации и членом Военного совета фронта был секретарь Центрального Комитета ВКП(б) Андрей Александрович Жданов, прекрасный организатор, обаятельный и душевный человек, которого глубоко уважали ленинградцы, войска фронта и флота» [1].

Встречаясь с Жуковым после войны, мы нередко возвращались к воспоминаниям о пережитых днях в сентябре 1941 года в осажденном Ленинграде. В одной из таких бесед я напомнил Георгию Константиновичу о нашей первой встрече в Смольном и спросил, помнит ли он, как, передавая мне напутственные слова Сталина, хотел еще что-то добавить, но промолчал. На это Жуков ответил:

— Верно. На прощание, перед моим отлетом в Ленинград, Сталин сказал, что положение на Ленинградском фронте очень тяжелое и, если немцы возьмут Ленинград, наше положение политически крайне осложнится. Вашей задачей, сказал мне Сталин, является не допустить врага в Ленинград, чего бы это вам ни стоило.

Вот я и хотел сказать тогда вам об этом, но воздержался. А воздержался потому, что хотя обстановка и была предельно опасной, но не безнадежной. Войска, жители города проявляли исключительную стойкость, военные и гражданские власти делали все, чтобы отстоять город.— Георгий Константинович сделал паузу, посмотрел на меня, улыбнулся.— И, как вы знаете, врагу не удалось ворваться в город,— добавил он.

В начале октября Ставка перебросила Г. К. Жукова на Западный фронт. Эта мера была вызвана тем, что в конце сентября немцы начали мощное фронтальное наступление на Москву.

«Этот столичный город... был важен для немцев в том отношении, что овладение им имело решающее значение в военном, экономическом и политическом отношениях. Захват Москвы для немцев в 1941 году был гораздо важнее, чем для Наполеона в 1812 году» [2] — так, по словам Гудериана, оценивал Гитлер значение Москвы. Враг рвался к столице, охватывая ее с флангов танковыми колоннами.

---

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 1, с. 396.
[2] Итоги второй мировой войны, с. 118.

Советское правительство, Верховное Главнокомандование предпринимают энергичные меры к укреплению обороны столицы. Подходившие из глубин Сибири эшелоны войск сосредоточивались под Москвой. Заводы форсированно выпускали танки, оружие и спешно направляли на Западный фронт. В эти же тяжелые для обоих городов дни ленинградцы воздушным путем перебрасывают под Москву некоторое число пушек и другого вооружения, за что командование Западного фронта было весьма признательно им, сумевшим в трудных условиях оказать помощь столице.

На Западном фронте Г. К. Жуков так же, как и в Ленинграде, опираясь на поддержку партийной организации столицы, быстро привел в действие предоставленные в его распоряжение силы и средства для отражения атак противника. Более того, в соответствии с разработанным планом Ставки, в составлении которого Г. К. Жуков принимал непосредственное участие, он сумел от обороны перейти в контрнаступление по всему фронту. Отбросив немецко-фашистские войска на 150—300 километров от Москвы, вписал тем самым яркую страницу в историю военного искусства Советских Вооруженных Сил.

После отъезда Г. К. Жукова из Ленинграда в командование Ленфронтом вступил генерал И. И. Федюнинский, но пробыл на этом посту он недолго, не более двух недель. Не обладая опытом командования в таких масштабах, он попросил Ставку его заменить. Просьба была удовлетворена. На пост командующего фронтом был назначен генерал-лейтенант И. С Хозин, а генерал Федюнинский получил назначение в 54-ю армию, защищавшую подступы к Ленинграду с восточной стороны Ладожского озера. Эта армия под его командованием сыграла крупную роль в обороне города, о чем будет сказано ниже.

3

Работая над проектом постановления Военного совета фронта об экономном расходовании продовольствия, мы установили, что хранение продуктов, их учет и тем более расход не отвечали сложившейся обстановке. Так, почти весь запас муки хранился на двух мельничных комбинатах — имени Ленина и имени Кирова. Такая концентрация была опасна. Артиллерийские обстрелы, бомбардировка и вызываемые ими пожары ежедневно грозили уменьшить и без того малые запасы продоволь-

ствия. Пищевые товары находились в ведении десяти различных хозяйственных организаций. Коммерческая сеть столовых и ресторанов, где продукты продавались без карточек, продолжала функционировать. Через эту сеть продавалось от 8 до 12 процентов от общей реализации жиров, мясопродуктов, сахара и кондитерских изделий. Крабовые консервы продавались неограниченно и без зачета в норму. На торговых базах хранились растительные жиры, на складах интендантства — животное масло, а так как единого плана снабжения не было, то и расход их производился нерационально.

Больные и дети обеспечивались питанием в больницах и детских домах, кроме того, за ними сохранялись карточки, по которым им также отпускались продукты.

В обычных условиях нормирования перечисленные факты в расходовании продовольствия допустимы, но Ленинград с начала сентября оказался не в обычных условиях, а в чрезвычайных. Со дня осады города борьба с врагом стала делом всего населения. Чтобы устоять, выиграть время, требовалось ограничить себя во всем: в питании, обогреве жилища, в пользовании водой, в средствах передвижения и многом другом.

Сообразуясь с обстановкой, Военный совет принимает меры по сокращению расхода продуктов питания. 2 сентября проводится первое сокращение продажи хлеба гражданскому населению с начала введения карточек. С этого дня рабочие получали 600 граммов, служащие— 400, иждивенцы и дети — по 300 граммов хлеба в день. Расход муки после сокращения хлебного пайка все еще оставался высоким — более 2 тысяч тонн в сутки. 12 сентября второй раз уменьшается хлебная норма. На рабочую карточку с этого дня выдавали 500 граммов, на служащую и детскую — по 300, на иждивенческую — 250 граммов хлеба, личному составу, находившемуся на котловом довольствии (это главным образом были учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО, пожарные команды, военизированная охрана фабрик, заводов, железнодорожного транспорта и формирования МПВО города), — по 500 граммов, мобилизованным на строительство оборонительных укреплений — по 500 граммов в сутки, причем исполкомы райсоветов и руководители предприятий во избежание двойного расхода хлеба обязаны были отбирать хлебные карточки на время выполнения заданий у тех, кто призывается на работу за город.

На мясо и крупы были также установлены уменьшенные нормы, а на сахар, кондитерские изделия и жиры

размер продажи установлен несколько выше действовавших в то время норм для ряда других городов Советского Союза, что считалось необходимым для частичного восполнения уменьшенного пайка на мясо, крупы, овощи. Однако ресурсы сахара и жиров не позволили сохранить эти нормы надолго: в ноябре они были сокращены и на эти продукты [1].

Теперь, рассматривая события прошлого, когда все легко установить и рассчитать до грамма, можно сказать, что не следовало увеличивать нормы продажи сахара и особенно жиров в сентябре. Израсходованные в сентябре и октябре примерно 2500 тонн сахара и 600 тонн жиров за счет дополнительной прибавки крайне пригодились бы в декабре, так как в этом месяце хлеба выдавали совсем мало, жиры взрослому населению почти не выделялись и ничем не заменялись, другие продукты отпускались по самой ничтожной норме. Но тогда, в сентябре 41-го года, непроницаемая даль неизвестности не позволяла видеть многое из того, что ясно в настоящее время.

Ликвидируется коммерческая сеть ресторанов и столовых. Производство пива, мороженого, выпечка пирожков, пирожных прекращается. В столовых вводится частичный зачет продуктов в счет нормы, полагавшейся по карточкам.

16 сентября Военный совет принял постановление, направленное на дальнейшее рациональное использование сырья, экономное расходование продуктов и их бережное хранение, выявление дополнительных источников питания.

Продукты питания во всех гражданских организациях, в войсках и на фронте берутся на строгий учет. Данные об остатках продовольствия под ответственность руководителей предприятий через каждые десять дней представлялись Ленгорисполкому и, в копии, уполномоченному ГКО.

Наряды (указания) ведомственных центров на расход продуктов аннулируются, так как, не зная истинной обстановки в Ленинграде, они своими запоздалыми указаниями вносили путаницу в дело снабжения. Об этом свидетельствует такой небольшой, но характерный для того периода факт. Главное управление сахарной промышленности, находившееся в Москве, прислало в середине

---

[1] Нормы выдачи продовольствия и их изменения указаны на с. 115—116.

сентября 1941 года телеграмму ленинградской конторе «Сахаросбыт» с требованием отгрузить несколько вагонов сахару из Ленинграда в Вологду, хотя с 8 сентября Ленинград был уже блокирован. Подобных казусов было немало из-за несвоевременной осведомленности людей, деятельность которых была связана в той или иной степени с положением на фронте.

Расход продуктов сверх установленного лимита без специального на то разрешения Военного совета строго воспрещался.

Скот, имевшийся в государственных хозяйствах, предлагалось забить, а мясо сдать на заготовительные пункты для распределения.

Фуражное зерно, предназначенное для корма животных, предложено перевезти на мельницы, перемолоть и использовать как примесь к ржаной муке в хлебопечении.

Администрации лечебных заведений вменяется в обязанность из карточек граждан, находящихся на лечении, вырезать талоны на продукты за время их пребывания в больницах. Такой же порядок распространялся и на детей, находившихся в детских домах.

Выдача кому бы то ни было разовых талонов (а их до этого выдавалось несколько тысяч) на получение продовольствия была запрещена.

Эти меры позволили сократить дублированный расход продовольствия на 80 тысяч человек в месяц.

Здесь будет уместным указать на ошибку, допущенную Н. А. Манаковым в его книге «В кольце блокады». В ней говорится, что с начала блокады «нормирование продуктов и изменение норм снабжения производилось единым органом — продовольственной комиссией под руководством А. А. Кузнецова» [1].

В действительности решения о нормах довольствия, расходе продовольствия принимались исключительно Военным советом фронта, и только этот орган имел право распределять продукты питания. Никакой продовольственной комиссии с начала блокады до января 1942 года не было.

Комиссия, о которой идет речь, была образована в январе 42-го года, причем с ограниченными правами. Создание ее было вызвано тем, что с увеличением завоза продовольствия по зимней дороге через Ладожское озеро в Смольный стала поступать масса писем от пред-

[1] *Манаков Н. А.* В кольце блокады. Л.: Лениздат, 1961, с. 93.

приятий, организаций и отдельных лиц с просьбами об увеличении норм довольствия. В беседе с А. А. Ждановым я высказал пожелание, чтобы просьбы граждан и предприятий об увеличении норм выдачи продуктов поступали в одно место, независимо от того, кому они адресованы, и рассматривались бы небольшой комиссией, наделенной правом решать, кому следует прибавить нормы, но в пределах лимита расходования продовольствия, установленного Военным советом. Андрей Александрович согласился образовать такую комиссию и предложил мне возглавить ее.

— Это может неправильно быть понято в Москве, ведь на меня возложен контроль за расходом,— ответил я,— а вот членом комиссии, пожалуй, мне следует быть.

— Ну что же, так и сделаем,— заключил беседу А. А. Жданов.

11 января 1942 года Военный совет вынес постановление образовать продовольственную комиссию в составе А. А. Кузнецова, Д. В. Павлова, П. С. Попкова и Н. В. Соловьева. В этом же решении сказано, что вопросы, связанные с увеличением расхода продовольствия, могут решаться комиссией в пределах лимита, установленного Военным советом.

Пишу об этом, может быть, излишне подробно только потому, что допущенная неточность в книге Манакова некоторыми авторами принимается за достоверный факт и на него ссылаются. Так, в книге «Непокоренный Ленинград», вышедшей в свет в 1974 году, рассказывается о положении с продовольствием в сентябре 1941 года: «Контроль над распределением продуктов питания осуществляла специально созданная продовольственная комиссия, которую возглавил секретарь горкома партии А. А. Кузнецов»[1]. В конце этой фразы сделана сноска на книгу Манакова.

Как могла комиссия осуществлять контроль над распределением продуктов в сентябре, если ее в то время не было?

Соль и спички в первые месяцы осады продавались без ограничения. В декабре в порядке предосторожности стали отпускать на карточку 400 граммов соли и четыре коробки спичек, что было вполне достаточно, и нужды в этих товарах в начальный период блокады население не испытывало. Зато остро нуждались жители города в керосине. Много перенесли они горя и немало потеряли

[1] Непокоренный Ленинград. Л.: Наука, 1974, с. 159.

здоровья в поисках этой жидкости, чтобы осветить жилище и сварить скудную пищу. В сентябре выдали по 2,5 литра керосина на человека, и на этом выдача закончилась. До февраля 1942 года керосин гражданскому населению не отпускался, освещались только общественные здания, госпитали, больницы, детские учреждения. Мыло выдавали регулярно по 200 граммов на человека в месяц.

Лишения, так неожиданно обрушившиеся на голову мирных людей, не ослабили их энергичных действий, опасность заставила насторожиться и сосредоточить внимание на вопросах текущих дней.

Во избежание гибели от возможных пожаров муку развезли по складам в более безопасные места. В этих же целях освободили от зерна портовые элеваторы и склады, расположенные близко к переднему краю противника.

За весь период блокады фашистам не удалось нанести серьезного ущерба запасам продовольствия, за исключением потери от пожара на складах имени Бадаева небольшого количества муки и сахара. Потери произошли 8 сентября — в день массированного налета вражеской авиации на город. От зажигательных бомб загорелись деревянные склады, построенные еще в 1914 году петербургским купцом Растеряевым. Постройки быстро воспламенились, а так как пожарные разрывы между складами были небольшие (10 метров), то огонь одного горящего склада сливался с другим, образуя большое пламя, что крайне затрудняло борьбу с ним. Потребовалось много усилий пожарных команд и рабочих, чтобы потушить огонь. На складах хранились для текущей потребности некоторые продовольственные товары, инвентарь, запасные части и другое имущество торговых организаций. Через несколько дней после пожара выяснилось, что погибло от огня 3 тысячи тонн муки и примерно 2500 тонн сахара-рафинада превратилось в густой сироп, подернувшийся сверху черной коркой. Позднее эту сахарную массу переработали на кондитерские изделия, так что потери сахара, по оценке работников торговли, составили не более 700 тонн.

Подробное описание пожара и размеры потерь от него приведены здесь для того, чтобы опровергнуть вымысел тех авторов, которые рассказывают небылицы, связанные с этим пожаром.

В литературе первых послевоенных лет пожару на складах имени Бадаева придается большое значение. А

его описания таковы, что читатель должен сделать вывод о гибели большого количества продовольствия, следствием чего стал голод. До поры до времени домысел этот мог быть как-то оправдан, так как в то время нигде не было сказано, сколько погибло продовольствия от пожара. Другое дело теперь, когда последствия пожара широко известны. Тем не менее и в 1959 году, вопреки известным фактам, публиковались измышления о большой гибели проводольствия. В брошюре Т. А. Ждановой «Крепость на Неве» говорится:

«Фугасные и зажигательные бомбы противника произвели ряд опустошительных разрушений на ленинградских продовольственных складах. Зарево пожарищ пылало над городом. Горели Бадаевские склады с продовольствием, которого могло бы хватить по крайней мере на три с лишним года для всего населения Ленинграда. Скоро в осажденном городе стала остро ощущаться нехватка продовольствия и топлива» [1].

Такое утверждение автора базируется не на фактах, а на слухах и догадках. Автор брошюры, позволяющий себе писать о том, что горели склады с продовольствием, «которого могло бы хватить по крайней мере на три с лишним года», несомненно не имеет и малейшего представления о потребности населения Ленинграда и, следовательно, о размерах запасов. И еще меньше знает предмет, о котором пишет, то есть Бадаевские склады, их емкость и наличие там хранившихся грузов, не говоря уже о самом пожаре и его последствиях. Столь несерьезное отношение к фактам, имеющим важное значение для оценки положения дел в осажденном городе, нетерпимо, тем более что брошюра издана для воссоздания картины исторической битвы советских людей за город Ленина.

Жители пригородных районов — Всеволожского, Парголовского, частично Слуцкого, Ораниенбаумского — по решению Военного совета обязаны были сдавать государству весь картофель сверх установленной нормы для личного потребления. Для колхозников, имевших посевы картофеля на приусадебных участках, норма потребления была установлена — 15 килограммов на человека в месяц. Картофель, заложенный в семенной фонд, полностью подлежал сдаче государству. Лица, скрывшие овощи от учета, привлекались к ответственности по законам военного времени.

---

[1] *Жданова Т. А.* Крепость на Неве. М.: Политиздат, 1959, с. 28.

К 20 сентября на склады торгующих организаций поступило 2352 тонны картофеля и овощей. Большая часть картофеля в это время еще оставалась в земле, так как картофельные поля оказались в зоне обстрела. Заметив движение людей на поле, немцы открывали огонь, и многие смельчаки гибли. Времени для уборки оставалось мало: в дверь стучалась зима. На помощь колхозникам пришли рабочие и служащие предприятий Ленинграда. Убирали картофель больше по ночам, пробирались на поля ползком, прятались в воронках, лежа копали землю и собирали картофель в кучи. Сухая погода благоприятствовала уборке. Урожай, за исключением небольшой части, где поля вплотную подходили к переднему краю неприятеля, собрали и вывезли. Население получило дополнительно 7300 тонн картофеля и овощей, а всего поступило к распределению 9652 тонны, или меньше четырех килограммов на одного человека. При таких запасах приходилось беречь овощи. Расходовали их крайне экономно — выдавали госпиталям, больницам, заводским столовым, войскам первой линии, и время от времени по разовым талонам небольшое количество продавали населению.

Заготовку, приемку и хранение картофеля и овощей производил Плодоовощторг. На этот же торг позднее была возложена и заготовка хвои. Из нее по разработанной Научно-исследовательским витаминным институтом методике изготовлялся настой, содержащий витамин С. В условиях блокады этот напиток спасал людей от цинготных заболеваний.

Доставлять муку или зерно с Большой земли, как называли в то время территорию страны по ту сторону кольца обороны, по Ладожскому озеру в первые месяцы осады в размерах, обеспечивающих даже минимальную потребность, было невозможно. Вопрос снабжения хлебом являлся вопросом жизни и смерти. Стали изыскивать и испытывать различные средства, способные в какой-то мере уменьшить и продлить расход продовольствия. Поскольку производство пива было прекращено, весь солод в количестве 8 тысяч тонн, хранившийся на пивоваренных заводах, перевезли на мельницы, размололи и использовали как примесь к хлебу. На складах интендантства имелось около 5 тысяч тонн овса для корма лошадей; как ни жалко было лишать лошадей хорошего корма, но пришлось это сделать, чтобы поддержать людей. Овес перемололи и использовали на хлебопечение.

С 15 сентября, учитывая запасы хлебных злаков, хлеб стали выпекать из следующего состава: ржаной муки — 52%, овсяной — 30, ячменной — 8, соевой — 5, солодовой — 5%.

Лишившись овса, интендантство встало перед вопросом, чем кормить лошадей. Для хозяйственных нужд лошади были необходимы, а корма для них не имелось. Завозить сено с Большой земли не представлялось никакой возможности. После долгих исканий нашли выход, правда, мало устраивавший лошадей, но все же смягчавший на некоторое время остроту вопроса их снабжения. На Управление лесной охраны зоны Ленинграда и Управление Октябрьской железной дороги возложили заготовку ветвей (молодых побегов); их срезали, связывали пучками и вывозили из леса. Перед тем как давать этот корм лошадям, ветки распаривали горячей водой, посыпали хлопковым жмыхом, добавляли соли. Наряду с заготовкой веток организовали производство торфяного комбикорма на Лахтинском торфозаводе. Комбикорм состоял из хлопкового жмыха, торфяного очеса, мельничной пыли, отрубей, мясокостной муки и соли. Такой корм выпускался в прессованном виде тюками весом до 80 килограммов. В отличие от веточного корма, торфяной комбикорм лошади ели плохо.

Напряжение в снабжении города хлебом требовало большой маневренности скудными ресурсами муки, зерна и примесей. Ежедневно перевозили со складов и мелькомбинатов на хлебозаводы примеси к муке, чтобы не допускать выпечку хлеба на одних заводах с меньшим процентом установленных суррогатов, чем на других. В противном случае неодинаковое качество хлеба при маленькой количественной норме вызвало бы справедливое негодование людей. Чтобы мельницы могли в нужном ассортименте подготовить примеси, приходилось из десятков различных пунктов города завозить на них сырье. Перевозки выполнялись при острой нехватке бензина, частых воздушных тревогах и обстрелах, в условиях затемнения и недостатка грузчиков. Для оперативного круглосуточного руководства погрузочно-разгрузочными работами и перевозками была образована диспетчерская группа из ответственных работников при городской конторе «Заготзерно».

В магазинах, столовых работали главным образом женщины, многие из них заменили ушедших на фронт мужчин. Работа в торговых предприятиях требовала большой физической выносливости и гибкости в деле об-

служивания населения, и надо сказать, что женщины выполняли ее с честью. Карточная система увеличила нагрузку на работников магазинов. Продавцы после напряженного рабочего дня (после закрытия магазина) продолжали еще долго трудиться — подсчитывать талоны. Для отдыха почти не оставалось времени, но на это никто не обращал внимания: мысли и действия были направлены к тому, чтобы к очередному дню своевременно доставить продукты, а задача эта была далеко не легкая.

Пока в городе было трамвайное движение, торговые предприятия широко использовали его грузовой парк. Ежедневно трамваи перевозили более тысячи тонн товаров. Но постепенно и этот вид транспортировки сокращался, а вскоре трамваи остановились, и надолго. Возник вопрос: какими средствами доставлять продовольствие в магазины? Лошадей нет, автомашины мобилизованы для нужд армии, трамваи из-за отсутствия электроэнергии замерли. Выход был один: перевозить товары на тележках. С конца октября перевозка осуществлялась силами работников торговли, а когда выпал снег, стали доставлять товары на санках.

В зимние месяцы этим видом транспорта доставлялась основная масса грузов. Продавцы, как правило женщины, тянули ценную поклажу весом 200—300 килограммов нередко с одного конца города на другой. В повозку впрягались три-четыре человека, везти груз было очень тяжело. Погода держалась пасмурная, холодная, часто дул ветер. Образовались сугробы, а снег все подваливал да подваливал; мелкий, сухой, зыбкий, он засасывал, словно песок. Каждый шаг требовал усилий. Люди тянули повозку с крайним напряжением сил, требовалось несколько часов, чтобы доставить продукты. И так изо дня в день, даже в крепкие морозы, преодолевая невероятные трудности, продавцы завозили продовольствие к открытию магазинов, сами были обессилены, а впереди рабочий день.

Но еще больше трудностей выпало на долю работников общественного питания. Чтобы к 6 часам утра приготовить пищу, им приходилось по ночам искать топлива. Разбирали, где было возможно, деревянные дома, пустующие киоски, ларьки, а затем на тележках, а часто и на своих плечах доставляли дрова и продукты. В декабре — январе положение стало еще хуже: наступили сильные холода. Замерз водопровод. Стали возить воду с Невы. На санки ставилась бочка, из прору-

би ведрами наливали в нее воду, и потом несколько человек везли бочку в столовую. Стекла в столовых, как и во многих домах, в то время были выбиты, привезенная вода в помещении замерзала.

Груды льда образовывались в цехах. Тяжести переносили на плечах по обледенелым, темным лестницам, люди спотыкались, падали, с трудом подымались, но доводили дело до конца. По окончании трудового дня многим работникам приходилось несколько километров идти пешком, чтобы переночевать дома. А рано утром вновь за дело. И не было случая, чтобы по их вине сорвалось питание рабочих. В столовых было налажено производство хвойного настоя. Изобретались различные способы приготовления пищи из суррогатов. Коллектив работников общественного питания, начальник управления А. И. Фельдман проявили большую оперативность в решении сложных задач, вытекающих из обстановки. Им принадлежит немалая заслуга в создании питательных пунктов в эшелонах беженцев, на строительных рубежах, а позднее — на путях эвакуации населения в зимние месяцы 1942 года.

Труженики торговли и общественного питания внесли немалую долю своего полезного труда в общее дело защиты города.

В сентябре вражеская авиация потопила несколько барж с зерном в Ладожском озере вблизи Осиновца. В октябре усилиями водолазных команд Балтийского флота баржи подняли. Зерно из-за длительного нахождения в воде проросло, в обычных условиях оно могло быть использовано только на корм скоту, но в то время даже такое зерно представляло большую ценность. Отнятые у рыб Ладожского озера баржи с хлебом увеличили ресурсы питания людей на 2800 тонн. Зерно просушили на пивоваренных заводах, перемололи и использовали в смеси с хорошей мукой.

К 20 октября ячменную муку полностью израсходовали, и примесь к ржаной муке пришлось изменить. Хлеб с этого числа выпекался в следующем составе: муки ржаной — 63 %, льняного жмыха — 4, отрубей — 4, овсяной муки — 8, соевой — 4, солодовой — 12, муки из затхлого зерна — 5 %. Вкусовые качества хлеба ухудшились, он отдавал затхлостью и солодом.

Прошло 15 суток со дня последних изменений рецептурных смесей выпечки хлеба, и опять встал тот же вопрос: что делать? Солодовая мука подходила к концу, расходовать же ржаную муку в большом про-

центе не позволяли запасы. Продолжали изыскивать заменители. Группа рабочих торгового порта предложила использовать в пищу хлопковый жмых, завезенный на территорию порта в мирное время. В пищу хлопковый жмых раньше не применяли, так как считали, что имеющееся в нем ядовитое вещество (госсипол) опасно для здоровья людей. Произвели несколько опытов, и оказалось, что опасения напрасны. Ядовитое вещество при выпечке хлеба от высокой температуры разрушается и угрозы отравления не представляет. Предложение рабочих было принято. Ресурсы хлеба увеличились за счет найденного суррогата на 4 тысячи тонн. Жмых быстро вывезли с территории порта, размололи и использовали в пищу. Вначале к ржаной муке примешивали 3 % хлопкового жмыха, а через пять-шесть дней примесь довели до 10 %. Нужда изобретательна, она толкала людей искать и находить пищу там, где раньше они не могли себе даже представить.

Применение различных суррогатов в хлебопечении и особенно частые замены одних видов примесей на другие требовали от работников хлебозаводов сложной и крайне напряженной работы. И только благодаря хорошо поставленной организации труда рабочих, искусству мастеров, лаборантов, их высокой требовательности хлеб выпекали более-менее удовлетворительного качества. Во всяком случае, вкусовые данные хлеба были такими, каких только можно было добиться при тех размерах примесей и качестве муки.

Принятые меры позволили уменьшить ежесуточный расход муки на 1200 тонн. Если в начале сентября расходовали свыше 2 тысяч тонн в сутки, то к 1 ноября расход довели до 880 тонн. Столь значительная экономия за 45 дней явилась результатом крутых и решительных действий Военного совета, партийных и советских организаций города.

Продлевая на более длительный срок небольшие запасы хлеба, ленинградцы выигрывали время. Однако проведенная экономия была только началом борьбы за продовольственные ресурсы, за оборону города.

Все руководящие указания и оперативные действия по изысканию дополнительных источников питания исходили из Смольного. Сюда поступало большое количество предложений от различных организаций, предприятий и отдельных лиц по выработке того или иного вида продукта с наиболее экономным расходованием сырья. Инициатива граждан энергично поддерживалась

работниками горкома партии, Ленгорисполкома, каждое предложение внимательно рассматривалось. К созданию производства суррогатов и разработке системы снабжения немало усилий приложили секретарь горкома партии П. Г. Лазутин и заведующий отделом пищевой промышленности горкома партии А. П. Клеменчук. Их спокойная рассудительность и знания технологии производства помогали работникам пищевой промышленности и снабжения решать сложные задачи, выдвигаемые жизнью.

Городской комитет партии выделил несколько сот коммунистов, которые по заданию Военного совета тщательно осматривали места, где могли находиться продукты в мирное время. Искали в подвалах, вагонах, на баржах, складах, словом, во всех щелях огромного города, и все, что можно применить в пищу, брали на учет и свозили на склады. На пивоваренных заводах в солодовнях вскрыли полы и собрали 110 тонн солода. На мельницах за многие годы мучная пыль наросла слоями на стенах. За несколько дней эту пыль бережно собрали, обработали и использовали в хлебопечении. Трясли, выбивали каждый мешок, в котором когда-то была мука. Вытряски и выбойки из мешков просеивали и использовали как примесь к хорошей муке. В торговом порту хранилось 2 тысячи тонн бараньих кишок, завезенных в мирное время для экспорта, их полностью использовали в пищу. В железнодорожных вагонах, загнанных в тупики, нашли 1 тысячу тонн льняного жмыха, 500 тонн муки, 100 тонн трески в бочках, 30 тонн масла животного. В пригородах, совхозах, на предприятиях, речных баржах, железнодорожных складах находили продукты, где килограммы, а где и тонны; все, что находили, собирали и свозили на торговые базы, обрабатывали и распределяли по плану.

Хлебных суррогатов с начала блокады до конца декабря 1941 года изыскали, переработали и съели свыше 18 тысяч тонн, не считая солодовой, ячменной, овсяной и кукурузной муки. Это были главным образом хлопковые, конопляные, кокосовые, льняные жмыхи, ячменные, ржаные отруби, мельничная пыль, проросшее зерно, рисовая лузга, кукурузные ростки, отсевы отрубей, выбойки из мешков. В то критическое время суррогаты хлеба дали возможность более 25 дней снабжать население и войска. А в условиях осады каждый выигранный день имел неоценимое значение для защитников города. Суррогаты применяли не только в хлебопечении.

Мука из жмыхов отпускалась в столовые, где из нее приготовляли биточки, оладьи, а кондитерские фабрики вырабатывали конфеты. Взамен крупы часто выдавали серо-черные, с шероховатой поверхностью макароны, приготовленные из ржаной муки с примесью пяти процентов льняного жмыха. О вкусе говорить не приходилось — это чувство было потеряно. Все мысли сосредоточивались на одном — найти какую-либо пищу, утолить голод. Из овсяных отрубей приготовляли кисели, а из дрожжей варили супы в общественных столовых и засчитывали в счет нормы продуктов (крупы), полагавшихся по карточкам.

Горисполком в начале октября принял постановление, обязывающее хозяйственные организации и войсковые части сдавать отбракованных лошадей, не пригодных для работы, на приемные пункты Ленмясомолсбыта (в Коломягах, Пороховых). Убой лошадей в хозяйствах владельцев запрещался. Пригодность конского мяса для пищевых целей устанавливалась ветеринарным надзором на приемных пунктах. Конину применяли в колбасу и продавали мясом. Колбаса приготовлялась по упрощенной рецептуре: конского мяса — 75 %, муки картофельной — 12, свинины — 11 %, кроме того, добавлялись селитра, перец черный, чеснок. Конское мясо и колбаса полностью засчитывались в счет нормы, установленной на карточку. О предубеждениях к конине не могло быть и речи. Лошадей в городе было мало, и конина стала такой же редкостью, как и свинина или другое мясо. Колбасы приготовлялись также с применением до 40 % соевой муки. Экономили мясо всеми средствами, заменяли его чем только могли, но запасы таяли с каждым днем. Из бараньих кишок варили студень, который издавал неприятный запах; пришлось добавить гвоздичного масла: аромат гвоздики перебивал запах кишок. Студень поступал в продажу вместо мяса по коэффициенту 1:3, то есть за 100 граммов мяса — 300 граммов студня. На складах кожевенных заводов нашли небольшое количество шкур опойков (молодых телят). Из мездры этих шкур варили студень, вкус и запах этого блюда был крайне плохой, но кто считался с этим! Из водорослей — ламинарии и анфельции — приготовляли кисели.

Вряд ли можно изложить все факты изобретательности по замене пищевых продуктов суррогатами. Нужда многому научила.

Городской, районные комитеты партии, Ленгорисполком внимательно следили за работой хлебозаводов.

Как бы ни было тяжело в городе с топливом, транспортом, электроэнергией, хлебозаводам помогали чем только могли. И все же на плечи людей, работающих в хлебопечении, ложились огромные заботы.

Возглавлял хлебопечение Н. А. Смирнов. Он знал и любил свое дело. В довоенные годы Смирнов сумел поставить дело так, что в Ленинград приезжали специалисты из разных городов, чтобы перенимать передовой опыт ленинградцев. Блокада города поставила перед работниками хлебопекарной промышленности очень трудные задачи. При голодной норме особенно важно, чтобы хлеб был удовлетворительного качества. А как этого добиться, если к муке примешивали (в отдельные периоды) до 40 % различных суррогатов и примесей, а припек довели до 68 %, да и можно ли назвать припеком столь высокую влажность хлеба? Но и за тот хлеб, что ели осажденные, руководителям хлебопечения пришлось многое пережить. Как уже упоминалось, нельзя было допустить, чтобы хлеб где-то выпекался с большим или меньшим процентом примесей, чем на других предприятиях. Для этого необходимо было на всех хлебозаводах иметь хотя бы небольшие запасы муки и всех примесей к ней. А чтобы этого достичь, требовались чрезвычайные усилия, предельное напряжение нервов и много бессонных ночей. Осложняло работу то, что примеси, суррогаты часто менялись — то жмых или отруби, то овсяная мука и мельничная пыль, то проросшее зерно и солодовая мука, а чтобы найти нужную пропорцию для каждого вида примеси, требовалось время, а его-то и не было.

В конце ноября перед хлебопекарной промышленностью возникла еще одна важная проблема: использовать новый вид суррогата хлеба — пищевую целлюлозу. Ученые при активной поддержке секретаря горкома партии П. Г. Лазутина и заведующего отделом пищевой промышленности А. П. Клеменчука добились промышленной выработки пищевой целлюлозной муки (из древесины). На эту муку мы возлагали большие надежды. Но как она скажется на качестве хлеба, никто еще не знал. Трест хлебопечения получил задание применить этот суррогат в хлеб. Вскоре Н. А. Смирнов принес в Смольный буханку хлеба, выпеченную с примесью долгожданной целлюлозы.

Это было событие. Собрались члены Военного совета, секретари горкома партии, ответственные работники Ленгорисполкома — всем хотелось знать, что же

получилось. На вид хлеб был привлекательным, с румяной коркой, а на вкус горьковато-травянистый. Съев кусок хлеба, чувствуешь во рту горечь.

— А сколько целлюлозной муки в хлебе? — спросил А. А. Кузнецов.

— Десять процентов,— ответил Смирнов. Помолчав какое-то время, он сказал: — Этот суррогат хуже всех тех, что мы использовали ранее. Пищевая ценность целлюлозной муки незначительна.

Нам очень хотелось, исходя из состояния ресурсов, увеличить размеры примесей, сэкономить муку, но пришлось остановиться на десяти процентах. (Вскоре и этот процент был уменьшен.) Замечания Смирнова охладили наш пыл. Целлюлоза не оправдала радужных надежд, но все же помогла пережить критические дни осени и зимы 1941 года[1].

Н. А. Смирнов к поручениям руководства города относился с пониманием обстановки. Помню такой случай. Ему предложили найти заменители пищевого масла, расходуемого на смазку форм при выпечке хлеба. Он, как никто другой, знал, как это трудно сделать. Годами применялось масло, и вдруг его надо заменить. Но чем? Смирнов привлекает мастеров, лаборантов, сам без устали работает над рецептурой по созданию эмульсии, которая позволила бы выпеченный хлеб вынимать из форм и не придавала бы запаха и постороннего привкуса хлебу. Упорный труд увенчался успехом, эмульсия была создана. Ежедневный расход масла удалось уменьшить на 2 тонны. А это было немало для того времени.

В романе А. Б. Чаковского «Блокада» есть такие строки: «...две тысячи ослабевших от голода... девушек-комсомолок живой цепью соединяли один из хлебозаводов с прорубью на Неве, черпали оттуда ведрами ледяную воду и передавали из рук в руки... Свирепствовал ледяной ветер, термометр показывал тридцать один градус ниже нуля, но человеческий конвейер работал безостановочно с четырех часов дня до полуночи... А рано утром те же девушки вручную, на санках, развозили по булочным только что выпеченный хлеб...»[2].

---

[1] В некоторых книгах, статьях говорится, что в хлеб примешивали опилки, древесную кору и другие несъедобные примеси. Это неверно. Таких примесей не было.

[2] *Чаковский А. Б.* Блокада. Книга пятая. М.: Сов. писатель, 1975, с. 369.

Эти строки — не художественный вымысел. Опасность прекращения выпечки хлеба подстерегала нас со всех сторон: это и перебои с электроэнергией, и артобстрелы, и трудности с водой, и многое другое. Остановка хлебных заводов означала бы полную катастрофу.

От руководителя хлебопекарной промышленности в тех условиях, в которых находился город, требовались исключительное самообладание, гибкость, умение маневрировать тощими ресурсами, предвидеть наступающие трудности и вовремя поднимать всех на ноги. Все эти качества у Николая Александровича Смирнова были. Прошло много лет, как он умер, но я отчетливо помню его умное сосредоточенное лицо, добрые серые глаза, изрядно поседевшую голову. Он остался в благодарной памяти ленинградцев, переживших блокаду. Мне везло в жизни на умных, расторопных, деятельных товарищей по работе, одним из которых был Николай Александрович Смирнов.

4

Снабжение продовольствием в то время сводилось к двум основным проблемам.

Первая — быстрее организовать массовый завоз грузов через озеро, а до поступления продовольствия сохранить имеющиеся ресурсы на более длительный срок, чтобы не оставить войска и население совсем без пищи.

Вторая — распределить продукты питания так, чтобы затраты человеческой энергии за трудовой день были в какой-то степени восстановлены, по крайней мере для той категории рабочих, труд которых решал судьбу обороны.

Однако в скором времени пришлось пересмотреть нормы питания и рабочих. Первая проблема надолго отодвинула вторую. Были дни, когда все держалось на волоске и опасность его обрыва, как дамоклов меч, висела над головой осажденных. Принимая меры, доступные силам человеческим, по доставке продовольствия, приходилось, считаясь с обстановкой, все больше и больше сокращать размер пайка в ущерб здоровью людей[1].

---

[1] Промышленные товары не были так жизненно необходимы осажденным, как продукты питания, поэтому для краткости изложения мной освещается деятельность ленинградцев только в борьбе за продовольствие.

КРУТЫЕ МЕРЫ

(август — декабрь 1941 года)

В связи с нападением вооруженных сил фашистской Германии на Советский Союз миллионы людей по призыву правительства встали под боевые знамена. Наиболее деятельная часть населения оказалась оторванной от производительного труда в промышленности и сельском хозяйстве. В то же время потребность в централизованном снабжении продуктами питания значительно возросла. В этих условиях, чтобы обеспечить бесперебойное довольствие войск и снабжение городского населения товарами, правительство вынуждено было ввести карточную систему снабжения, нормировав отпуск товаров.

В июле 1941 года устанавливаются государственные гарантированные нормы продовольственного снабжения для населения Москвы, Ленинграда и пригородных районов этих городов. В августе — сентябре этого же года на нормированное снабжение хлебом, сахаром переводится все городское население страны. В октябре нормируется продажа мясопродуктов, рыбопродуктов, круп и макарон, а с начала следующего года по карточкам распределяются и многие промышленные товары.

Нормы снабжения устанавливались в зависимости от наличия (с учетом производства) тех или иных товаров и были дифференцированы по группам населения в зависимости от характера и важности выполняемой работы. Основным принципом распределения являлось обеспечение повышенного потребления за ударный труд на производстве. Были введены специальные карточки, талоны на дополнительное питание рабочих, занятых на подземных работах, в горячих цехах и на других тяжелых работах, доноров, больных, беременных женщин, детей.

Установленные нормы на продукты питания соблюдались, а цены на них, как и на получаемые по карточкам основные промышленные товары, оставались всю войну неизменными, то есть на довоенном уровне.

С захватом немецкими войсками Украины, Белоруссии, некоторых областей РСФСР трудности в обеспечении населения продовольствием намного возросли. Бедствие невиданной силы обрушилось на советских людей. В первый же год войны на захваченных врагом землях оказалось 47% довоенных посевных площадей и 45% поголовья скота. И все же питание городского населения ниже 2555 калорий в среднем на взрослого едока в сутки не опускалось (1942 год), а в последующие годы даже возросло.

Надо сказать, что такое устойчивое снабжение населения и армии было бы неосуществимо на протяжении столь длительных и опустошительных военных действий, если бы мелкое единоличное хозяйство с его отсталыми орудиями земледелия и низкой урожайностью не было бы своевременно преобразовано в колхозное с применением в крупных масштабах передовой техники. Колхозы выполняли планы заготовок и поставок сельскохозяйственных продуктов государству. Колхозники во время войны нередко ограничивали свои потребности, стремясь в первую очередь обеспечить нужды армии и рабочих центров.

Немалую роль в увеличении продовольственных ресурсов страны сыграли подсобные хозяйства промышленных предприятий. Посевные площади этих хозяйств с 1365 тысяч гектаров в 1940 году возросли до 3104 тысяч в 1943 году. Увеличилось и поголовье скота. Продукция, получаемая из подсобных хозяйств, как правило, направлялась в столовые при заводах, фабриках.

Серьезным подспорьем в получении продуктов для многих городских семей стали индивидуальные огороды. С каждым годом число рабочих, служащих, желающих иметь свой огород, увеличивалось. В 1945 году число огородников достигло 18,6 миллиона человек. Миллионы горожан обеспечивали свою потребность в овощах, картофеле, а излишки поставляли на рынок.

Оглядываясь назад и вспоминая обстановку военных лет, нельзя не восхищаться самодисциплинированностью населения. Рабочие, колхозники, служащие, домашние хозяйки вели борьбу со спекулянтами, помогали органам власти в налаживании распределения то-

варов, в создании широкой сети общественного питания и во многом другом, а это позволило быстро и организованно в масштабах страны осуществить переход от свободного товарооборота к нормированному снабжению.

С переходом на карточную систему жители городов Советского Союза, кроме продуктов, получаемых по установленным нормам, могли также приобретать пищевые товары на колхозных рынках, в коммерческих магазинах. В Ленинграде же, в особенности в первый период блокады, такая возможность исключалась. Карточка являлась единственным источником получения продуктов. И если человек владел лишней карточкой, то он имел ни с чем не сравнимое преимущество перед другими. Поэтому эгоисты и проходимцы стремились всеми неправдами заполучить две, а если представлялся случай, то и больше карточек. Они всеми средствами во имя живота своего добывали всякого рода талоны на дополнительное питание. Такие люди подобны саранче: они опасны, если к ним не применяются меры, исключающие их вредоносную деятельность в самом начале.

Ошибочно выданные или обманно полученные карточки приводили к дополнительному расходованию продуктов питания, а в условиях осады города это равносильно удару в спину. Однако эгоисты, в худшем смысле этого слова, фабриковали ложные справки, мошеннически, где удавалось, получали дополнительные карточки. Пути к незаконному приобретению их изобретали самые различные. Некоторые управдомы в сговоре с дворниками выписывали карточки на вымышленных лиц; возвращаемые жильцами карточки на выбывших или умерших людей в ряде случаев присваивались нечестными работниками в домоуправлениях, на предприятиях. Они использовали каждое упущение управления по учету и выдаче продовольственных карточек.

Колхозные рынки были пусты. Население знало, что продуктов нет и неоткуда им появиться, в избытке было только горе, но его никто не покупал, у каждого хватало своего. И все же ежедневно по утрам здесь собиралось множество людей, надеявшихся по воле случая приобрести что-нибудь съестное. Иногда тому или иному счастливцу удавалось купить по баснословной цене небольшую пачку чайного напитка или лошадиную кость, и такие покупки были очень редки.

Карточка была дороже денег, дороже картин великих живописцев, дороже всех других шедевров искусства. Отсюда следовало, что к выдаче карточек, их хранению, учету, погашению талонов отношение должно было быть очень строгое. Однако в начале сентября со стороны ряда райисполкомов мало уделялось внимания работе довольно сложной распределительной системы. Выдача разовых талонов на получение продовольствия производилась с нарушениями инструкции. Наблюдение за возвратом карточек, если их владельцы потеряли на них право, в полной мере не обеспечивалось. В сентябре бюро заборных книжек при районных Советах выдали 70 тысяч разовых талонов на получение продовольственного пайка, между тем значительная часть этих талонов была получена гражданами, имеющими карточки. На ряде предприятий служащим выдавали продукты по категории рабочих. Имели место и другие нарушения. Если подобные факты недопустимы в обычных условиях распределительной системы, то в условиях осады они приобретали опасный характер. Каждая тонна излишне израсходованного продовольствия прямо затрагивала интересы населения и обороноспособность города. Чтобы пресечь злоупотребления и обеспечить строгий порядок в расходовании продуктов, Военный совет в начале октября запретил производить выдачу разовых талонов на продовольственные товары и обязал Ленгорисполком:

карточки выдавать гражданам только после тщательной проверки первичных документов, а должностных лиц, допустивших нарушение инструкции о порядке выдачи, привлекать к судебной ответственности;

укрепить лучшими людьми из актива районных Советов кадры работников по учету карточек на предприятиях и в домохозяйствах;

запретить администрации предприятий и учреждений без согласия районных Советов снимать или перемещать работников по учету карточек на другую работу.

Для контроля за ходом оформления документов на право получения продовольственного пайка в октябре было привлечено более 3 тысяч партийных и советских работников.

Принятые меры по строгому соблюдению правил выдачи карточек дали ощутимый результат. В октябре их было выдано 2421 тысяча (кроме пригородных районов), или на 97 тысяч меньше, чем в сентябре.

Эгоисты и пройдохи, выискивавшие пути незаконного приобретения карточек, наткнулись на такой барьер общественного и государственного контроля, что их активность оказалась парализованной. Правда, отдельные случаи обманного получения продовольствия были. Злоумышленники подбирали бумагу, краски и каллиграфически, от руки изготовляли фальшивые карточки. В магазинах при тусклом освещении лампы или мерцающем свете коптилок фальшивки иногда сходили за подлинные.

В ноябре милиция задержала женщину, у которой обнаружили 100 продуктовых карточек. Она оказалась служащей фабрики, где печатались карточки. Хитрыми обманными путями она сумела выкрасть их и вынести с фабрики.

Были и другие факты злоупотреблений; они вскрывались, а преступники сурово наказывались.

Военный совет и городские власти беспокоила и такая мысль: а что если враг подбросит фальшивые карточки? Может создаться неразбериха. Принимать меры, когда факт свершится, будет поздно, от такой опасности необходимо оградить людей заблаговременно.

Мысль о фальшивых карточках навеяли листовки, сбрасываемые с самолетов немцами. Они же «выпускали» газету «Правда» на русском языке, формат и шрифт газеты нацисты подгоняли под известную всему советскому народу газету «Правда», под статьями указывались фамилии видных деятелей нашего государства, науки, искусства, содержание же статей, листовок было провокационным, подстрекающим людей к произволу. Если враг использовал такие методы в борьбе на идеологическом фронте, то почему он то же самое не может сделать для подрыва снабжения города?

Обычно поздно вечером Кузнецов, Попков и я встречались и делились друг с другом мыслями о положении дел. В те дни все менялось с кинематографической быстротой, и было чем поделиться. В одну из таких встреч Попков и высказал опасение возможного появления фальшивых карточек. Чтобы не дать возможности пользоваться ими, он предложил в середине каждого месяца проводить перерегистрацию карточек. Я добавил, что такая мера нужна еще и потому, что многие лица по разным причинам — призыв в армию, зачисление на котловое довольствие и по другим обстоятельствам утрачивают право на пользование карточками. Несво-

евременная их сдача в какой-то мере приводит к дополнительному расходу продовольствия. Кузнецов тут же позвонил Жданову, рассказал ему об утечке продовольствия и о возможном появлении фальшивых карточек. В качестве предупредительной меры предложил провести перерегистрацию карточек. Жданов одобрил наш замысел и дал указание Попкову осуществить его.

10 октября горисполком принял решение: «В целях пресечения злоупотреблений продовольственными карточками и недопущения получения продовольственных товаров по возможным фальшивым карточкам провести с 12 по 18 октября 1941 года перерегистрацию выданных продовольственных карточек на октябрь месяц».

Провести перерегистрацию карточек в середине месяца в столь большом городе — технически сложное дело. Потребовалось прежде всего много людей, а в то время каждый работник был нужен на своем месте. Проверка производилась в домоуправлениях и по месту работы. Каждый гражданин обязан был документально доказать свои права на получение карточек. Документы сверялись с фактическим состоянием семьи, местом и характером работы.

На карточках после проверки ставился штамп «Перерегистрировано». В магазинах с 18 октября без такого штампа продукты не отпускались, а предъявляемые карточки, не прошедшие перерегистрации, отбирались. В итоге количество хлебных карточек уменьшилось на 88 тысяч, на мясопродукты — на 97 тысяч, на жиры — на 92 тысячи и примерно такое же количество на другие продукты. Сокращение произошло главным образом за счет лиц, состоявших на котловом довольствии, не возвративших карточки по тем или иным причинам в бюро заборных книжек. Сколько пропало фальшивых карточек и были ли они — трудно сказать, так как их к регистрации предъявить никто не посмел [1].

Проведенная работа себя полностью оправдала. Даже скептики, которые вначале считали перерегистрацию излишней предосторожностью, вынуждены были

---

[1] В книге «Вечный огонь Ленинграда» А. Блатина (М.: Сов. Россия, 1976) говорится, что немцами были сброшены фальшивые карточки, но их удалось своевременно изъять. Ни в одном официальном документе об этом факте не упоминается. Я за свое пребывание в Ленинграде ни от кого не слышал о сброшенных фальшивых карточках. Если бы такой факт был, то Военный совет фронта, партийные организации города обязательно знали бы об этом.

признать ее большой практический и профилактический результат.

Жизнь, однако, щедра на сложности. В конце декабря возникла пренеприятная неожиданность. У районного бюро заборных книжек стали выстраиваться очереди за получением карточек взамен утерянных, причем потери с каждым днем увеличивались. В октябре было выдано взамен утерянных 4800 карточек, в ноябре — 13 тысяч, а в декабре — 24 тысячи. Было над чем задуматься. Расход продовольствия на какое-то время был двойной, кто-то пользовался найденными карточками. Вызывало сомнение и то, действительно ли потери были столь значительными. Узнав об этом, А. А. Жданов пригласил к себе Кузнецова, Попкова, Капустина и меня и попросил высказаться, как поступать дальше. Кузнецов и я предложили не выдавать карточек взамен утерянных. Хотя эта мера суровая, но в сложившихся условиях только она может пресечь утечку продовольствия, заявили мы.

Секретарь горкома партии Капустин и председатель горисполкома Попков высказали противоположное мнение, а именно: карточки надо выдавать, так как Ленинград находится в исключительном положении и человек, потерявший карточку, ни за какие деньги не сможет приобрести продукты питания. Что же остается ему делать? Умирать?

— А как отличить подлинную потерю от мнимой? — спросил Жданов.

Ясного ответа на это не последовало, да и не могло быть. Пострадавшие одинаково объясняли причины потерь: «Спасаясь от обстрела, утерял», «Карточки остались в квартире, дом разрушен».

Безусловно, некоторых людей постигла беда, и горе их было истинным, но находились и пройдохи, которые стремились из несчастья сограждан извлечь выгоды для себя, тем более что в доводах для обоснования потерь недостатка не было: пожары, обстрелы, бомбардировки происходили ежедневно.

В заключение Андрей Александрович сказал:

— Если крутыми мерами не пресечь потерю карточек, то катастрофа может коснуться не отдельных людей, а многих. Выдача карточек взамен утерянных районными бюро — это широкие ворота для утечки продовольствия. Их надо закрыть. Городскому бюро следует разрешить выдавать карточки лишь в исключительных случаях, и то под строгим контролем.

Такое решение и было принято. Твердая позиция, занятая Ждановым, обеспечила дисциплину, «потери» карточек прекратились.

До середины сентября в общественных столовых вырезали талоны из карточек только на мясо и хлеб в размере 50% от установленной нормы на приготовление обеда, то есть, если на первое и второе блюда израсходовано 100 граммов мяса, удерживалось 50 граммов. Во второй половине сентября стали вырезать талоны из карточек в размере 100% на мясо и хлеб, за исключением небольшого количества столовых закрытого типа (на оборонных предприятиях). Остальные продукты, израсходованные на приготовление обеда, не удерживались, и это служило подспорьем для обедающих.

Число желающих обедать в столовых с каждым днем увеличивалось, райисполкомы дополнительно открыли свыше трехсот столовых, чтобы лучше обслужить население, однако запасы продуктов не позволяли этот порядок сохранить надолго. В ноябре — декабре вынуждены были засчитывать также в счет нормы крупу, макароны, сыр, сахар, жиры — словом, все продукты.

Карточки на октябрь и последующие месяцы печатались в несколько измененном виде — предусматривались мелкие купюры: на мясо — по 25 граммов, на жиры — по 10, на крупы и хлеб — по 25, на сахар и кондитерские изделия — по 50 граммов. За бутерброд с мясом весом в 50 граммов вырезалось из карточки два талона: один на хлеб — 25 граммов и один на мясо — 25 граммов.

Продажа хлеба производилась по установленным нормам ежедневно, покупатель имел право получить свой паек на один день вперед, но категорически запрещалось отпускать хлеб за прошедший день. Продажа продовольственных товаров в счет месячной нормы каждый раз производилась по специальному решению Военного совета. Для сведения населения объявлялся приказ отдела торговли Ленгорисполкома, в котором указывался размер выдачи тех или иных продуктов на ближайшую декаду. Месячный паек делили на три части, но не всегда равные: например, на рабочую карточку полагалось 1500 граммов мяса, продавали же в первую декаду 400, во вторую — 500, в третью — 600 граммов. В зависимости от ресурсов определялись размеры продажи на каждые десять дней, но приходи-

лось и переносить выдачу того или иного продукта с одного месяца на другой.

В сентябре и октябре установленные нормы отпуска продуктов обеспечивались своевременно; в ноябре и особенно в декабре — с задержкой и не полностью, особенно по крупе и жирам. Мясо, включая конину, в значительной части заменялось яичным порошком или растительными консервами и другими продуктами по соответствующему коэффициенту. За 1 килограмм мяса выдавалось:

1 кг рыбы или мясо-растительных консервов;
3 кг студня или растительно-кровяных зельцев;
170 г яичного порошка.

Нельзя сказать, чтобы 170 граммов яичного порошка были равнозначны килограмму мяса. При наличии мяса вряд ли нашлись бы желающие произвести такую замену, а так как мяса не было, то жители вынуждены были брать яичный порошок, студень из бараньих кишок и растительно-кровяные зельцы — словом, все, что только имелось в магазинах.

Но и этих заменителей не хватало. Жиров в декабре взрослому населению было выдано во второй декаде примерно половина месячной нормы, а именно рабочим и ИТР — 350 граммов, служащим — 150 и иждивенцам — 100.

Замена масла животного разрешалась маслом растительным, молоком сгущенным, лярдом в равном весе. Рассчитывали в январе восполнить недовыданные жиры, но, к великому огорчению, и в январе в связи с плохим завозом удалось только частично это сделать.

Круп и макарон было выдано взрослому населению только две трети от месячной нормы. Причем во второй декаде декабря взамен крупы выдавали ржаную муку с 50-процентной примесью муки из льняного жмыха.

Сахар и кондитерские изделия население получало без задержки, в установленных размерах. Обращает на себя внимание тот факт, что с начала блокады до января 1942 года сахар в Ленинград не завозился. Запасов сахара на 12 сентября было на 60 суток, а прожили с этим запасом более 110 дней. Это объясняется тем, что расход сахара по всем другим назначениям (производство мороженого, фруктовых вод и т. д.) прекратили, кроме того, уменьшили отпуск сахара для

нужд общественного питания. Это и дало возможность обеспечить выдачу сахара и кондитерских товаров всему населению по карточкам в течение более длительного периода времени.

Для детей продукты отпускались полностью по установленным нормам.

Чтобы иметь более точное представление о питании людей в этот период блокады, необходимо указать, что в ноябре—декабре 1941 года получало паек по рабочей карточке 34,4% ко всему населению города, по карточке служащих — 17,5, иждивенческой — 29,5 и по детской — 18,6%. Эти данные говорят, что две трети граждан питались по наиболее голодным нормам. На них и падает наибольшее число умерших от голода.

Столь ненормальное соотношение между группой рабочих и другими группами объясняется тем, что многие промышленные предприятия из-за отсутствия сырья и недостатка электроэнергии не работали, рабочие переходили на положение иждивенцев, служащих.

В 1943 году, после прорыва блокады, когда завоз угля в город увеличился и заводские трубы снова задымили, выдача рабочих карточек возросла до 70%. Но в декабре 1941 года пульс производственной жизни Ленинграда едва-едва бился. Заводы и фабрики закрывались одни за другими. И к этому бедствию, затрагивавшему оборону города и всех живущих в нем, добавлялось другое горе: нормы выдачи продовольствия освобождающимся рабочим уменьшались в два раза.

Было бы справедливым сохранить им паек, но та же причина, которая привела к закрытию многих заводов, не позволяла сохранить получаемые ими нормы продовольствия.

Перерегистрации карточек в середине месяца, учет их по погашенным талонам приносили пользу, но все же такой контроль был сложным, громоздким и несовершенным.

С декабря порядок отпуска продуктов изменили.

Граждане были прикреплены по их желанию к определенным магазинам, где продажа товаров производилась только тем лицам, которые имели карточки со штампом данного магазина. Такой порядок позволял знать ежедневное наличие предъявляемых карточек, что очень важно было в тех условиях. Кроме того, новый порядок давал возможность завозить товары в магазины в количествах, точно подсчитанных, а при ограни-

ченных ресурсах такая мера крайне необходима для органов снабжения.

Однако и эта форма продажи, несмотря на свои преимущества, не могла в декабре ликвидировать очереди у магазинов потому, что декадные нормы выдачи не обеспечивались наличием продуктов. С середины января 1942 года продажа продовольствия стала производиться только в порядке разовых выдач в счет месячных норм по карточкам. По мере завоза товаров в Ленинград производился расчет, сколько можно выдать мяса, крупы, масла или других продуктов, исходя из наличия. Городской отдел торговли извещал население, когда, сколько и какие продукты можно получить, причем предварительно они завозились в магазины в количествах, соответствующих числу прикрепленных карточек.

С начала введения карточной системы, как уже говорилось, нормы выдачи хлеба неоднократно снижались; с 25 декабря 1941 года хлебный паек стал постепенно увеличиваться. Как изменялся хлебный паек, видно из следующих данных (в день в граммах):

Категория карточек	Июль	2.IX	12.IX	1.X	13.XI	20.XI	25.XII	24.I.42 г.	11.II.42 г.
Рабочая	800	600	500	400	300	250	350	400	500
Служащая	600	400	300	200	150	125	200	300	400
Иждивенческая	400	300	250	200	150	125	200	250	300
Детская (до 12 лет)	400	300	300	200	150	125	200	250	300

Нормы снабжения на другие продукты менялись реже, что видно из следующих данных (в месяц в граммах):

	Рабочие и ИТР	Служащие	Иждивенцы	Дети до 12 лет
Мясо				
С 1 июля до сентября	2200	1200	600	600
С сентября до января 1942 г.	1500	800	400	400
Крупа и макароны				
С июля до сентября	2000	1500	1000	1200
С сентября до февраля 1942 г.	1500	1000	600	1200

	Рабочие и ИТР	Служащие	Иждивенцы	Дети до 12 лет
Жиры				
С июля до сентября	800	400	200	400
С сентября до ноября	950	500	300	500
С ноября до января 1942 г.	600	250	200	500
Сахар и кондитерские изделия				
С июля до сентября	1500	1200	1000	1200
С сентября до ноября	2000	1700	1500	1700
С ноября до января 1942 г.	1500	1000	800	1200

Однако не следует делать вывод, что население все время получало в указанных размерах мясо, крупу, жиры. Такое утверждение было бы ошибочным, так как в таблице указаны действовавшие нормы, практически же выдача, как сказано выше, с ноября производилась в зависимости от наличия продуктов по мере их завоза. Завозили же в ноябре, декабре и даже январе очень мало, в силу чего население недополучало положенные по норме продукты.

Заканчивая раздел о распределении продовольствия, следует сказать, что единая карточка для детей всех возрастов не была оправдана жизнью. Дети старше 10 лет нуждались в пайке ином, чем 3—6-летние, как по набору продуктов, так и по объему. 12—14-летние подростки, получавшие иждивенческие карточки, находились в тяжелом положении. Их организму требуется более полноценный пищевой рацион, и только создавшееся положение не позволило обеспечить их лучшим питанием.

Изложенный порядок распределения продуктов питания следует дополнить рассказом о людях, которые были активными участниками этой работы и своим усердием обеспечивали ее осуществление.

С сентября 1941 года нормы довольствия и порядок выдачи продуктов устанавливались Военным советом фронта. Подготовительную работу проводили П. С. Попков, П. Г. Лазутин, А. П. Клеменчук, о которых уже говорилось, И. А. Андреенко, В. И. Кордовский, С. А. Трифонов, З. А. Павлова — работники городского отдела торговли. Они привлекали администрацию предприятий, специалистов торговли, общественность к разработке правил и норм довольствия.

После тщательного обсуждения с учетом сложившихся условий и ресурсов вносили предложения. Успех организации снабжения зависел как от руководящих лиц, так и от конкретных исполнителей, и, чтобы быть справедливым, надо сказать, что на всех участках — больших и малых — люди работали в тесном сотрудничестве друг с другом и с полным сознанием своей ответственности за порученное им дело.

Работники снабжения, превозмогая голод, самоотверженно выполняли свой долг, изыскивали лучшие решения в преодолении бесчисленных трудностей. Они добивались большей четкости в обслуживании жителей города. Что же это за люди, оправдавшие оказанное им доверие? Это, прежде всего, молодежь, комсомольцы, выдвинутые производственными коллективами, партийными, советскими и профсоюзными организациями на трудную работу снабжения в условиях нехватки всех видов продовольствия.

Немало усилий в это дело вложили работники городского отдела торговли и бюро заборных книжек. Карточная система требовала значительной технической работы. Они по многу часов ежедневно трудились над инструкциями, положениями и прочими документами, довольно трудоемкими, но необходимыми для распределения продуктов, их расхода и учета.

Заведующий городским отделом торговли И. А. Андреенко был требователен к подчиненным и не давал спуску нарушителям правил торговли. Его крутой нрав был известен среди работников торговли, и его боялись, особенно те, кто не прочь был кое-чем воспользоваться при удобном случае. Но тот, кто близко знал Андреенко, скажет, что он прежде всего был требователен к себе: находясь на ответственном посту, занимаясь распределением материальных благ, он не позволял и малейшего отступления от установленных законом норм ни себе, ни другому.

Принятые партийной организацией меры позволили оградить население от спекулянтов, жуликов и объедал. Какие-либо привилегии тем или иным группам или отдельным лицам не допускались. Продовольствия было мало, но каждый человек знал, что его паек не позволят съесть никому другому и то, что полагалось получить, он получит. Население выражало доверие к установленной системе распределения продуктов.

Писатели, журналисты зарубежных стран, находясь в Ленинграде в годы блокады, не обошли молчанием

распределение продуктов. Так, А. Верт пишет: «Партийная организация Ленинграда... обеспечила максимально справедливое, в тех невероятно тяжелых условиях, нормирование продуктов» [1].

Период с середины ноября 1941 года до конца января 1942 года был самым тяжелым за время блокады. Внутренние ресурсы к этому времени оказались исчерпанными, а завоз продуктов через Ладожское озеро производился в незначительных размерах. Все свои надежды и чаяния люди возлагали на зимнюю дорогу.

---

[1] *Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М.: Прогресс, 1967, с. 257.

ДОВОЛЬСТВИЕ ВОЙСК
(июль — декабрь 1941 года)

1

Снабжение войск продовольствием во все времена имело первостепенное значение. Можно привести немало исторических примеров, когда недостаток продовольствия или плохо поставленная организация снабжения войск причиняли серьезный ущерб действующей армии.

Известный военный теоретик Карл Клаузевиц — современник Наполеона — в своем труде «О войне» подробно писал о продовольственном снабжении армии. По его мнению, Бонапарт наглядно показал в своем русском походе, как, не считаясь с вопросом продовольственного обеспечения войск, можно дойти до крайности[1].

Большую ошибку допустило царское правительство России в войне 1914 года. Исходя из неправильного представления, что начавшаяся война будет непродолжительной, в первые месяцы войны, август — декабрь, оно установило весьма высокие нормы довольствия войскам действующей армии: хлеба — 1230 граммов, мяса — 615, жиров — 106, сахара — 68, овощей — 256 граммов в сутки на человека. Такой паек, кроме овощей, не вызывался необходимостью. Это приводило к растранжириванию продовольственных запасов. На втором году войны, в начале 1916 года, в стране стал ощущаться недостаток продовольствия. Военное ведомство уменьшило довольствие войск по мясу в три раза и по жирам в два с половиной раза. Новая норма мяса составляла 205 граммов и жиров — 42 грамма. К концу 1916 года продовольственные трудности еще больше обострились, в связи с чем размеры довольствия войск по хлебу, сахару и крупе снова подверглись

[1] См.: *Клаузевиц*. О войне. М., 1936, т. 1, с. 417.

значительному сокращению как в действующей армии, так и в частях внутренних округов. Однако и этот урезанный паек солдаты нередко полностью не получали.

Районы, прилегавшие к фронту, в продовольственном отношении были истощены, а маломощный железнодорожный транспорт оказался не в состоянии обеспечить доставку продовольствия из глубины России. Немалую роль в плохом обеспечении действующей армии провиантом сыграла и плохо поставленная служба снабжения. Положением о ротном хозяйстве была предусмотрена раскладка продуктов, но она была необязательной, питание солдат зависело от приобретения продуктов на местах и их стоимости, а также от добросовестности войсковых хозяйственников. Столь шаткий механизм снабжения армии приводил к тому, что солдаты испытывали недостаток в пище. Небольшая норма овощей и та длительное время не выдавалась. Цинга валила сотни тысяч солдат. К концу войны эта болезнь приняла угрожающие размеры. По данным комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1918 годов, только за 1916 год и девять месяцев 1917 года цингой болело свыше 500 тысяч солдат действующей армии.

Нормы довольствия войск в начале первой мировой войны были установлены без учета неизбежного уменьшения производства сельскохозяйственных продуктов в годы войны и состояния и загрузки железнодорожного транспорта. По набору продуктов рацион питания имел существенный изъян. Небольшое количество овощей и картофеля (256 граммов) не обеспечивало разнообразия пищи и не удовлетворяло потребности человека в витаминах, что приводило к серьезному расстройству здоровья солдат.

Довольствие войск в наше время приобретает во много крат большее значение, чем в прошлые войны. Современные армии крупных государств насчитывают миллионы солдат и офицеров. Чтобы прокормить их, надо иметь устойчивые запасы продуктов. Быстрота передвижения войск требует четкой постановки снабжения сверху донизу и большой маневренности в распределении съестных припасов. Питание армии во время войны нельзя рассматривать в отрыве от снабжения населения страны. Война без хлеба немыслима, и в то же время она превращает хлебородные поля в пустыню. Недоучет этих особенностей чреват тяжелыми последствиями.

В ходе военных действий, в сентябре 41-го года, правительство Советского Союза приняло решение, исключающее ошибки, допущенные в прошлые войны. Учитывались предстоящие продовольственные затруднения: вторжение врага в хлебородные области страны, уход значительной части трудоспособных людей в армию, отвлечение тракторов, автомашин от работы в сельском хозяйстве. Был установлен твердый паек личному составу армии, объем и набор продуктов в натуральном выражении обеспечивал воинов полноценным питанием.

Солдаты, находившиеся в боевых частях, получали 3450 калорий, а в тыловых частях фронта — 2954 калории. По пищевой ценности паек содержал: 103 грамма белков, 67 — жиров, 587 граммов углеводов, а также витамины и минеральные вещества. Довольствие солдат и офицеров во внутренних округах было немного уменьшено по сравнению с довоенным размером, однако и новый паек содержал 2822 калории.

Жизнь потребовала внести изменения в нормы питания солдат боевых частей: вместо 150 граммов мяса и 100 граммов рыбы стали выдавать 180 граммов мяса. В остальном паек не менялся до конца военных действий.

В действующей армии применялась замена одного продукта другим по коэффициентам зачета, предусмотренным в специальной таблице. Это давало возможность поварам разнообразить пищу, а продслужбе облегчало доставку продовольствия.

В рацион питания входили овощи и картофель в размере 820 граммов ежедневно на человека. Эти количества, умноженные на миллионы солдат, составляли внушительную цифру ежедневного расхода овощей и картофеля. Транспортировка этих продуктов, их хранение, особенно в зимнее время, были сложным и трудным делом. Но зато воины имели разнообразную пищу и цинготных заболеваний среди солдат Советской Армии на протяжении всей войны почти не было.

2

Довольствие войск Северо-Западного фронта, а затем Ленинградского следует разграничить на два периода: с начала войны — до блокады Ленинграда и за время осады города.

В первый период продовольствия было более чем достаточно, но питание солдат, офицеров нельзя было признать нормальным. Причин тому было много. Боевые части, отражая наступления немцев, находились в беспрерывном движении. Достаточно сказать, что за 18 дней — к 10 июля — наши войска вынуждены были отойти на 450 километров от границы в глубь страны[1]. Солдаты питались на ходу, всухомятку, кое-как, обстановка ежедневно менялась, связь нарушилась, грузы нередко прибывали туда, где уже не было адресата.

В середине июля в войска Северо-Западного фронта прибыл К. Е. Ворошилов. Беседуя с командирами частей, он спросил, как питаются бойцы. Ему ответили, что солдаты не получают горячей пищи много дней, вместо хлеба едят сухари.

— Это почему же? — спросил Ворошилов.

— При отходе многие части потеряли кухни.

— Да таких командиров судить надо,— с гневом сказал Ворошилов.— Нельзя терпеть, чтобы бойцы питались всухомятку длительное время, это ослабляет силы воинов. Как думаете поправить дело? — обратился Ворошилов к командующему фронтом генерал-майору Л. Л. Собенникову.

— Приказал интенданту генералу Анисимову изыскать котлы и установить их на патронные двуколки, а также приспособить походные наливные кипятильники,— ответил Собенников.

— Ну а почему питаете бойцов сухарями, а не хлебом?

— Та же причина: походные пекарни оставили при отходе.

— Дайте муку колхозникам, они испекут добротный хлеб, и прикажите офицерам всех степеней обеспечить солдат горячей пищей и свежим хлебом при всех условиях,— распорядился Ворошилов.

Вернувшись в Ленинград, К. Е. Ворошилов потребовал от начальника тыла срочно разместить заказы на котлы, полевые кухни и доставить их в боевые части.

Принятые меры позволили наладить приготовление пищи. Один, а то и два раза в день солдаты и офицеры стали получать горячую пищу в полном объеме установленных норм.

Позднее, в условиях осады Ленинграда, снабжение

---

[1] История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4, с. 47.

войск Ленинградского фронта находилось в прямой зависимости от наличия продовольствия в кольце блокады, запасы же были крайне ограниченные, и если бы руководствоваться только соображениями экономии, то нужно было с первого дня блокады снижать паек войскам, учитывая их значительный удельный вес в расходе продовольствия. Однако на эту меру Военный совет фронта не пошел сознательно. Солдаты и матросы в сентябре сдерживали бурный натиск немцев на оборонительные укрепления города. Непрерывный огонь неприятеля, осенняя непогода утомляли бойцов. Хороший паек поддерживал их силы. Снижать нормы в такое время было бы большой ошибкой.

Довольствие войск в сентябре производилось в тех же размерах, как и до осады, то есть по нормам, установленным приказом наркома обороны от 22 сентября 1941 года. Но как только фронт стабилизировался и немцы перешли к обороне, Военный совет принял решение об уменьшении пайка для тыловых частей и некотором сокращении размера выдачи овощей и рыбы для войск первой линии.

С 1 октября 1941 года войска Ленфронта получали следующую норму (в граммах в день на человека) [1]:

	Для войск первой линии	Для тыловых частей
Хлеб	800	600
Мясо	150	75
Рыба	80	50
Крупа	140	70
Макароны	30	20
Комбижир, сало	30	20
Масло растительное	20	20
Сахар	35	20
Овощи и картофель	500	400

Во время осады войска первой линии и тыловые части на ряде участков фронта территориально так близко были расположены друг к другу, что трудно было установить, где тыл и где передовая линия, но

[1] Кроме приведенных норм довольствия, были и другие нормы — для авиачастей, госпиталей, военно-морских сил и т. д. Здесь для краткости приводится размер пайка, получаемого большинством личного состава фронта.

все же дифференциация пайков себя оправдывала и нашла полное одобрение солдат и офицеров.

Различные военизированные команды и формирования гражданских ведомств были переведены с солдатского пайка на так называемый паек военизированной охраны, который состоял из 400 граммов хлеба, 100 граммов мяса и рыбы, 40 граммов жиров, 35 граммов сахара, 100 граммов круп, 400 граммов овощей и картофеля в сутки. Такой рацион питания позволял им нести службу, но был меньше солдатского пайка, и это было обоснованной мерой в тех условиях, так как солдаты даже тыловых частей несли более значительную физическую нагрузку.

При отсутствии овощей и картофеля воинским частям разрешалось заменять их крупами из расчета 20 граммов крупы за 100 граммов овощей; с ноября стали заменять 100 граммов овощей 10 граммами круп.

Пища приготовлялась в батальонных кухнях и доставлялась войскам в горячем виде на передний край, как правило, два раза в сутки: один раз — на рассвете и второй раз — вечером, с наступлением темноты. В промежутке между приемами горячей пищи выдавали холодные завтраки: хлеб, вареное мясо или консервы, отваренный в кожуре картофель и другие продукты.

Выдача пищи на передовых линиях производилась так, чтобы каждый боец знал, что он получает полагающуюся ему норму полностью.

От каждого воинского подразделения в определенное время к батальонной кухне приходили два-три солдата с термосами. Здесь под наблюдением дежурного офицера повара отпускали пищу в присутствии старшины роты. Термосы с пищей доставлялись в подразделение, где и производилась раздача по котелкам солдатам и офицерам под контролем довольствующихся. Такой порядок обеспечивал доведение пайка в полном объеме до солдат, давал им возможность видеть от начала до конца использование и распределение установленных норм довольствия.

Когда не хватает питания человеку, у него обостряется восприятие, появляется подозрительность к тем, кто готовит и распределяет пищу. В таких условиях важно, чтобы те, кому предназначены продукты, сами участвовали в их раздаче, и тогда раздражающие факторы отпадут сами собой.

Если по условиям боевой обстановки не удавалось доставлять горячую пищу тем или иным подразделе-

ниям с батальонной кухни, им выдавался сухой паек, состоявший из продуктов, не требующих кулинарной обработки: сухари, консервы в жестяных банках, сахар, чай, соль, пищевые концентраты, суп-пюре гороховый, каша пшенная или гречневая. Бойцы при таком наборе продуктов сами могли легко приготовить себе горячую пищу из двух блюд, потратив на это не более пяти—семи минут.

За пищевые концентраты солдаты и матросы неоднократно высказывали свою признательность работникам промышленности. Концентраты, особенно овощные — борщ, щи, суп картофельный, приправленные специями, позволили питать солдат более или менее разнообразной пищей даже в местах расположения небольших групп людей, куда нельзя было проникнуть вездесущей кухне. Концентраты в брикетах небольшого веса весьма транспортабельны и выдерживают сравнительно длительные сроки хранения.

Красноармейцы-повара в ряде частей были заменены женщинами, предварительно прошедшими краткие курсы подготовки поваров и изучившими особенности походных кухонь, раскладок и норм суточного довольствия. Опыт Великой Отечественной войны показал целесообразность замены мужского труда женским в походно-полевых кухнях. Каждый боец-мужчина во время войны нужен в передовой цепи для борьбы с врагом, и, если можно высвободить мужчину в тылу, пусть даже близком к месту боя, надо идти на эту меру, тем более там, где дело не только не пострадает, а выиграет. Солдатский обед с успехом приготовляли женщины. Они чище содержали кухонный инвентарь, лучше обрабатывали продукты, словом, более старательно относились к своим обязанностям.

Хлеб для снабжения войск, как правило, выпекался на хлебозаводах в городе, а не в войсковых пекарнях, что позволяло лучше контролировать его расход и, кроме того, экономить муку за счет больших припеков. Полевые хлебопекарни давали припек по ржаному хлебу из обойной муки 52—53%, тогда как механизированные хлебозаводы города давали припек из той же муки 60%. Доставка печеного хлеба в части не представляла трудностей: расстояния были короткие, дороги в хорошем состоянии.

По мере уменьшения запасов нормы питания не только гражданскому населению, но и войскам сокращались. С середины ноября до февраля 1942 года су-

точный паек солдата первой линии составлял 2593 калории, а тыловых частей — 1605 калорий. Это означает, что солдаты первой линии получали на 25—30%, а тыловые части на 50% меньше, чем на других фронтах. И при этих условиях гражданское население осажденного города получало продовольствия намного меньше, чем солдаты. Значительное различие в довольствии людей, находившихся почти в одинаковых условиях, казалось несправедливым, но война имеет свои законы, и с ними нельзя не считаться. Вражеская армия, готовая в любую минуту к прыжку, ждала ослабления сопротивления противостоящих ей защитников. В таких условиях снизить пайки солдатам до размеров, близких к довольствию жителей, означало довести бойцов до истощения. Если бы ноги солдат стали подкашиваться от голода, то при всей выдержке и высоком воинском духе солдат оборона города была бы поставлена под угрозу.

За время блокады наибольшему сокращению подвергались нормы довольствия солдат по хлебу, мясу и рыбе, что видно из следующих данных (в граммах на человека в день):

Категория войск	До 1 октября			С 1 октября			С 8 ноября			С 20 ноября		
	хлеб	мясо	рыба	хлеб	мясо	рыба	хлеб	мясо	рыба	хлеб	мясо	рыба
Войска первой линии	800	150	100	800	150	80	600	125	—	500	125	—
Тыловые части	700	120	80	600	75	50	400	50	—	300	50	—
Госпитали	600	120	50	600	120	50	400	50	—	300	50	—

Увеличение пайка по хлебу солдатам произошло в конце января 1942 года, а позднее и по другим продуктам, то есть тогда, когда в городе образовались некоторые запасы в результате удовлетворительного завоза по ледовой дороге.

Кроме продуктов питания, солдаты и матросы ежедневно получали 20 граммов махорки или 10 граммов табаку на человека. Курево для бойцов на фронте являлось незаменимым средством коротать время и преодолевать однообразие окопного быта. Нередко приходилось наблюдать, как солдаты скучали и мрачнели из-за того, что им нечего было курить, даже перебои

в питании переносили легче, чем отсутствие табака или махорки. И вот ко всем невзгодам, выпавшим на долю защитников, свалилось еще одно несчастье — запасы табака подходили к концу. Оставить бойцов без курева даже на некоторое время значит нанести серьезный удар по настроению солдат. Все помыслы работников интендантства и промышленности были направлены на выискивание суррогатов для примешивания к оставшимся табакам. На пивоваренных заводах нашли 27 тонн хмеля, который полностью использовали как примесь (10—12%) к табакам. Постепенно начали примешивать сухие опавшие листья осины, березы, дуба, клена и других деревьев. Пробные партии табаков с примесью каждого вида листьев показали, что наиболее приемлемыми для курения являются листья клена. Сбор листьев производился работницами фабрик и школьниками. Листья просушивали на ветру, упаковывали в мешки и на машинах доставляли на фабрики, где после технологической обработки примешивали (до 20%) к табакам. Всего было использовано около 80 тонн листьев.

Под полами цехов фабрик собрали табачную пыль и как никотиновую «приправу» смешивали ее с табаком. Из-за отсутствия бумаги табак в пачки не расфасовывали, а упаковывали в мешки весом до 20 килограммов.

Много труда в изготовление суррогатов табака вложил главный табачный мастер фабрики имени Урицкого В. И. Ионидп. Благодаря его изобретательности обработанные в определенных пропорциях с хмелем и табачной пылью листья деревьев напоминали курильщикам вкус натурального табака. Умелое применение суррогатов дало возможность снабжать солдат куревом бесперебойно.

С целью экономии табака интендантству разрешалось по желанию солдат производить замену табака на шоколад, сахар или конфеты. Обмен производился: за 300 граммов табака — 300 граммов сахара или конфет или 200 граммов шоколада.

Однако успеха такой обмен не имел. Несмотря на то, что эрзац-табак при курении трещал в трубке или козьей ножке, словно туда подсыпали пороху, и оставлял во рту неприятное ощущение, все же желающих сменить табачное довольствие на шоколад или другие кондитерские изделия оказалось очень мало.

Интендантству всегда надо иметь запасы махорки и табака, учитывая исключительную тягу солдат к куреву. Нельзя мириться с такими рассуждениями: «Был бы харч, а без табака прожить можно». Речь идет не о жизни, а о моральном факторе, настроении бойцов; хотим мы или нет, а опыт войны говорит, что с этим надо считаться, как с реальной величиной.

Примерно такие же слова, как о табаке, можно слышать и о специях. Дескать, солдатская кухня может обойтись и без них при трудностях в завозе. Конечно, специи — это не хлеб и не мясо; еще нигде не установлено истощение людей из-за отсутствия перца, лаврового листа или других пряностей. Но тем не менее каждая хозяйка, каждый повар считают необходимым иметь приправы на столе. И это не прихоть. Продовольственная служба во время войны испытывала затруднения в снабжении воинских частей специями. Некоторые соединения не получали их по два-три месяца подряд, что приводило к потере аппетита у солдат. В самом деле, такие незатейливые блюда, как щи или суп, приготовленные без специй, становятся пресными, при частом их употреблении они до крайности надоедают; но стоит только бросить в те же щи или суп щепотку черного перца или лаврового листа, как эти же блюда приобретают иные вкусовые качества.

Недостаток продовольствия обязывал службу тыла фронта, интендантство проявлять бережливость и обеспечивать строгий учет поступления и потребления продуктов питания. И эту задачу они выполняли безупречно.

Кроме питания, войска нуждались в одежде, обуви, вооружении, боеприпасах и многом другом. Зима 1941/42 года наступила рано. Требовалась теплая одежда. Надо сказать, что наши воины, в отличие от немецких солдат, были своевременно обуты и одеты в зимнюю форму: валенки, ватные брюки, полушубки, шапки-ушанки, рукавицы. Такая экипировка позволяла бойцам выдерживать сильные морозы, ледяные ветры, лежать на снегу, обороняться и вести наступление. А это обстоятельство имело существенное значение в борьбе с врагом в ту лютую зиму.

Для изготовления одежды, обуви, патронов, оружия в условиях осажденного города потребовались чрезвычайные меры. И они применялись. Такие предприятия, как кондитерские и парфюмерные фабрики, мелкие мастерские местной промышленности и промкооперации,

К. Е. Ворошилов

А. А. Жданов

Г. К. Жуков

Л. А. Говоров

А. А. Кузнецов

И. С. Исаков

Н. Н. Воронов

А. В. Хрулев

В. Ф. Трибуц

И. И. Федюнинский

Ф. Н. Лагунов

М. И. Самохин

П. С. Попков

Е. С. Лагуткин

В. С. Чероков

А. Д. Калина

Жители покидают горящие здания.

Пожар на складах имени Бадаева.

Вид на Осиновец. Сентябрь 1941 г.

Порт Осиновец. Пирсы, оборудованные для причала судов.

Сквозь льды Ладожского озера. Ноябрь 1941 г.

Охрана ладожской трассы.

Грузовики на ледовой трассе через Ладожское озеро.

У водоразборной колонки. Зима 1941/42 г.

Уборка улиц от снега. Март 1942 г.

Вручение подарков воинам на переднем крае обороны.

Прорыв блокады. Январь 1943 г.

Клятва бойцов в Разливе у шалаша В. И. Ленина.

Вперед на запад! На Ленинградском фронте, январь 1944 г.

Здесь начиналась Дорога жизни.

Памятник на площади Победы.

меняли технологию — переходили с мирной на военную продукцию. Заводы химической и резиновой промышленности выпускали взрывчатку, бутылки с горючей жидкостью. Эти бутылки помогали советским воинам вести борьбу с танками противника в первые месяцы войны.

Массовая инициатива рабочих, мастеров способствовала изысканию дополнительных источников сырья, материалов. Люди работали с крайним напряжением. В перестройке промышленности на военный лад заметная роль принадлежала секретарю горкома партии Я. Ф. Капустину. Сын тверского крестьянина, с детства полюбивший труд, он на всю жизнь сохранил это драгоценное качество. На заводах уважительно говорили о нем как о требовательном и хорошо знающем производство человеке. Старание рабочих, умелое руководство дали возможность обеспечивать нужды фронта всем необходимым.

Ленинградцы посылали солдатам на фронт письма, посылки с мелкими, но нужными вещицами (например, варежки, шарф, кисет и т. п.). Это доставляло радость воинам. Кто прислал посылку, чьи руки вязали шарф или вышивали кисет? Конечно, женщина, но кто она? Да кто бы ни была, она мила и дорога сердцу солдата. Подарки, письма согревали души бойцов, поднимали их настроение.

Плодотворная деятельность продовольственной, вещевой и других служб во многом зависела от начальника тыла фронта генерал-лейтенанта Ф. Н. Лагунова — кадрового офицера с богатым опытом военно-хозяйственной службы. Мне приходилось частенько наблюдать его за работой. Рабочий день он заканчивал поздно ночью, а утром рано уже принимал офицеров управлений различных служб, отдавал распоряжения. Он нередко находился в частях при раздаче пищи бойцам, и, если замечал нарушения, виновникам приходилось плохо. Он никому не позволял что-то урвать от солдатского пайка. Лагунова уважали и подчиненные, и начальство за заботу о войсках. А. А. Жданов неоднократно говорил: «Феофан Николаевич Лагунов правдив, честен, исполнителен, с таким начальником тыла можно работать».

От многочисленных поручений, которые получал начальник тыла, можно было растеряться, но Лагунов твердо держал рычаги руководства всеми службами. Особенно много времени он уделял завозу продоволь-

ствия в Ленинград через Ладожское озеро. Это был прямой, немногословный и честный воин. С ним работать было приятно и легко, видел я его в разной обстановке: в дни тяжелых потерь на фронте, в дни полного истощения материальных ресурсов, в дни душевной радости, когда боевые действия наших войск развивались успешно. Ф. Н. Лагунов всегда оставался самим собой — сосредоточенным, внешне спокойным. В любой обстановке он имел ясный план действий. Лагунов входил в основное ядро руководства обороной города. Ни одна боевая операция не могла быть осуществлена без участия службы тыла, а в тех условиях с крайне скудными материальными ресурсами это была более чем сложная задача, и все же он находил выход. Войска обеспечивались всем необходимым для ведения боя.

Сменилось четыре командующих фронтом — Ворошилов, Жуков, Хозин, Говоров. И все они ценили начальника тыла фронта Ф. Н. Лагунова. Он оставался неизменным на своем посту до конца войны.

Умер Феофан Николаевич в 1965 году, на шестьдесят девятом году жизни, в Ленинграде. Имя Ф. Н. Лагунова упоминается в ряде книг, но лишь в общих чертах освещена его деятельность на посту начальника тыла фронта. Думаю, что о ней должны подробнее рассказать те, кто с ним работал. Это было бы не только данью уважения к заслугам Ф. Н. Лагунова, но и послужило бы хорошим примером для нового поколения людей, и особенно для тех, кто посвятил себя хозяйственной деятельности в рядах Советских Вооруженных Сил.

ЗАВОЗ ГРУЗОВ ПО ВОДЕ И ВОЗДУХУ
(сентябрь — ноябрь 1941 года)

1

В середине сентября немцев в Шлиссельбурге и финнов на Карельском перешейке разделяло водное пространство Ладожского озера протяженностью 65 километров. Кто мог думать в начале блокады, что эта узкая полоска воды, связывающая осажденный город со страной, сыграет такую огромную роль в защите Ленинграда. Но именно так произошло: осажденные сумели превратить эту трассу в мощную артерию снабжения Ленинграда.

Путь по озеру от мыса Осиновец до устья реки Волхов был свободен, если не считать противодействия вражеской авиации, которая в сентябре — ноябре проявляла особенную активность. Территория, непосредственно прилегающая к Ладожскому озеру с южной стороны, была занята врагом и являлась фронтовым участком, поэтому водный путь проходил в пределах досягаемости немецкой артиллерии и просматривался противником почти на всем протяжении. Несмотря на эти крайне неблагоприятные условия, приходилось создавать коммуникацию через Шлиссельбургскую губу — другого пути не было. Новая смешанная сухопутно-водная трасса пролегала по маршруту Ленинград — Осиновец — Новая Ладога — Волхов — Тихвин — Череповец—Вологда. Направляемые в Ленинград грузы по железной дороге прибывали на станцию Волхов, где переваливались на водную пристань Гостинополье. Далее по реке грузы следовали до впадения Волхова в Ладожское озеро. В Новой Ладоге их перегружали на озерные баржи, а по прибытии в Осиновец переваливали на узкоколейную дорогу; в четвертый раз они перегружались в вагоны основной железнодорожной магистрали, идущей на Ленинград.

Для строительства порта на западном берегу озера был выбран пункт Осиновец. Здесь густой смешанный лес широкой грядой простирался вдоль озера, позволяя прятать от вражеского глаза склады, грузы, подъездные пути, зенитные орудия, пулеметы. Непосредственная близость Ириновской железной дороги и ее конечной станции Ладожское озеро к Осиновцу была также учтена при выборе места будущего порта. Движение машин, мотовозов, людей от озера к станции скрывалось под куполами вечнозеленых елей и сосен. Были веские доводы и против организации порта в этом пункте, так как берег в Осиновце песчаный, низкий, пологий, суда близко к берегу подходить не могли: мешали каменистые рифы, что сильно затрудняло обработку судов и делало их отчетливо видными для авиации неприятеля. Но лучшего места не оказалось на земле осажденных, пришлось с этим злом и неудобствами мириться.

В короткий срок войсковые части и рабочие построили четыре больших пирса для причаливания судов, произвели дноуглубительные работы, вынули 70 тысяч кубометров грунта, проложили узкоколейную железную дорогу от причальных линий к основной магистрали, выстроили склады для продовольственных товаров, горючего и боеприпасов, вырыли землянки для различных морских и охранных служб. С предприятий Ленинграда и из торгового порта перебросили судовые краны, мотовозы для узкоколейки, механизмы и оборудование. Строительству порта, разгрузке судов сильно мешала авиация противника, немцы в сентябре — ноябре бомбили Осиновец по нескольку раз в день, причиняя немалый ущерб осажденным. Однако налеты противника не оставались безнаказанными. Сбитые бомбардировщики падали в озеро, вблизи берега. Хвосты самолетов с фашистской свастикой торчали из воды, и чем больше их становилось, тем отраднее было на душе.

После длительного и упорного труда на пустынном берегу вырос порт Осиновец, который значительное время заменял собой все железнодорожные вокзалы, морские и речные порты Ленинграда. Осиновец стал для осажденных эпицентром надежд и упований. Но порт без судов — что мотор без горючего. Почти все озерные баржи и буксиры оказались запертыми в Неве. Суда, дерзавшие выскочить из горловины, тонули от огня прямой наводки немцев, расположившихся на

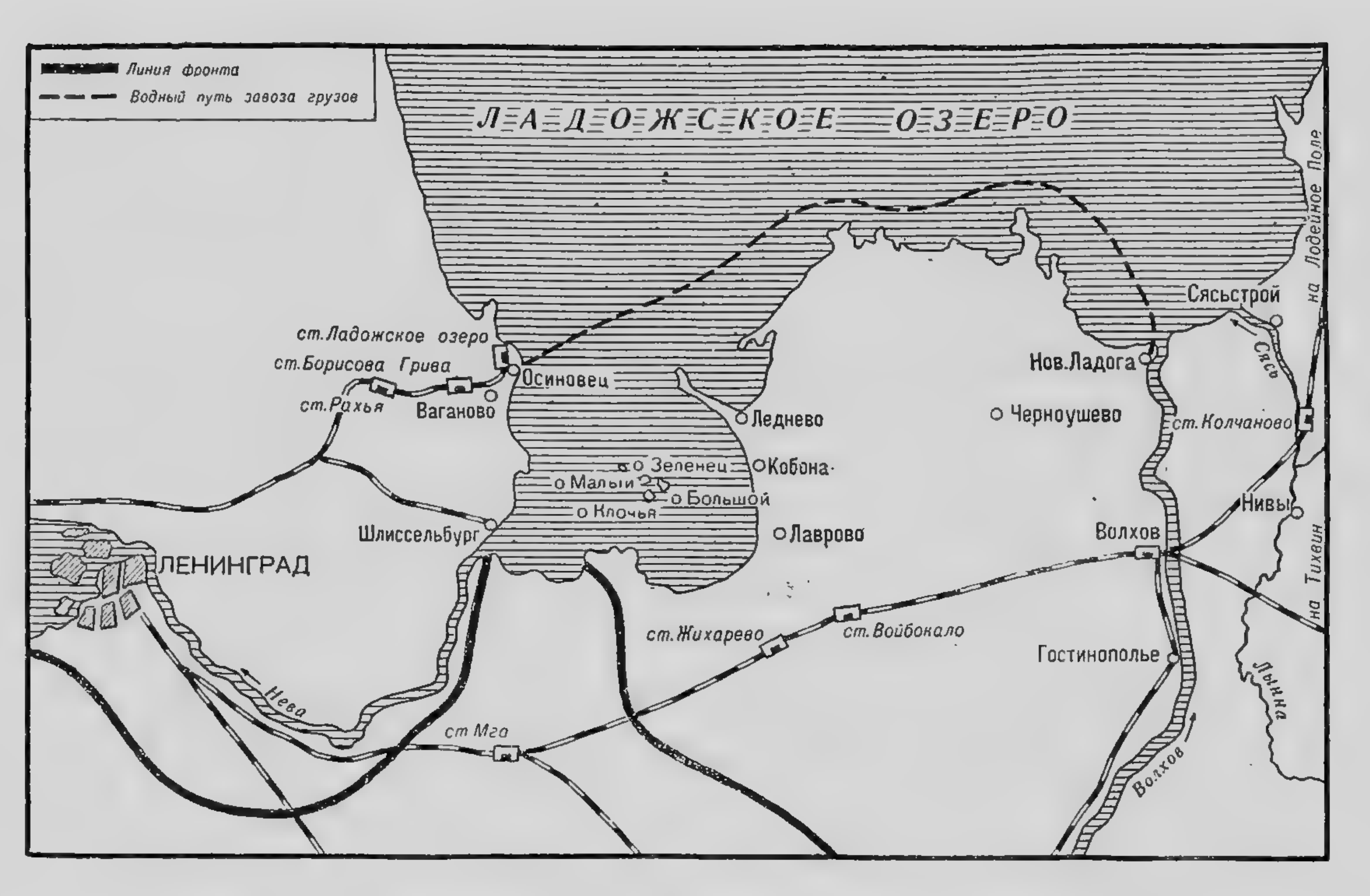

Схема 4. Путь следования грузов в Ленинград (сентябрь—ноябрь 1941 г.).

левом берегу реки. Значительная часть речных барж, курсировавших по реке Волхов, не могла быть использована на перевозках через озеро: бурные воды Ладоги легко разбивали и топили их. Работники речного флота проявили много изобретательности при изыскании перевозочных средств. В затонах Новой Ладоги находилось несколько десятков озерных барж, брошенных в мирное время на слом как непригодных к плаванию по нормам регистра. Вот к этим прожившим свой век списанным судам и были обращены все надежды. При помощи военных моряков восстановили 27 барж под сухие грузы. Позднее значительное число катеров и небольших судов было перевезено с Невы на Ладожское озеро. Мощными кранами их поднимали и ставили на две платформы и по железной дороге доставляли на Ладогу. К перевозкам грузов через озеро были привлечены также суда Ладожской военной флотилии.

Первые две баржи с 800 тоннами зерна прибыли в Осиновец 12 сентября. Это было радостное событие. Люди понимали: раз поступает зерно — значит, город имеет связь со страной. До той поры, о которой идет речь, мало кто знал, что есть на свете Осиновец. То был, как говорится, забытый богом и людьми небольшой рыбацкий поселок, с несколькими деревянными домиками, расположенными на берегу озера. Единственной достопримечательностью поселка был маяк, да и он представлял интерес только для команд судов. И вдруг Осиновец стал у всех на устах, о нем заговорили как о важном порте, куда прибывают суда с мукой, крупой, зерном, откуда можно перебраться на Большую землю[1].

Вскоре в Осиновец стала стекаться масса граждан, желающих переправиться на другой берег. То были главным образом люди, прибывшие из оккупированных немцами городов Латвийской и Эстонской советских республик, Пскова, Новгорода, Луги. Растерявшие не по своей вине родных, гонимые горем, они спешили разыскать близких сердцу по ту сторону озера. Однако неорганизованный приезд множества людей нарушал работу порта, что заставило Военный совет запретить частным лицам доступ в зону Осиновец-

---

[1] Осиновец вошел в славную летопись истории обороны Ленинграда. О нем теперь знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

кой гавани. Эвакуация населения производилась только по специальному разрешению, в строго установленное время.

15 сентября в Осиновец прибыли еще пять судов с 3 тысячами тонн пшеницы, но на этот раз зерно находилось не в мешках, а было ссыпано в трюмы. Такая транспортировка объяснялась стремлением работников заготовительных пунктов скорее доставить хлеб Ленинграду; мешков в это время у них не оказалось, и, чтобы не терять времени, отгрузили зерно насыпью, но не учли чрезвычайных обстоятельств, в которых находился порт Осиновец. Режим порта требовал разгружать баржи за шесть часов во избежание скопления судов на открытом рейде на виду у противника, к тому же недостаток плавсредств должен был восполняться ускоренным их оборотом. И то и другое требование с поступлением незатаренного зерна грубо нарушалось. Много людей было привлечено на уборку пшеницы в мешки и разгрузку барж на рейде, и все же уход их в обратный рейс задержался, что и привело к беде. Авиация противника потопила три баржи с хлебом, правда через две недели эти суда подняли, починили и ввели в строй, а разбухшее от воды зерно постепенно использовали для выпечки хлеба. Жалели о случившемся ленинградцы, горевали и отправители зерна, когда узнали о последствиях своей оплошности.

Первым перевалочным пунктом для судов, курсирующих между западным и восточным берегами Ладожского озера, был город Новая Ладога. Этот старинный небольшой город основан Петром I.

В Указе Петра I сказано, что в Ладожском озере погибает много судов, и потому он повелел приступить к строительству каналов вдоль берега Ладоги, чтобы суда ходили по ним, не рискуя оказаться застигнутыми штормами в бурном озере. По каналам проходило судоходство и в наше время до тех пор, пока немцы не захватили Шлиссельбург.

От города Новая Ладога до ближайшей железнодорожной станции Волхов 25 километров. Основная часть города раскинулась на левом берегу реки Волхов; дома, кроме центральной улицы, одноэтажные, деревянные. Население преимущественно состояло из речников, рыбаков, огородников.

По воле обстоятельств Новая Ладога в описываемое время имела весьма важное значение для осажденного Ленинграда. Здесь размещался штаб Ладож-

ской военной флотилии, которая надежно охраняла единственную коммуникацию, связывавшую Ленинград с Большой землей. В Новой Ладоге сосредоточивались грузы, прибывающие с перевалочной базы Гостинополье по реке Волхов для осажденных. Отсюда продовольствие доставлялось самолетами в Ленинград, а судами в Осиновец.

Пристань в Новой Ладоге находилась в полузаброшенном состоянии, причальная линия ее была короткой и необорудованной, судовых кранов не было, подъездные пути требовали ремонта. Озерные баржи приходилось загружать на значительном расстоянии от берега, по глубине осадки они не могли войти в устье реки Волхов. Частые порывы ветра мешали, а временами совершенно не позволяли производить погрузочно-разгрузочные работы. Стоявшие на рейде суда представляли удобную мишень для авиации противника, и немцы этим пользовались — бомбили и обстреливали суда с самолетов. Людям, работавшим на рейдовой погрузке, укрыться в часы налета было негде. Доставка грузов производилась в мучительно тяжелых условиях, но другой возможности не было. Тысячи рабочих, солдат, матросов, занятых на Ладожской трассе, понимали, какую опасность для их жизни представляет работа, и в то же время они отчетливо сознавали всю необходимость своего труда для сражающегося Ленинграда и неукоснительно выполняли свой долг.

На заместителя наркома речного флота СССР А. А. Лукьянова было возложено непосредственное руководство перевозками. Осенью 1941 года он, как челнок, сновал между Осиновцем, Новой Ладогой и Гостинопольем, руководя работами по разгрузке и погрузке судов под разрывами бомб. А. А. Лукьянов приложил много труда и предприимчивости в оснащении причальных линий в Новой Ладоге, переброске опытных кадров с других портов Советского Союза на огненную трассу Ладоги.

Водная трасса между Новой Ладогой и Осиновцем постепенно становилась все более оживленной. Немцы следили за судами и всеми силами стремились парализовать движение по озеру: сбрасывали мины, бомбы, обстреливали баржи из орудий. Транспортные суда из Осиновца, как правило, отправлялись под покровом темноты. Переход до Новой Ладоги занимал 16 часов, тихоходные буксиры за ночь уходили сравнительно недалеко, значительное расстояние приходи-

лось плыть днем. Капитаны пароходов совершали головокружительные трюки, чтобы уклониться от бомб преследовавших их самолетов, и часто им это удавалось, но были случаи, когда суда тонули.

4 ноября произошел именно такой трагический случай. Сторожевой корабль «Конструктор» вышел из порта, держа курс на Новую Ладогу. На борту находились женщины и дети, следовавшие к новому месту работы ранее эвакуированных рабочих оборонных предприятий. Уже в нескольких милях от Осиновца немецкий самолет обнаружил судно, пилот не мог не видеть находившихся на палубе женщин и детей, тем не менее стал его бомбить. От первого захода самолета капитан сумел отклонить судно в сторону — бомбы пошли на дно; при втором заходе одна из бомб попала в пароход, пробила палубу и разорвалась в трюме. Взрывной волной снесло за борт в ледяную воду многих людей. От пробоины пароход начал тонуть. Редко какой преступник в состоянии наблюдать за агонией жертв совершенных им злодеяний, но экипаж самолета, сбросив бомбы, продолжал кружить на небольшой высоте и, заметив плавающих людей, добивал несчастных из пулемета. Погибло 204 человека, в их числе 34 моряка из команды судна [1].

К месту катастрофы вскоре подошла патрулировавшая канонерская лодка «Нора». Усилиями ее команды с полузатопленного «Конструктора» были сняты оставшиеся в живых пассажиры и часть команды. Позднее удалось прибуксировать в бухту Морье и покалеченный «Конструктор». Плач оставшихся в живых женщин, потерявших детей в пучине озера, стоны изувеченных людей звучат и по сей день в ушах очевидцев этой страшной трагедии.

О случае с «Конструктором», гибели людей и дальнейшей судьбе судна подробно рассказано в книге «Нашим морем была Ладога», выпущенной Лениздатом в 1980 году. Ее автором является участник боевых действий на озере инженер-капитан 3-го ранга З. Г. Русаков. Из этой же книги читатель узнает многие другие подробности борьбы Ладожской военной флотилии с немецко-фашистскими захватчиками. Смерть витала

[1] В бухте Морье недалеко от берега Ладожского озера за небольшой металлической оградой возвышается холмик, на котором установлен обелиск, на нем фамилии погибших моряков судна «Конструктор». За могилой бережно ухаживают красные следопыты Вагановской школы.

над Ладогой ежечасно, но движение судов продолжалось благодаря стойкости и мужеству моряков флотилии.

По решению Государственного Комитета Обороны, доставка грузов из внутренних областей страны в Ленинград осуществлялась службой тыла Красной Армии. Это была наиболее мощная по своим возможностям организация, ее представители находились во всех областях, на железнодорожных станциях, крупных промышленных предприятиях. Офицеры осуществляли контроль за своевременным выполнением администрацией заводов, фабрик, мельниц указаний центра о поставке продовольственных товаров и других видов материального обеспечения.

Много внимания уделял осажденному городу начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев. Он бурно, тяжело переживал наши неудачи на фронтах, что не мешало ему принимать правильные решения. Андрей Васильевич стремился в своих действиях руководствоваться не параграфами официальных бумаг, а требованиями момента, необходимостью, диктуемой конкретной обстановкой. Так, в сложной и далеко не ясной ситуации на Ленинградском фронте он приказывает службам тыла ускоренно доставлять продовольствие, горючее, боеприпасы Ленинграду на станцию Волхов. Каждому маршруту присваивался номер установленной серии. На всем протяжении пути администрация железных дорог и служба военных сообщений следили за продвижением составов, и в случае задержки поездов офицеры службы военных сообщений, железнодорожники тут же принимали меры к устранению помех и продвижению маршрутов к месту назначения. При такой продуманной доставке, несмотря на многочисленные препятствия, маршруты с грузами один за другим поступали на станцию Волхов.

Офицерам штаба тыла казалось ошибочным скапливать тысячи тонн продовольствия, горючего и других материалов на станции, откуда доставить их в Ленинград за короткое время невозможно, а вблизи враг, и все может погибнуть. Но расчет Хрулева и его распорядительность оказались оправданными. Созданные в сентябре запасы продовольствия на водной пристани Гостинополье, в 9 километрах от Волхова, имели жизненно важное значение для осажденных. Правда, Военному совету фронта и всем тем, кто отвечал за сохранность и доставку грузов с Гостинополья в Ле-

нинград, пришлось много пережить. В начале октября на пристани Гостинополье образовались горы мешков с мукой и крупой, скопилось множество бочек и ящиков с жирами и консервами, лежали туши мяса. Товары находились под открытым небом, на земле, сложенные в небольшие штабеля вдоль берега. Сосредоточение большого количества грузов в непосредственной близости от неприятеля вызывало серьезные опасения за их сохранность: все могло быть уничтожено пожаром. Вывоз же грузов с пристани был ничтожным: не хватало плавсредств, баржи и буксиры выходили из строя от вражеских бомб и жестоких штормов. Темпы завоза были не только нетерпимы, но и опасны: календарь фиксировал 12 октября, а прогноз погоды предвещал ранние морозы.

По указанию Военного Совета 13 октября из Ленинграда самолетом вылетела в Новую Ладогу и Гостинополье группа руководящих работников во главе с председателем Ленгорисполкома Попковым с задачей ускорить оборачиваемость судов и увеличить завоз пищевых товаров. Прибывшие установили, что несколько барж на реке не использовались из-за неукомплектованности их плавсоставом, а также по технической неисправности. При помощи командования Ладожской военной флотилии и распорядительности начальника перевалочной базы генерал-майора Шилова неисправные речные баржи ускоренно восстанавливали, команды судов подкрепили опытными матросами с военных транспортов. За передвижением каждого судна от Гостинополья до Ладоги установили диспетчерское наблюдение. Рабочие и матросы на перевалочных базах, пристанях и судах с большим вниманием слушали сообщение прибывших из Ленинграда о положении в городе. Многое они слышали и раньше, но то были отрывочные, подчас противоречивые данные, основанные на личных переживаниях и восприятии трудностей каждым очевидцем по-своему. Теперь они услышали суровую правду от официальных лиц о фактическом положении и узнали, что ожидает город и его население в скором времени, если не будет увеличен завоз продуктов в Ленинград.

Проведенные работы позволили в два с половиной раза увеличить завоз продовольствия в Осиновец. За семь дней — с 14 по 20 октября — поступило 5 тысяч тонн муки, но и эти темпы завоза, по существу, были ничтожными; к тому же наступили холода, река близ

устья, где течение медленное и спокойное, могла покрыться льдом в любой день, и тогда неизбежно прекращение перевозок по воде.

В эти же дни немцы стали проявлять активность. Близость Гостинополья к фронту ничего хорошего не предвещала. Риск был слишком велик, чтобы медлить. Весь транспорт, речной и сухопутный, гражданский и военный, был мобилизован на перевозку продовольствия в ущерб всем другим грузам и работам. За шесть суток непрерывного труда удалось полностью очистить пристань и перебросить в Новую Ладогу 12 тысяч тонн муки, 1500 тонн крупы и тысячу тонн мяса и жиров. Эти ни с чем не сравнимые по ценности грузы рассредоточили вдоль берега озера, вблизи устья реки Волхов, уложили в бунты, укрыли брезентом и тщательно замаскировали под окрестные предметы и виды местности. Последующие события показали, какую неоценимую услугу для судьбы осажденных оказала эта своевременная переброска продовольствия из Гостинополья.

С 23 октября началась полоса жестоких ладожских штормов. Темные бушующие волны сметали на своем пути все препятствия и с ревом ударялись о каменистый берег. Шесть барж, загруженные продовольствием, застигнутые бурей в открытом озере, как скорлупки перебрасывались с гребня на гребень и были выброшены далеко на берег. Движение судов пришлось приостановить, отдавая дань несокрушимой силе разбушевавшейся Ладоги. Перевозки возобновились через три дня (27 октября) и продолжались с перерывами до 15 ноября. С этого дня, как это ни было печально, поступление грузов по воде прекратилось.

Озеро покрылось льдом. Но 23 ноября, когда никто не ждал, в порт Осиновец прибыли суда — «Совет», «Учеба», «Практика», «Вилсанди» — Ладожской военной флотилии, доставившие 195 тонн муки. А вслед за этими судами моряки по своей инициативе, в обход ледяного поля, подвергая себя риску, каким-то чудом 26 ноября доставили еще 96 тонн, а 27—29 ноября — 503 тонны муки.

Читатель может себе представить, какая это была радость для тех, кто знал истинное положение с ресурсами хлеба в городе. Завоз почти 800 тонн составлял по тому времени полуторасуточный запас хлеба.

Узнав об этом, А. А. Кузнецов тут же позвонил В. Ф. Трибуцу и выразил морякам Ладожской флоти-

лии благодарность за их смелую инициативу и мужество.

Ладожская военная флотилия, во главе которой стоял энергичный и опытный моряк капитан 1-го ранга В. С. Чероков, несла трудную и весьма ответственную службу, охраняя единственный путь, связывающий Ленинград с Большой землей. Немцы делали все, что в их силах, чтобы остановить движение по Ладоге. Нередко корабли флотилии вели тяжелые бои с противником, но все происки врага, их диверсионные акты пресекались воинами Ладожской флотилии. Находясь в постоянной боевой готовности, матросы и офицеры, до предела усталые, все же находили в себе силы доставлять возможное количество продовольствия осажденным. Моряки Ладоги блестяще проявили свои выдающиеся качества, выносливость и отвагу.

Водный путь осенью 1941 года оказал большую поддержку осажденным. С 12 сентября по конец навигации было доставлено по озеру зерна, муки и крупы 24 097 тонн, мясных и молочных продуктов 1131 тонна, кроме того, перевезено значительное количество боеприпасов, горючего и других крайне необходимых защитникам города грузов. Доставленные 25 228 тонн продовольствия [1] в сравнении с потребностями составляли небольшую величину, однако эти тонны дали дополнительную возможность ленинградцам выиграть 20 дней, а в условиях осады крепости даже один день много значит для осажденных. Работники речного флота, матросы, солдаты и офицеры Ладожской военной флотилии потом и кровью, а многие и ценою жизни отстаивали каждую тонну хлеба, мяса, крупы от авиации противника, штормов, пожаров и хищений. Труд их незабываем.

---

[1] Эта цифра взята из ежедневных донесений управления тыла Ленфронта на имя уполномоченного ГКО. В донесениях сообщалось название транспорта и количество доставленного на нем продовольствия (сколько и какого вида).

В ряде книг приводится другая цифра завоза продовольствия, а именно 45 000 тонн, при этом ссылка делается на отчет управления тыла Ленфронта (Архив МО СССР, ф. 217). В отчете завоз продовольствия указан не по дням, а за период с 1 сентября по 7 декабря 1941 года.

Разница в данных объясняется, видимо, еще и тем, что в отчет попали грузы, которые перевозились из Шлиссельбурга на правый берег Невы после выхода немцев к реке у Ивановских порогов (29 августа). У меня же приведены данные завоза продовольствия исключительно по Ладожскому озеру с начала блокады, то есть после захвата врагом Шлиссельбурга.

От Осиновца до Новой Ладоги, где хранились небольшие запасы продовольствия, 90 километров водного пути. Но наступали дни, когда по озеру нельзя будет перебраться ни на санях, ни на пароходе. И без того тонкая нить снабжения могла в любой день порваться. А как быть? Можно было доставлять грузы самолетами, но их в распоряжении фронта имелось мало. Военный совет обращается с просьбой в правительство о выделении транспортных самолетов для завоза продуктов питания.

Вскоре в Ленинград прилетел начальник Гражданского воздушного флота СССР генерал-полковник авиации Ф. А. Астахов. В кабинете А. А. Кузнецова состоялось совещание. Астахов сообщил, что он получил указание Сталина выделить самолеты для завоза продовольствия в Ленинград. Необходимо определить аэродромы, обеспечить их защиту, а также предусмотреть прикрытие транспортных кораблей истребителями. Было решено завозить продовольствие с Новой Ладоги, с Хвойной и Кушевер на аэродром «Смольный». С этого же пункта вывозить людей на Большую землю. На начальника тыла фронта возложили руководство погрузочно-разгрузочными работами, приемкой продовольствия, горючего, а также учет всех поступающих грузов.

По окончании совещания в кабинете остались Астахов, Кузнецов, Попков и я. Алексей Александрович спросил Астахова, на какое количество самолетов можно рассчитывать и с какого дня начнется завоз. Федор Алексеевич ответил, что бои идут от Белого до Черного моря, в транспортной авиации нуждаются все фронты, но, зная, какое внимание Ставка уделяет Ленфронту, можно рассчитывать на максимальное число самолетов в самые ближайшие дни.

Быстрая реакция Верховного Главнокомандования на просьбу Военного совета, приезд Астахова и его обещание оказать всемерную помощь подняли настроение у руководителей города.

С 16 ноября началась переброска продовольствия с Новой Ладоги и других аэродромов в Ленинград. Короткие дни ноября ограничивали оборачиваемость самолетов. Снабжение же населения мясопродуктами зависело только от завоза. Каждая тонна мяса, масла сохраняла жизнь многим людям. Начальник тыла фронта Ф. Н. Лагунов и я решили переговорить с летчиками: нельзя ли увеличить число рейсов машин, до-

ставляющих продовольствие? На аэродроме «Смольный», на открытой площадке, поздно вечером состоялась наша встреча. Рассказав, какие трудности испытывает население из-за нехватки продовольствия, мы спросили, можно ли увеличить число рейсов.

— Можно,— громко и уверенно сказал один из летчиков и, подойдя ближе к нам, добавил: — Надо только загрузку самолетов проводить быстрее, скажем, за двадцать минут, вместо сорока, а то и часа.

В говорившем я узнал старшего лейтенанта А. Д. Калину.

— За счет сэкономленного времени,— продолжал он,— можно сделать дополнительно один-два оборота.

— Правильно! — раздались голоса собравшихся.

Вперед вышел широкоплечий летчик:

— Я вот что хочу добавить к тому, что сказал старший лейтенант: вместо двух тонн мяса мы привозим полторы или того меньше, потому что туши плотно не уложить, а если использовать полную грузоподъемность каждого корабля, то можно привозить продуктов на несколько тонн больше.

Летчики говорили коротко, сухо. И никто не посетовал на то, как опасно летать через Ладогу. Они знали, что каждым своим полетом помогают защитникам города.

Беседа была полезной. Предложения летчиков требовалось как можно быстрее осуществить. И нам это удалось. Самолеты стали загружать мясом в блоках (прессованным). Каждый блок весил 20 килограммов и был упакован в гофротару. Он был почти квадратный, что позволяло загружать корабли до полной их грузоподъемности в течение нескольких минут.

Генерал Лагунов установил время: загрузка — двадцать минут, разгрузка — десять, и эти жесткие нормы выдерживались. Летчики, как и обещали, стали совершать три-четыре рейса, а иногда и больше.

Немецкие истребители, как уже было сказано, остерегались нападать на наши транспортные самолеты, следовавшие группами — шестерками, девятками, но, увидев одиночный самолет, стремительно нападали. Так погиб самолет Ли-2 и его славный экипаж под командой Жантиева. Этот экипаж делал три-четыре оборота в день, доставляя в город продовольствие, а обратным рейсом вывозил людей. 29 ноября Жантиев должен был вылететь вместе со всем отрядом с аэродрома «Смольный», но по какой-то технической причине под-

нялся в воздух на четыре-пять минут позднее других машин, и эти минуты стоили ему и всем другим, находившимся в самолете, жизни.

Над Ладогой его самолет встретился с немецким истребителем. Жантиев прижал машину к воде, а стрелок открыл огонь из пулемета, но истребитель одержал верх. Корабль Жантиева загорелся и исчез в ледяной воде с шестнадцатью эвакуируемыми пассажирами.

«Мессершмитты», как коршуны, караулили одиночные самолеты над озером, но не всегда их нападения сходили им с рук. Экипаж Ли-2 под командованием опытного летчика Пантели летел в Ленинград с грузом. «Мессершмитт», заметив одиночный транспортный самолет, пошел в атаку. Пантели резко отклонился в сторону, а стрелок дал пулеметную очередь. Маневр оказался удачным. Пилот истребителя был убит или тяжело ранен, машина потеряла управление, мгновенно пошла вниз, пробила тонкий лед и ушла на дно той же Ладоги. За смерть Жантиева свел счет Пантели. В то время различных случаев трагической гибели людей было много. Война шла всюду.

Активность вражеской авиации не приостановила перевозок по воздуху. Транспортные самолеты продолжали доставлять продукты в Ленинград. Особенно отличалось звено самолетов, возглавляемое А. Д. Калиной. Саша — так его дружески звали летчики — не считался с опасностью, не знал усталости, своей отвагой увлекал других.

В один из декабрьских дней мне передали, что самолет, пилотируемый Сашей Калиной, сбит вражеским истребителем над озером. Весть печальная. Как это случилось, выяснить тогда не удалось. В те дни смерть витала над головой каждого человека, пересекающего Ладогу. Но значительно позднее, много лет спустя после войны, все разъяснилось.

Я работал в Министерстве торговли. Однажды к концу рабочего дня мне доложили, что меня хочет видеть летчик Калина. Как молния, мелькнула мысль: неужели это тот бесстрашный человек, который совершал рекордное число рейсов через Ладожское озеро по доставке продовольствия в Ленинград? Но ведь он погиб?

В кабинет вошел крепкого сложения мужчина в штатском костюме, на груди светилась Золотая Звезда Героя Советского Союза. Да, это был он — Алек-

сандр Данилович Калина. Спокойное энергичное лицо, тот же прищур карих глаз, улыбка...

— Я ненадолго, сегодня исполнилось тридцать лет, как мы впервые встретились в полете над Ладогой, захотелось поговорить, вспомнить прошлое,— сказал, немного смущаясь, Калина.

Видеть в полном здравии человека, так много сделавшего для осажденного города и считавшегося погибшим, для меня было великой радостью.

— Нет, дорогой Александр Данилович, я вас не отпущу. Спасибо, что зашли. Садитесь поудобнее и расскажите обо всем, что произошло в декабре 1941 года. Ведь вас считали погибшим.

И вот что он мне поведал:

— В декабре я получил приказание вылететь в Кушеверы и привезти оттуда специальный груз для моряков. Рано утром, усадив истощенных детей и женщин в самолет, я поднялся с аэродрома «Смольный» в воздух. Погода была благоприятная. Летел без сопровождения: немецкая авиация в декабре уже не могла проявлять большой активности. И вдруг неожиданно меня атаковал истребитель. Стрелок моего корабля принял приближающийся финский самолет за наш и поздно открыл огонь. Противник успел дать выстрел — пушечный снаряд повредил лопасть воздушного винта и перебил один из тросов управления. Кое-как сохраняя управление, прижав самолет к воде, я дотянул до ближайшего аэродрома. Женщин и детей, слабых и перепуганных, мы на руках вынесли из самолета. В Ленинград вернуться мне не пришлось, так как получил новое срочное задание. Это, видимо, и дало повод считать меня погибшим.

Я же с группой других летчиков доставлял по ночам боеприпасы, горючее, продовольствие гвардейскому корпусу генерала Белова, действовавшему в тылу врага на Западном фронте. Гвардейцам удалось захватить шестиствольный миномет противника и укрыть его в лесу возле деревни Хмельники, что в двадцати пяти — тридцати километрах южнее Вязьмы. Командование поставило задачу вывезти миномет и доставить его в Москву. Миномет в то время был новым и опасным оружием. Ряд попыток вывезти трофей окончился неудачей.

Мой экипаж состоял из комсомольцев, про себя мы решили во что бы то ни стало доставить миномет в распоряжение командования. В одну из февральских

ночей мы перелетели линию фронта и сели на заранее условленной поляне. Нас встретили бойцы гвардейского корпуса, помогли погрузить миномет, пульт управления и две боевые мины. Неожиданно для нас гвардейцы попросили взять десять тяжелораненых бойцов и доставить их в госпиталь. Это не входило в наши расчеты по загрузке самолета, но не взять раненых мы не могли. Уложив их поудобнее, запустили моторы, однако взлететь оказалось невозможным из-за глубокого снега. Бойцы утаптывали снег, время шло, приближался рассвет, угроза обнаружения нас противником возрастала. Попасть в плен — лучше смерть, высадить раненых — уменьшить вес корабля, чтобы оторваться,— бесчеловечно. Веду машину по протоптанной полосе вперед — назад, вперед — назад, и так несколько раз, колеса утрамбовывали снег, под тяжестью корабля дорожка затвердела. Принимаю решение идти на подъем. Держусь строго дорожки, чуть в сторону — зароюсь в снег, и тогда все пропало. Оторвались с трудом, в предрассветной мгле перелетели линию фронта и вернулись на свою базу благополучно. Экипаж испытывал удовлетворение: взятое обязательство — доставить миномет — выполнили. В августе 1942 года меня приняли в партию, то был памятный день. Неоднократно летал я в далекий тыл противника, обеспечивая партизан оружием, боеприпасами, продовольствием. Немало моих друзей-летчиков погибло, но мне повезло; закончил войну целым и невредимым.

— Ну а дальше как сложилась ваша судьба? — спросил я, увлеченный его рассказом.

— После войны посвятил себя летно-испытательной работе. Вот уже более двадцати лет испытываю новые корабли. Однажды в полете при испытании реактивного самолета заело управление рулями высоты — ни вниз, ни вверх, только по прямой летит корабль. В таких случаях надо катапультироваться, но оставить машину, обладающую превосходными техническими данными, погубить ее, не выяснив причин заклинивания управления, равносильно дезертирству. Проверяю каждую деталь, одновременно наблюдаю за приборами и наличием горючего в баках, время бежит, опасность возрастает, наконец нахожу скрытый дефект, с трудом восстанавливаю управление. Иду на посадку, а мысль сверлит: если вновь заклинит, то уже будет поздно, тогда... Отгоняю эту думу. Приземлился, вздохнул полной грудью. Все во мне ликует — спа-

сена великолепная машина! Теперь таких самолетов много, они гордость нашей авиации.

Он замолчал. Его глаза, лицо светились радостью.

— В годы войны вы много летали, выполняя различные задания командования. Какое событие вам больше всего запомнилось? — спросил я летчика.

— Много было памятных событий,— ответил Александр Данилович,— но, пожалуй, полеты через Ладожское озеро больше всего. Завоз продовольствия в осажденный Ленинград и вывоз оттуда едва-едва стоящих на ногах детишек и женщин на Большую землю незабываемы. Каждый рейс приносил нам, летчикам, наибольшую радость.

Поговорив о прошлом и настоящем, мы тепло попрощались. После ухода летчика я долго думал, сколько подвигов совершил этот скромный человек. Сколько раз он смотрел смерти в глаза при полетах в тыл врага или совершая многочисленные опасные рейсы через Ладогу. То, что он вышел из войны невредимым, Саша объяснял просто везением. Но нет, не судьба предопределила его удачи, а огромное мастерство, стойкость, горячая любовь к Отчизне.

Есть деревья, которые сохраняют листву и после морозов. Так и Александр Данилович, несмотря на годы, жизненные бури, сохранил пыл души, любовь к труду, дерзаниям, смелость и отвагу.

Перевозка продуктов самолетами была дорогой мерой: транспортная авиация отвлекалась от доставки грузов фронтам, расходовались тысячи тонн горючего, самолетный парк нес потери в боях. Все это верно, но верно и то, что воздушные корабли спасли тысячи жизней. В самое критическое время мы могли поддерживать раненых, детей питанием. Люди, пережившие блокаду, никогда не забудут мужества и изобретательности летчиков. Однако самолеты не могли обеспечить доставку такого количества продовольствия, которое требовалось для снабжения всего населения.

2

В начале ноября командующий Ладожской военной флотилией В. С. Чероков и автор этих строк находились в Новой Ладоге, принимали меры к ускоренному завозу грузов в Ленинград. В это время стали поступать тревожные вести. Неприятельские войска после

перегруппировки сил вновь повели наступление большими силами со стороны Чудова на Волхов. 4-я армия советских войск, прикрывавшая этот важный пункт, не выдержала натиска и стала отступать. Немцы этим воспользовались и усилили нажим, стремясь с ходу занять Волхов, выйти к Ладожскому озеру, окружить 54-ю армию, защищавшую Ленинград со стороны юго-восточной части Ладожского озера, и тем самым перерезать последнюю коммуникацию, связывавшую город со страной. То, что было довольно заманчивой перспективой для фашистского командования, выглядело весьма зловеще для ленинградцев. Вражеские дивизии теснили советские войска. Передовые части противника вошли в Гостинополье и все ближе подходили к Волхову. Нависла реальная угроза потери этого важного стратегического пункта.

Боясь худшего, мы решили посетить командующего 54-й армией генерал-майора Федюнинского и уточнить обстановку. По дороге к нему мы встретили большое число машин, повозок, тянувшихся вереницей в глубину тыла. От этих печальных вестников отступления становилось тяжело на сердце. Командный пункт армии был расположен в густом лесу в землянках недалеко от переднего края.

Здесь я впервые познакомился с Иваном Ивановичем Федюнинским. Командарм был среднего роста, широк в плечах, живой, как ртуть, с выразительными карими глазами и небольшими усиками. Он был рад нашему приезду, расспрашивал о жизни ленинградцев, охотно отвечал на вопросы. Узнав цель нашего посещения, он тут же распорядился показать нам карту боевых действий на последние часы боя и сам объяснил всю сложность обстановки. Он привел данные, из которых было видно, что враг превосходит наши силы. Особенно много бед причиняла авиация немцев, их штурмовики буквально висели над полем боя.

— Но наступление можно отбить,— сказал Иван Иванович,— надо только провести ряд решительных мер. Правда, я еще не имею полномочий на их осуществление, но жду с часа на час ответа,— добавил он.

Разговор был откровенным, и мы были убеждены, что командарм не скрывает всей опасности положения, но и не преувеличивает ее.

— Скажите, товарищ командующий,— спросил я,— запасы продовольствия, находящиеся в Новой Ладоге для Ленинграда, в большой опасности? И что можно

сделать, чтобы при всех неожиданностях их сохранить? Вы, конечно, знаете, что это значит для Ленинграда?

Федюнинский вышел из-за стола, подошел к висящей на стене карте и сказал:

— Да, знаю и могу вас заверить, так и передайте ленинградцам, что продовольствие и коммуникацию будем защищать до последнего вздоха,— и показал на карте, как он будет выполнять эту задачу в случае прорыва обороны противником. Сказано было с такой убежденностью, что не оставалось и следа сомнения в решительных действиях командарма.

Во время беседы раздался звонок по ВЧ. К аппарату вызвали командующего. Разговор был со Ставкой короткий, но вселивший в Федюнинского много бодрости и уверенности.

— Ну вот, могу сообщить вам приятную весть,— обратился к нам Иван Иванович.— Товарищ Сталин утвердил предложение Военного совета Ленфронта и командования 54-й армии по защите Волхова и передал в мое подчинение ряд войсковых соединений 4-й армии. Теперь я могу действовать решительно. Правда, у нас мало пулеметов. Вы не сможете помочь? — обратился командующий к В. С. Черокову.

— У нас тоже не густо,— ответил Виктор Сергеевич и задумался. После затянувшейся паузы он сказал: — Хорошо, мы снимем крупнокалиберные пулеметы с кораблей и передадим вам. Лучше остаться без пулеметов, чем допустить немцев в Новую Ладогу.

— Ну, дорогой Виктор Сергеевич, обрадовал ты меня, спасибо,— пожимая руку Черокову, проговорил Федюнинский.

Мы тепло попрощались с Иваном Ивановичем Федюнинским. У нас сложилась уверенность, что худшего не произойдет.

Возвращаясь в Новую Ладогу, я спросил Черокова:

— Как же вы обойдетесь без пулеметов?

— Конечно, трудно расставаться с оружием,—ответил Чероков,— этим мы снижаем огневую мощь кораблей, но от положения на сухопутном фронте зависит судьба ладожской трассы, а значит, и участь блокированного Ленинграда.

Надо обладать решительностью и широко мыслить, чтобы так поступить, подумал я. Далеко не каждый командир способен по своей воле ограничить себя боевыми средствами.

Между тем Военный совет Ленфронта, учитывая опасность захвата немцами Новой Ладоги, перебрасывает из Ленинграда на транспортных судах Ладожской флотилии 20 тысяч солдат и офицеров, а около 3 тысяч бойцов перебрасывается самолетами для подкрепления передовых частей 54-й армии.

Некоторые партизанские отряды, сформированные для борьбы в тылу врага, также были переданы в распоряжение командования 54-й армии.

Оказанную помощь И. И. Федюнинский использовал быстро и умело. Отступающие части правого фланга 4-й армии он усилил переброшенными из Ленинграда солдатами и офицерами, подкрепил их оружием и снарядами. Боеспособность войск в короткий срок была восстановлена.

Для усиления обороны командарм смело пошел на крайнюю меру: зенитную артиллерию, прикрывавшую Волхов, передвинул на передний край и использовал ее как наземную; пулеметы, снятые с военных кораблей, перебросил в войска. Перегруппировка частей была осуществлена быстро и, видимо, незаметно для вражеской разведки. Отпор врагу нарастал по всему фронту. Наступление немецко-фашистских войск замедлилось и через два дня остановилось. Неоднократные попытки неприятеля сломить умело созданную оборону и развить успешно начатое наступление результата не имели. Много германских солдат полегло на подступах к Волхову.

Командованию группы «Север» приказывалось сковать осажденных вторым кольцом до наступления морозов. Перегруппировав силы, противник повел наступление на Войбокало, одновременно предпринимая сильный нажим на Волхов, рассчитывая на то, чтобы где-нибудь прорвать цепь обороны и выйти к озеру. Немцы знали, что на этом участке фронта оборона советских войск держится на тонкой линии наспех вырытых окопов. Стоит только проткнуть ее в одном каком-нибудь месте — и путь к Ладоге будет открыт. Но, несмотря на упорные атаки, неприятельские войска не смогли сломить сопротивление бойцов 54-й армии. Наступление было отбито, и на этот раз надолго.

Командарм И. И. Федюнинский оправдал доверие Ставки, проявив качества волевого полководца.

Интересно отметить, что неприятельская сторона, провалив наступление, сочла нужным объявить по радио, что командарм 54-й советской армии генерал Фе-

дюнинский покончил жизнь самоубийством из-за неудачно проведенной операции под Волховом. Позднее немецкий народ узнал всю лживость этого сообщения. На протяжении всей войны командарм Федюнинский за отличные боевые действия вверенных ему войск неоднократно отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего Советских Вооруженных Сил.

С приближением фашистских войск к Волхову Военный совет Ленфронта отдал приказ: все основное оборудование Волховской гидроэлектростанции демонтировать и отправить в глубь страны; станцию и плотину в случае прямой угрозы захвата, по усмотрению командующего армией, взорвать. Во исполнение приказа оборудование было демонтировано и вывезено, за исключением двух малых вспомогательных гидротурбин, а станция и плотина заминированы. Оставалось только поджечь шнур, и все взлетело бы на воздух.

Тяжелое бремя ответственности легло на плечи Федюнинского. Взорвать станцию раньше, чем нога неприятеля вступит на ее плотину, не допускали долг службы и честь солдата, и в то же время нельзя упустить критический момент боя. На ближайших подступах к Волхову шли ожесточенные бои. Командарм как нельзя лучше выполнил возложенное на него задание: в Волхов и Войбокало враг не был допущен, коммуникация по Ладоге оставалась под контролем советских войск. Гидроэлектростанция была спасена, что позволило к концу 1942 года подавать электроэнергию осажденному Ленинграду.

Заманчивая идея двойного окружения Ленинграда обратилась для немецкого командования в трагический акт. Вместо теплых волховских квартир немецкие солдаты остались на зиму на открытой болотистой местности, а кругом на необозримых пространствах валялись на мерзлой земле убитые солдаты фашистской империи. Вместо окруженной, парализованной 54-й советской армии, как представлял себе неприятель, он увидел и ощутил грозную силу форпоста осажденного города.

Запасы продовольствия в Новой Ладоге благодаря усилиям советских воинов оказались в безопасности. Мука, крупа, мясо, жиры, укрытые брезентом, лежали на берегу озера в ожидании зимней дороги, а по ту сторону водного пространства люди с нетерпением и мучительной болью ждали хлеба.

ГОЛОД

(ноябрь 1941 года — январь 1942 года)

1

Наступил ноябрь. Сухие, ясные дни октября сменились пасмурными, холодными. Земля покрылась толстым слоем снега. Студеный ветер гнал снежную пыль в выбитые окна квартир, больниц, магазинов. Зима установилась ранняя, снежная и морозная. Во дворах, на улицах и площадях образовались сугробы, преодолеть их не всегда и не все могли. Не хватало сил.

Иной сугроб
страшней трясины,
встал на пути — и прерван путь.
Что делать,
я один не в силах
через него перешагнуть.
Стою и жду
Под снежным воем,
Пока другой не подойдет...

Так передает состояние ленинградцев Ю. П. Воронов[1]. Пережив блокаду подростком, поэт позднее написал о ней немало стихов, воссоздающих атмосферу незабываемой зимы 1941/42 года. Его цепкая память сохранила многие детали страшных дней блокады: скрип саней, на которых увозили тела умерших от голода; тропинки в глубоком снегу к проруби в Неве; мерцание коптилок и полыхание пожаров. Он воспел мужество русских людей, сумевших выстоять и победить. У меня, видевшего все стороны блокадной жизни, стихи Ю. П. Воронова вызывают чувства глубокого волнения и большой благодарности поэту.

Движение городского транспорта с каждым днем уменьшалось, топливо подходило к концу, жизнь предприятий замирала. Рабочие и служащие, прожив-

[1] *Воронов Ю.* Блокада. М.: Молодая гвардия, 1982, с. 31.

шие в отдаленных районах города, шли на работу пешком несколько километров, пробираясь по глубокому снегу. По окончании трудового дня, утомленные, они едва добирались до дому. Здесь на короткое время они могли сбросить с себя одежду и лечь, вытянув усталые, тяжелые ноги. Несмотря на холод, сон налетал мгновенно, но беспрестанно прерывался из-за судорог ног или натруженных рук. Утром люди с трудом поднимались: ночь не укрепляла их силы, не изгоняла усталости из тела. Когда устаешь от большого, но кратковременного усилия, утомление за ночь проходит, но тут была постоянная усталость от ежедневного истощения физических сил. И вот снова наступает рабочий день, мышцы рук, ног принимают нагрузку. Напряженно работает мозг. Затраты сил увеличивались, а питание ухудшалось.

Недостаток пищи, наступившие холода и постоянное нервное напряжение изнуряли осажденных. Шутки, смех исчезли, лица стали озабоченными, суровыми. Люди слабели, передвигались медленно, часто останавливались. Чрезвычайно редко можно было встретить краснощекого человека, и на него смотрели с удивлением: откуда он взялся? Еще совсем недавно свист и разрывы снарядов тревожили нервы, заставляли людей настораживаться. Теперь же на разрывы снарядов мало кто обращал внимание. Ленинградцы глубоко погрузились в свои нерадостные мысли.

С начала блокады прошло 53 дня. Жесточайшая экономия в расходовании продуктов и небольшой завоз хлеба через озеро позволили сохранить на 1 ноября небольшие остатки продовольствия: муки — на 15 дней, крупы — на 16, сахара — на 30, жиров — на 22 дня и совсем мало мяса. Снабжение мясопродуктами производилось главным образом за счет того, что удавалось завезти самолетами. Все понимали, что продовольствия оставалось мало, так как нормы выдачи сокращались, но истинное положение знали только семь человек во всем городе. Данными о поступлении и наличии продовольствия располагал строго ограниченный круг лиц, и это позволяло хранить тайну города-крепости. А те, кто знал эту тайну, испытывали душевные страдания. Они видели весь ужас надвигающейся беды. Чтобы как-то предотвратить ее, они напрягали все свои силы в поисках выхода.

Наступил канун 24-й годовщины Октябрьской революции. Сколько радостной суеты обычно бывало в

этот вечер! Улицы, дома залиты светом огней, витрины магазинов ласкают взор своим убранством и обилием товаров. Яблоки, чернослив, ветчина, пирожные и множество других яств манили покупателей. Всюду шла оживленная торговля. Каждая семья готовилась встретить праздничные дни. Шумную радость проявляли дети, возбужденные общим оживлением, предстоящими подарками. В том же, памятном году ленинградцы лишены были подобных радостей: холод, мрак, ощущение голода не оставляли их ни на минуту. Пустые полки в магазинах, витрины, заложенные мешками с песком, вызывали у людей тоску и боль. И все же у них теплилась надежда: авось к празднику что-то дадут. Эту затаенную мечту знали и те, кто отвечал за снабжение населения, но ничего сделать не могли. Дать побольше, порадовать людей, а затем уменьшить даже тот скудный паек, что они получали, было бы жестоко. Ограничились выдачей детям по двести граммов сметаны и по сто граммов картофельной муки, а взрослым — по пять соленых помидорин, вот и все для встречи праздника. Больно, обидно, но так повелевал ход неблагоприятно складывавшихся событий.

Вечером 6 ноября жители города слушали радиопередачу из Москвы. Передавалось торжественное заседание. С напряжением вслушивались люди в слова И. В. Сталина, затрагивавшие их сокровенные мысли и чувства. От его речи, не скрывающей правды, от его уверенности, что враг будет разбит, на душе становилось теплее.

Днем 7 ноября пришла новая волнующая весть: в Москве на Красной площади проходил парад наших войск.

Это был смелый и мудрый шаг. Население нашей страны, жители осажденного Ленинграда, бойцы, партизаны, советские граждане, оказавшиеся на территории, оккупированной немцами, увидели в этом параде боевую собранность Верховного Главнокомандования, его твердую уверенность в своих действиях. Все это давало людям новые силы в борьбе с захватчиками.

Встречаясь с офицерами штаба фронта, беседуя с ними, я замечал у них радостное возбуждение. Многие подчеркивали важность обращения в речи Главнокомандующего к мужественным образам славных русских полководцев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского,

Александра Суворова, Михаила Кутузова. Речь Сталина, его спокойный тон вселяли великую надежду, что враг обязательно будет разбит.

Фашисты знали, что значит для советских людей годовщина Октября. В ночь на 7 ноября они решили преподнести «подарок» революционному городу: тяжелые бомбардировщики, прорвавшись на большой высоте, сбрасывали тонные бомбы, некоторые из них с душераздирающим воем падали на дома, превращая их в груды развалин. Немало бомб взрывалось на дне Невы, сотрясая величественные здания, расположенные на набережной, и еще больше бомб глубоко уходило в землю, не взорвавшись.

В ту же ночь немцы на больших парашютах (площадью более 50 квадратных метров) сбросили несколько электромагнитных морских мин такого веса и такой взрывной силы, каких они еще не сбрасывали на город. Одна из таких мин упала на завод имени Егорова. Над предприятием, имевшим весьма важное значение для осажденных, нависла страшная угроза. В случае разрыва мины ленинградцы понесли бы тяжелый ущерб. Требовалось немедленно обезвредить мину. Но как? Бойцы МПВО, имевшие к этому времени опыт борьбы с авиабомбами замедленного действия, совершенно не знали, как подойти к трехметровой морской мине. Магнитные реле мины могли сработать при подходе к ней со стальными отвертками и ключами, нельзя было также вызвать сотрясение корпуса при разрядке, так как взрыватель с часовым механизмом (как выяснилось позднее) имел кратковременную установку и в любую минуту мог произойти взрыв.

Прибывший к месту падения мины инженер-капитан А. Ф. Литвинов также не имел никакого практического опыта по обезвреживанию загадочной мины. Но времени терять нельзя было. Полагаясь больше на интуицию, он приступил к разрядке морской магнитной мины. В первую очередь Литвинов извлек малые часы (так называемый инерционный взрыватель), затем большой часовой механизм и, наконец, ударный взрыватель. Сложная, требующая исключительного напряжения операция закончилась благополучно. Завод был спасен. Но не везде обезвреживание мин проходило так удачно, немало бойцов в борьбе с этим новым коварным оружием врага погибло.

И все же противник не смог нанести городу большие разрушения. Самоотверженность таких мужест-

венных воинов, как А. Ф. Литвинов, А. Н. Ханукаев, Н. М. Лопатин, П. В. Маслов, А. В. Орловский, Я. П. Урбанович и многие другие, устранила угрозу разрушения заводов от мин. Трудно привести имена всех тех людей, которые с открытыми глазами бесстрашно шли на поединок со смертью во имя святой цели: спасти людей, сохранить город. Тысячи людей обязаны им своей жизнью, своим сохранившимся домашним очагом. Пожалуй, за все время блокады не было случая, когда столь многие были бы так обязаны столь немногим.

Вскоре на основе приобретенного опыта техника обезвреживания магнитных мин была детально разработана и стала достоянием большого круга работников МПВО. Успешная борьба с магнитными минами имела неоценимое значение для осажденных.

2

Более тяжелые по своим последствиям события произошли на второй день 24-й годовщины Октябрьской революции. 8 ноября моторизованные части неприятеля овладели городом Тихвином, расположенным в 80 километрах восточнее Волхова. Командующий 39-м моторизованным корпусом Шмидт, используя подвижность вверенных ему войск, обходным движением дерзко вклинился на большую глубину в нашу оборону, обнажая свои фланги и ставя под удар коммуникации, связывавшие далеко оторвавшиеся войска корпуса от главных сил. Можно предполагать, что захват Тихвина 8 ноября был продиктован скорее политическими соображениями, чем военной подготовленностью немцев к осуществлению данной операции и закреплению ее результатов.

Как известно, немецко-фашистская армия в сентябре не могла силой оружия овладеть Ленинградом. Тогда Гитлер провозгласил новый план — взять город голодом; на голод он смотрел как на своего верного союзника по уничтожению населения. Его пропагандистский аппарат с большим шумом ухватился за этот якорь спасения престижа немецкой армии, назойливо вбивая в голову немецкого народа и всех «правоверных» за пределами Германии эту мысль.

Шли дни, недели, а город не сдавался. И тогда ставка Гитлера решительно потребовала от командующего группой «Север» продвинуться на восток и пе-

резать последний путь, связывающий осажденных со страной. Шмидту удалось отбросить оборонявшихся и захватить важный железнодорожный пункт Тихвин. Немедленно немецкие газеты, радио, официальные сообщения стали усердно раздувать эту победу. «Теперь Ленинград вынужден будет сдаться без пролития крови немецких солдат»,— сообщала германская пресса. Берлинское радио 9 ноября через каждые 30 минут передавало как особо важное сообщение верховного главнокомандования о захвате немецкими войсками Тихвина. Перед началом радиопередачи духовой оркестр исполнял торжественный марш. Необычное, театрализованное оформление последних известий вызывало к ним интерес у населения. Взбудораженное общественное мнение в Германии и многих странах мира ждало величайшего события — падения со дня на день твердыни большевиков — Ленинграда.

Как бы там ни было — по политическим соображениям или по военному расчету действовали гитлеровцы,— но им удалось нанести удар по весьма чувствительному месту. Потеря Тихвина принесла много бед оборонявшимся, и прежде всего в обеспечении войск и населения продовольствием, горючим, боеприпасами. Еще не было опубликовано сообщение о захвате врагом этого небольшого, затерявшегося в лесах Ленинградской области городка, а слух, словно гонимый ветром, передавался от одного к другому, вызывал волнение, озабоченность, неясные представления у осажденных о том, какими путями к ним будут поступать необходимые для жизни и борьбы грузы, надолго ли хватит оставшихся запасов. И для беспокойства были глубокие основания. Жизненная артерия, связывающая Ленинград с внешним миром, оказалась перехваченной немцами еще раз, что создавало потенциальную угрозу удушения осажденных. Хлеба оставалось совсем мало, а поезда с провиантом и другими грузами из глубин России после потери Тихвина стали прибывать на небольшие станции Северной железной дороги Подборовье и Заборье, расположенные в 100—120 километрах восточнее Тихвина. Чтобы перевозить грузы с этих станций на автомашинах, необходимо было проложить дорогу в обход Тихвина более чем трехсоткилометровым полукружием до Новой Ладоги, по пересеченной лесисто-болотной местности, с очень слабо развитой сетью грунтовых дорог. Много сил и времени требовалось для постройки столь дальней доро-

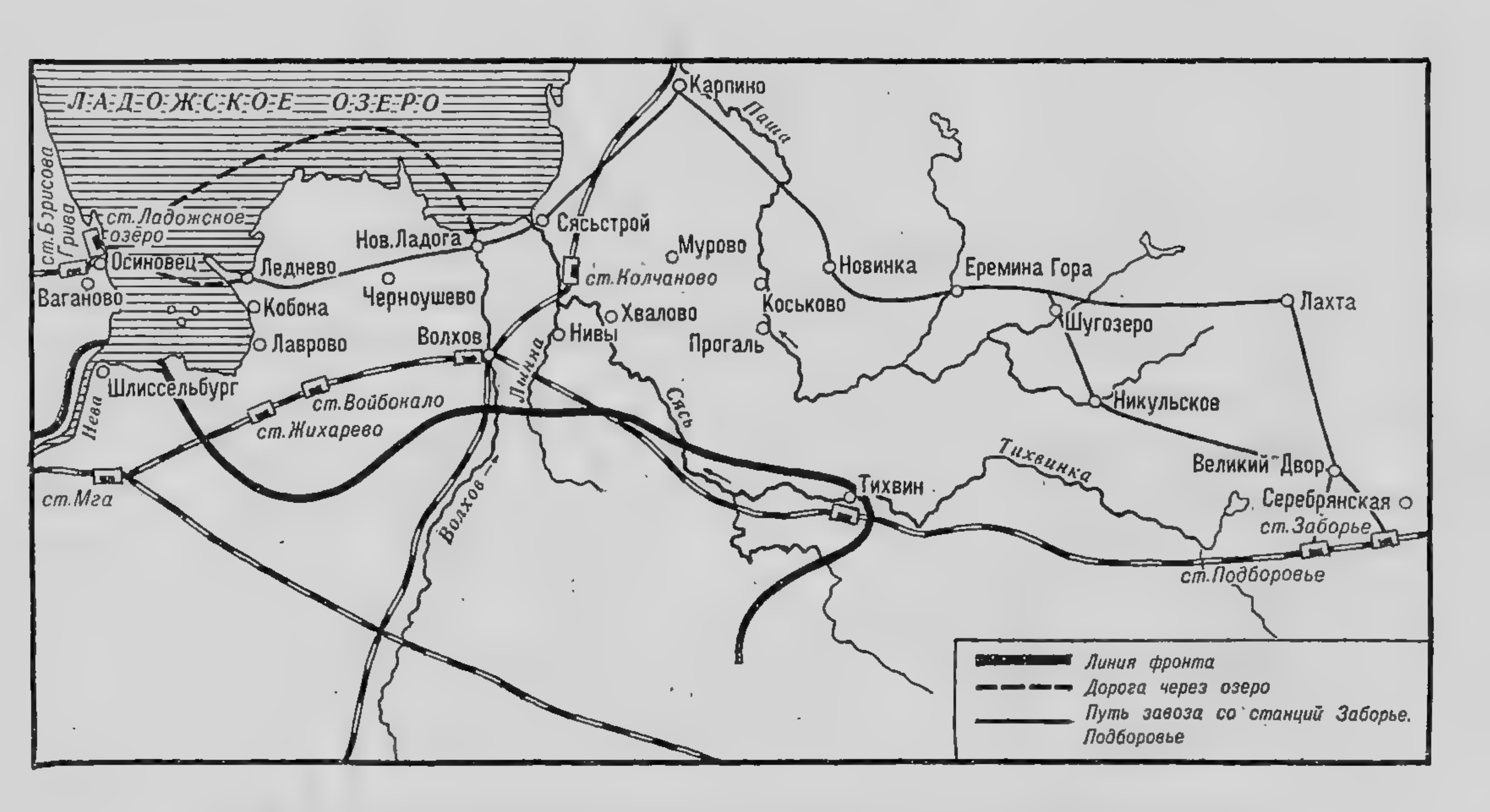

Схема 5. Транспортировка грузов в Ленинград после потери Тихвина.

ги, к тому же имелись большие опасения, что новая трасса по своей пропускной способности не сможет обеспечить население и войска продовольствием даже по самым голодным нормам. И все же, несмотря на трезвые расчеты, несмотря на предстоящие мучения с транспортировкой грузов, дорога была нужна защитникам так же, как кислород человеку. После потери Тихвина Военный совет принял решение построить автодорогу по маршруту Осиновец — Леднево — Новая Ладога — Карпино — Ямское — Новинка — Еремина Гора — Шугозеро — Никульское — Лахта — Великий Двор — Серебрянская — Заборье — Подборовье с грузооборотом в оба конца 2 тысячи тонн в сутки, с открытием фронтовой перевалочной базы в Заборье. Строительство осуществляли тыловые воинские части и колхозники прилегающих селений.

Постройка дороги вселяла хотя и слабую, но все-таки надежду на поступление продовольствия и других важнейших грузов по окончании строительства пути. Срок строительства дороги устанавливался к 1 декабря 1941 года. Запасы же продуктов питания в Ленинграде и Новой Ладоге на 9 ноября составляли: муки — на 24 дня, крупы и жиров — на 18, мясопродуктов — на 9 и сахара — на 22 дня.

Кроме этих запасов, небольшое количество мяса, жиров и других наиболее питательных продуктов доставлялось самолетами.

Несмотря на крайне малые остатки, можно было бы прожить до намеченного срока открытия строящейся дороги, не уменьшая норм довольствия населению и войскам. Но, к несчастью, две трети запасов муки, больше половины крупы и все наличие мясопродуктов находилось за озером, которое в это время начало покрываться на мелких местах тонким льдом. По озеру с трудом пробирались только суда военной флотилии, на них перевозили боеприпасы, в которых испытывалась острая нужда, и немного продуктов питания. Прогноз погоды предвещал понижение температуры через пять-шесть суток, однако определить день начала движения по льду было невозможно. Обстановка требовала уменьшить расход продовольствия незамедлительно. Военный совет, обсудив создавшееся положение, решил сократить нормы выдачи хлеба и мяса всему личному составу войск и морякам Балтийского флота, а гражданскому населению не уменьшать паек.

Принимая такое решение, Военный совет исходил из следующего:

жители города и без того получали скудную норму, и дальнейшее уменьшение ее было крайне нежелательно;

солдаты и матросы первой линии получали по 800 граммов хлеба, а солдаты тыловых частей по 600 граммов и хороший приварок, следовательно, сокращение пайка не так сильно отразится на их физическом состоянии;

образуемая экономия от сокращения пайка военным позволит продлить остатки хлеба и прожить до установления зимней дороги через озеро.

Так думали, рассчитывали и надеялись.

8 ноября приказом по войскам вводится новая норма на хлеб и мясо. Для войск первой линии хлеба — 600 граммов на день, мяса — 125. Для тыловых частей хлеба — 400 и мяса — 50 граммов в день.

Рыба полностью исключалась из норм довольствия — ее не было, а заменить другими продуктами не имелось возможности. Рыбные и крабовые консервы засчитывались взамен мяса в равном весе. Картофель и овощи заменялись крупами из расчета 10 граммов крупы за 100 граммов овощей.

Военным советам армий, командирам и комиссарам соединений, частей и учреждений вменялось в обязанность установить строжайший контроль за расходованием продуктов, не допуская даже единичных случаев увеличения норм довольствия в тылах и вторых эшелонах за счет бойцов первой линии. Нарушителей приказывалось привлекать к судебной ответственности.

Но беда, словно тень, неотступно стояла за плечами осажденных.

Прошло пять дней, температура воздуха понизилась до 6—7 градусов, но воды Ладоги этим морозам не поддавались, зимняя дорога на озере не устанавливалась, и никто не мог помочь ленинградцам сковать надежным льдом озеро. Все надежды и расчеты Военного совета рухнули. Хлеб подходил к концу. Время начало работать против осажденных. Как ни тяжело и больно было, а пришлось уменьшить выдачу хлеба и населению. С 13 ноября рабочим установили 300 граммов хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — по 150 граммов, личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных от-

рядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии,— 300 граммов.

Эта мера позволила довести суточный расход муки до 622 тонн. Однако и на этом небольшом уровне потребления продержались всего лишь несколько дней. Озеро штормило, сильные ветры гнали волны на берег, хрупкий лед ломался. Было ясно, что при такой погоде продовольствие с Новой Ладоги завезти невозможно, а запасы кончались.

Чтобы не допустить полного прекращения выдачи хлеба и предотвратить паралич города, через семь дней после последнего снижения Военный совет в третий раз в ноябре уменьшает нормы. С 20 ноября рабочие стали получать в сутки 250 граммов хлеба, служащие, иждивенцы и дети — 125, войска первой линии, личный состав боевых кораблей и летно-технический состав ВВС — 500, все остальные воинские части — 300 граммов [1]. Теперь суточный расход муки (вместе с примесями) составлял 510 тонн, то есть был самым минимальным за все время блокады. Для населения в 2,5 миллиона человек расходовалось всего 30 вагонов муки, но и за них пришлось жестоко бороться с врагом и стихией.

3

За 107 дней блокады (на 25 декабря) суточный расход муки был сокращен более чем в четыре раза при почти неизменном количестве жителей.

Расход муки в сутки по периодам был следующий (в тоннах) [2]:

С начала блокады по 11			сентября	2100
„ 11 сентября	„	15	„	1300
„ 16	„	„	1 октября	1100

[1] В сборнике «Город великого Ленина» (Лениздат, 1957, с. 110) указано, что с 20 ноября бойцы и командиры на передовой линии получали по 300 граммов хлеба в день, все остальные — по 150 граммов. Это явная ошибка. Автор статьи Ф. И. Сирота не учел, что кроме хлеба с 20 ноября по 11 декабря 1941 года, согласно постановлению Военного совета Ленфронта от 19 ноября 1941 года, производилась еще выдача сухарей — войскам первой линии по 100 граммов и остальным по 75 граммов, что в переводе на хлеб означало соответственно 200 и 150 граммов. С 12 декабря выдача сухарей была прекращена, и войска стали опять получать только хлеб — соответственно 500 и 300 граммов.

[2] Цифры расхода муки по указанным периодам приведены из решений Военного совета Ленфронта за 1941 год.

С	1 октября	по	26 октября	1000
„	26 „	„	1 ноября	880
„	1 ноября	„	13 „	735
„	13 „	„	20 „	662
„	20 „	„	25 декабря	510

Цифры, как и картины, воспринимаются различно. Иногда достаточно беглого взгляда, чтобы понять, но чаще требуется время, чтобы полнее и глубже осмыслить их. В данном случае приведенные цифры показывают крайнюю неравномерность потребления хлеба по периодам и свидетельствуют о возможности избежать сокращения хлебного пайка с 20 ноября.

Ввиду крайне ограниченных запасов муки в ноябре удержаться на уровне расхода 622 тонн в сутки оказалось невозможным, и 20 ноября пришлось уменьшить нормы хлеба как гражданскому населению, так и войскам, доведя паек до 125 граммов преобладающему количеству граждан. После этого расход муки, как уже сказано, составил 510 тонн, или на 112 тонн в сутки меньше. За 34 дня (с 20 ноября по 25 декабря) расход был сокращен на 3808 тонн. В сентябре же, как это видно из приведенных выше данных, можно было сэкономить это же количество муки за пять дней, приняв меры к более строгому расходованию продуктов не с 11-го, а с 5 сентября. Но такая мера в начале сентября не была осуществлена по причинам, указанным выше. Конечно, надо учитывать и то обстоятельство, что в ту пору, когда враг ломился в дверь, трудно было рассчитывать и предвидеть, что может дать населению города в ноябре пятидневная экономия продуктов в сентябре.

Уменьшенные в сентябре нормы продажи мяса и крупы, а в ноябре сахара и кондитерских изделий не менялись до 1942 года. Суточный же расход этих продуктов все время сокращался. Так, в сентябре среднесуточный расход мяса и мясопродуктов составлял 146 тонн, в октябре — 119, в ноябре — 92, в декабре — 80 тонн. Крупы и макарон в сентябре и октябре — по 220 тонн в сутки, в ноябре — 140, а в декабре — 115 тонн; сахара и кондитерских изделий в сентябре — 202 тонны, в октябре и ноябре — по 140, а в декабре — 104 тонны.

Такое сокращение достигалось ограничением отпуска продуктов в сеть общественного питания сверх норм, причитающихся по карточкам. Например, если в сентябре из 146 тонн общего расхода мяса 50 тонн выделялось в столовые, то есть рабочие получали питание до-

полнительно к пайку, то в декабре отпускалось для этих целей всего 10 тонн для столовых важнейших оборонных предприятий. Такое же положение было и по другим продуктам. По существу, за малым исключением был введен стопроцентный зачет всех продуктов, получаемых в столовых в виде первого или второго блюда; тем самым население лишалось дополнительного источника питания. Пища людей в столовых или в домашних условиях в декабре состояла исключительно из того, что выдавали на карточки. Жители города ежедневно получали только хлеб, остальные продукты отпускались раз в декаду, и то не всегда. Но если считать, что рабочие или служащие получали продукты полностью в пределах установленных норм и равномерно их распределяли на 30 дней, то суточный рацион питания составлял:

у рабочих и инженерно-технических работников—хлеба 250 граммов, жиров 20, мяса и мясопродуктов 50, крупы или макарон 50, сахара и кондитерских изделий 50 граммов. Весь набор продуктов не превышал 450 граммов, или 1087 калорий. Для людей физического труда такой рацион был крайне мал, не говоря уже о пищевой неполноценности пайка;

у служащих — хлеба 125 граммов, жиров 8,3, мяса 26,6, сахара и кондитерских изделий 33,3, крупы или макарон 33,3 — всего 226,5 грамма, или 581 калория;

но еще более голодный паек был у иждивенцев —хлеба 125 граммов, жиров 6,6, мяса 13,2, сахара и кондитерских изделий 26,6, крупы или макарон 20 — всего 191,4 грамма, или 466 калорий. И этим пайком довольствовалась почти одна треть всего населения города;

у детей (до 12 лет) — хлеба 125 граммов, жиров 16,6, мяса 13,2, сахара и кондитерских изделий 40, крупы 40 граммов — всего 234,8 грамма, или 684 калории.

Приведенные данные в калориях являются несколько условными. В декабре, как указывалось выше, мясо отпускали редко, чаще всего его заменяли другими продуктами: яичным порошком, консервами, студнем из бараньих кишок, растительно-кровяными зельцами. Были и такие дни, когда ни мяса, ни жиров население не получало вовсе. Крупу выдавали больше всего перловую, овсяную, горох. Макароны часто заменяли ржаной мукой. Но даже из приведенного расчета видно, что потребность взрослого человека в 3000—3500 калориях в сутки была «забыта».

Более 50% объема пищи в этом голодном рационе занимал хлеб; потребление белков, жиров и витаминов

было катастрофически ничтожно. Наступило тяжкое, мучительное время, и кто его не пережил, тому трудно иметь точное представление о нем. Осажденные с каждым днем все сильнее ощущали дыхание смерти.

Чтобы заполнить пустые желудки, заглушить ни с чем не сравнимые страдания от голода, жители прибегали к различным способам изыскания пищи: охотились на птиц (но вскоре и их не стало), ловили кошек, собак, случайно где-то уцелевших, из домашних аптечек выбирали все, что можно применить в пищу: касторку, вазелин, глицерин; из столярного клея варили суп, студень.

Как уже говорилось, тяжело было детям, перешагнувшим порог одиннадцатилетия. На двенадцатом году жизни детская карточка заменялась иждивенческой. Ребенок становился взрослее, принимал активное участие в обезвреживании зажигательных бомб, брал на свои неокрепшие плечи часть тяжелых работ и забот по дому, помогая родителям, а паек его уменьшался. Лишая себя куска хлеба, родители поддерживали слабые силенки детей, но наносили тяжелые раны своему организму. В неотапливаемых квартирах прочно поселился холод, безжалостно замораживая истощенных людей. В ноябре дистрофия и холод угнали в могилу 11 085 человек. Первыми гибли мужчины преклонных лет. Они в отличие от женщин того же возраста оказались менее стойкими к голоду. Такое явление, по мнению врачей, объясняется большей сопротивляемостью организма женщин к лишениям.

Однако вскоре голод уравнял всех. В декабре смерть косила людей независимо от пола и возраста.

Органы здравоохранения создали широкую сеть лечебных пунктов, где ослабевшим людям делали внутривенное вливание глюкозы, давали немного горячего вина. Эти меры помогали встать на ноги. А дальше? Острый голод давал о себе знать все сильнее, умирали молодые и старые, мужчины и женщины. У людей слабели ноги и руки, немело тело, оцепенение постепенно приближалось к сердцу, и наступал конец.

Смерть настигала людей везде: на улице, передвигаясь, человек падал и больше не поднимался; в квартире — ложился спать и засыпал навеки; часто жизнь обрывалась у станка. Хоронить было трудно, транспорт не работал. Обледеневшие, словно саваном покрытые снегом, стояли трамваи, троллейбусы, автобусы. Вдоль улиц причудливыми нитями свисали оборванные провода, запорошенные пушистым слоем инея. По улицам,

занесенным снегом, вереницей плелись люди и, напрягая последние силы, тянули саночки, на которых лежали покойники.

Я забыть
Никогда не смогу
Скрип саней
На декабрьском снегу.
Тот пронзительный,
Медленный скрип:
Он как стон,
Как рыданье,
Как всхлип...[1]

Мертвых хоронили без гробов — обернутых простыней или одеялом, а позднее просто в одежде, в которой человек умер. Нередко, выбившись из сил, люди оставляли мертвых на полпути.

Работники коммунального хозяйства и здравоохранения, ежедневно объезжая улицы и переулки, подбирали трупы и увозили их на грузовых машинах на Серафимовское, Большеохтинское, Смоленское, Богословское кладбища. Но больше всего увозили мертвых на окраину города, на огромный пустырь рядом со старой Пискаревской дорогой. Так образовалось известное ныне всем Пискаревское кладбище.

Кладбища и подъезды к ним были завалены замерзшими, занесенными снегом телами. Рыть глубоко промерзшую землю не хватало сил. Команды МПВО взрывали землю и во вместительные могилы опускали десятки, а иногда и сотни трупов, не зная имени умерших. Да простят мертвые живым: не могли они в тех ужасных условиях выполнить свой долг до конца.

В декабре от дистрофии умер 52 881 человек, что превысило смертность предшествующего месяца почти в пять раз, и еще больше людей различных возрастов находилось в преддверии смерти. В январе и феврале смертность достигла своего апогея: за эти 60 дней умерло 199 187 человек. Смерть все чаще и чаще вырывала из рядов осажденных товарищей по борьбе, друзей и родных. Острую боль ощущали люди от потери близких. За время блокады умерло от голода 641 803 человека, о чем скорбят все советские люди. Эти печальные данные приведены здесь, чтобы показать ту бездну страданий, которую перенесли ленинградцы. И все же большая смертность не породила отчаяния в народе. Ленинградцы умирали, но как? Они отдавали свою

[1] *Воронов Ю.* Блокада, с. 14.

жизнь как герои, разящие врага до последнего вздоха. Их смерть призывала живых к неукротимой борьбе. И борьба продолжалась с невиданным упорством.

В конце декабря, этого страшного месяца, А. А. Жданова вызвали в Государственный Комитет Обороны с докладом. Погруженный в свои нерадостные думы, Андрей Александрович улетел в Москву. С нетерпением мы ждали его возвращения. Вскоре Жданов вернулся и тут же пригласил к себе членов Военного совета и ряд других руководящих работников. Мы догадывались, что он хочет сообщить что-то важное, и не ошиблись. Жданов рассказал, с каким вниманием члены Государственного Комитета Обороны выслушали его доклад, в котором он подробно изложил положение на фронте, рассказал о поведении ленинградцев, об их решимости отстоять город, о гибели людей от голода и о мерах, принимаемых Военным советом и партийной организацией по завозу продовольствия, а также высказал нужды города и фронта.

— По окончании доклада, — сказал Жданов, — Сталин подошел ко мне, обнял, поцеловал и выразил восхищение мужеством ленинградцев. Он обещал принять все зависящие от правительства дополнительные меры, чтобы ускорить вывоз населения из Ленинграда и оказать всемерную помощь фронту.

Оценка, данная Государственным Комитетом Обороны защитникам Ленинграда, нас порадовала. Разошлись мы поздно в хорошем расположении духа.

То, что в столь сложной обстановке во главе партийной организации Ленинграда стоял авторитетный деятельный руководитель А. А. Жданов, умеющий располагать к себе людей, выслушивать их и быстро реагировать на возникающие вопросы, создавало атмосферу уверенности в работе. Влияние Жданова на окружающих хорошо определил П. С. Попков. Как-то в разговоре он сказал:

— После беседы со Ждановым на душе становится легче, силы прибавляются, хочется работать лучше.

В начале 30-х годов я слышал выступления С. М. Кирова. Ленинградцы любили его за простоту обращения с людьми, твердость в борьбе против троцкистов, зиновьевцев и других оппозиционеров. Неистощимую энергию он отдавал развитию экономики и культуры Ленинградской области. Эту работу продолжил А. А. Жданов, которого ЦК партии направил в Ленинград сразу же после злодейского убийства Сергея Мироновича.

Глубокое уважение Жданова к памяти Кирова возвышало Андрея Александровича в глазах ленинградцев. Он выдвигал на руководящие посты молодежь, поддерживая в ней трудовой энтузиазм, умело направлял кадры на решение крупнейших практических задач.

При подготовке того или иного решения иногда возникали споры. Жданов терпеливо выслушивал ту и другую стороны и тут же принимал решение. Такая оперативность помогала устранять трудности.

Андрей Александрович с присущей ему наблюдательностью умел видеть в сложной ситуации неотложные вопросы, ответы на которые ждет народ.

Так, после захвата Тихвина поступление продовольствия, горючего и многих других жизненно важных грузов в Ленинград стало во много крат труднее и потому резко сократилось. Заводы останавливались один за другим, продовольственный паек катастрофически уменьшался, дома разрушались от вражеских бомб и снарядов, люди мрачнели, чувство беспокойства за судьбу города росло. Враг всеми силами давил на психику осажденных, стремясь вызвать у них чувство страха и парализовать их действия. Обстановка требовала противопоставить фашистам не только нашу оборону, силу оружия и стойкость воинов, но и непреклонную волю всех живущих в городе к борьбе с наступившими лишениями.

— Надо собрать партийный актив, — сказал Жданов Кузнецову, — и объяснить все, как есть, коммунистам.

Актив был собран в зале Смольного. С речью перед собравшимися выступил А. А. Жданов. Он был простужен, голос хриплый, лицо усталое, говорил тихо. Обстановку на фронте он охарактеризовал как тяжелую, но преодолимую.

— Мощь фашистской армии, — говорил он, — слабеет от потерь, наносимых защитниками города. Вместе с тем, — предупреждал докладчик, — население должно знать о бедствиях, которые надвигаются на Ленинград, и что избежать их на какое-то время не удастся.

Русские люди, — продолжал Жданов, — много раз смотрели смерти в глаза, проявляя при этом непоколебимую душевную силу; они и на этот раз не дрогнут, но надо говорить народу правду такой, какая она есть. Надо выстоять критическое время. От самодисциплины, стойкости каждого ленинградца, на каком бы посту он ни работал, зависит приближение нашей победы. Коммунисты должны показать пример. Главная задача

коммунистов, комсомольцев, всего населения — беречь имеющиеся ресурсы, растянуть их на возможно больший срок. Всеми силами бороться за выпуск большего количества снарядов, боевой техники, оружия. Женщины и молодежь должны заменить мужчин на производстве.

А. А. Жданов рассказал о принимаемых Военным советом и городским комитетом партии мерах по завозу продовольствия и других грузов в Ленинград через Ладогу и закончил речь словами:

— Центральный Комитет партии, правительство следят за нашим фронтом и принимают все зависящие от них меры. Недалеко, товарищи, то время, когда вражеская армия будет разбита, обязательно будет разбита [1].

Речь Жданова западала в душу каждого находившегося в зале. Правда была горькой, тяжелой, но она была сказана. Коммунисты расходились по своим местам, разъясняя обстановку населению. Своими активными действиями, самоотверженностью они вселяли уверенность в победе, призывали народ не к пассивному ожиданию помощи извне, а к мобилизации всех сил и средств в осажденном городе. Коварству врага, стремящегося посеять страх среди осажденных, парторганизация противопоставила организованность и сплоченность всех защитников Ленинграда.

Ленинградцы испытывали тяготы блокады, но оставались непреклонными в борьбе. Их духовные силы особенно ярко раскрылись в период наибольшего истощения материальных ресурсов. Никто не роптал, хотя пища к тому времени стала мечтой. Предвидеть приближение смерти, не стараясь себя обмануть, и оставаться верным своему делу — для этого нужна стойкость. Именно ее и проявили ленинградцы.

---

[1] Слова А. А. Жданова приведены по записям автора, принимавшего участие в данном совещании.

ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
(сентябрь 1941 года — январь 1942 года)

1

Ленинград в сентябре стал городом-фронтом: рвались снаряды у порога жилищ, обрушивались дома от бомб. Но при всем ужасе войны ленинградцы сохраняли верность друг другу, проявляли товарищескую взаимопомощь и заботу о тех, кто, лишенный сил, не мог обслуживать себя. Более крепкие люди обходили квартиры, оказывали ослабевшим помощь — выкупали продукты, топили печь, стирали белье. Сирот определяли в детские дома, больных устраивали в больницы. Большую работу в этом направлении провели комсомольская организация, пионеры, школьники. Немало добрых дел сделали они, хотя сами испытывали лишения. В городе поддерживался порядок не только органами власти, но, что самое замечательное, самими гражданами.

В Смольный поступало много писем от рабочих, служащих, ученых, домашних хозяек — словом, от самых различных категорий трудящихся. В письмах выражалась забота об укреплении обороны Ленинграда, предлагались меры к более экономному использованию материалов, к сохранению уникальных зданий, памятников. Простые люди делились своими мыслями, давали советы, как лучше обеспечить санитарные условия в городе. Дров не было, люди терпели лишения, но деревья парков и садов ревностно охранялись.

История осажденного Ленинграда опрокидывает доводы тех авторов, которые утверждают, что под влиянием непреодолимого чувства голода люди теряют нравственные устои. Если бы это было верно, то в блокированном городе, где длительное время голодало 2,5 миллиона человек, царили бы хаос и произвол. Но ленинградцы и в самые трудные голодные дни сохраняли безупречный порядок.

У Гёте есть такие строки:

> Богатство потерять — немного потерять,
> Честь потерять — много потерять,
> Мужество потерять — все потерять.

Эти мудрые слова помогают лучше понять поведение осажденных. Ленинградцы изнемогали от голода и лишений, теряли квартиры, домашние вещи, одежду из-за пожаров, разрывов бомб и снарядов, но чести и мужества не теряли.

Приведу примеры в подтверждение сказанного, они сильнее всяких слов раскрывают поступки осажденных и их образ мышления в дни острого голода.

Зима. Шофер грузовой машины, объезжая сугробы, спешил доставить свежевыпеченный хлеб к открытию магазинов. На углу Расстанной и Лиговки вблизи грузовика разорвался снаряд. Переднюю часть кузова словно косой срезало, буханки хлеба рассыпались по мостовой, шофера убило осколком. Условия для хищения благоприятные, некому и не с кого спросить. Прохожие, заметив, что хлеб никем не охраняется, подняли тревогу, окружили место катастрофы и до тех пор не уходили, пока не приехала другая машина с экспедитором хлебозавода. Буханки были собраны и доставлены в магазины. Голодные люди, охранявшие разбитую машину с хлебом, испытывали неодолимую потребность в еде, однако никто не позволил себе взять и куска хлеба. Кто знает, может быть, многие из них вскоре умерли от голода.

Научные сотрудники Всесоюзного института растениеводства в свое время собрали редкую коллекцию зерновых культур из 118 стран мира. Коллекция (весом несколько тонн) насчитывала более 100 тысяч семян различных видов пшеницы, ржи, кукурузы, риса и многих других культур. Изучение образцов мировой флоры помогало работникам сельского хозяйства решать ряд важных проблем растениеводства.

Война нарушила творческую деятельность института, многие сотрудники ушли на фронт, некоторые погибли от вражеских бомб и снарядов. В водовороте наступивших событий, когда кругом витала смерть, рушились дома, гибли материальные ценности,работники института могли поступить с коллекцией как угодно. И никто не спросил бы с них, если бы семена погибли. Но коллектив, хотя и недосчитывал в своих рядах многих сотрудников, продолжал работать, сообразуясь с обстоятельствами.

С приближением противника к Ленинграду институт подготовил коллекцию к эвакуации, но вывезти ее не удалось: враг блокировал город. Стали размещать зерна в помещении института на специально оборудованных для этой цели стеллажах. Установили круглосуточное дежурство по охране семян от всяких случайностей. В охране принимали участие все без исключения ученые и сотрудники. Десятки зажигательных бомб, упавших на крышу помещения, были обезврежены их руками. Много огорчений и хлопот причиняли крысы. Эти твари проникали в безлюдные помещения, забирались на стеллажи, прогрызали упаковку и пожирали зерна. Но вскоре был найден способ сохранить зерно от нашествия крыс: семена переупаковали в недоступные для грызунов металлические коробки, уложили в штабеля, где они и хранились под наблюдением ученых. В первые три месяца блокады борьба велась главным образом с бомбами, крысами и отдельными вылазками мародеров, но вскоре пришел новый страшный враг — голод.

В декабре многие ученые, сотрудники не могли подняться с кровати, их работу взвалили на свои плечи те, кто еще мог передвигаться. В один из морозных дней этого ужасного месяца работники института услышали печальную весть: их товарищ агрометеоролог А. Я. Молибога сгорел во время пожара у себя дома. Он настолько ослаб от голода, что не мог выбраться из охваченного огнем помещения. После его трагической смерти вскоре умерли от истощения доктор биологических наук С. А. Эгис и старший научный сотрудник Д. С. Иванов, а вслед за ними по той же причине ушло в могилу еще 28 работников института.

Эти люди до последнего вздоха интересовались коллекцией, и, когда им говорили, что она цела и ее оберегают, их потухающие глаза на миг озарялись блеском, на изможденных лицах появлялась улыбка. Жизнь этих людей была посвящена науке, и сознание того, что они честно выполнили свой долг, наполняло их светлым, радостным чувством, и с этим чувством они уходили в вечность.

Оставшаяся в живых маленькая группа научных сотрудников во главе с директором института И. Г. Эйхфельдом продолжала сохранять твердость своих намерений — сберечь, во что бы то ни стало сберечь коллекцию. Едва передвигая ноги, они каждый день приходили в институт и несли службу. Теперь судьба коллекции зависела от выдержки этой небольшой группы

истощенных людей. Быть у хлеба, беречь его во имя будущих урожаев и медленно умирать от голода — нечеловеческая пытка. И все же из этой бездны страданий они вышли победителями.

Коллекция зерновых культур, созданная многолетним трудом Н. И. Вавилова и других ученых, была сохранена[1].

Самоотверженных поступков, проявленных большими и малыми коллективами, отдельными лицами, было великое множество.

В декабре и январе мне приходилось быть в квартирах рабочих, учителей, служащих, и везде я видел одну и ту же картину. Полумрак, холод, ни одного лишнего движения. Несколько позже в одной из таких квартир одинокая, больная женщина рассказала о своей жизни. Говорила она тихо, иногда умолкала, в эти минуты ее глаза становились еще темнее и печальнее. Рассказ Татьяны Николаевны Бушаловой я хорошо запомнил, привожу его почти дословно.

— В январе я стала слабеть от голода, больше лежала. Мой муж Михаил Кузьмич работал бухгалтером в строительном тресте. Он был тоже плох, но все же каждый день ходил на службу. По дороге он заходил в магазин, получал на свою и мою карточки хлеб и поздно вечером возвращался домой. Хлеб я делила на три части, и в определенное время мы съедали по кусочку, запивая чаем. Воду согревали на «буржуйке», по очереди жгли стулья, шкаф, книги. С нетерпением я ждала вечернего часа, когда муж приходил с работы. Снимала с него одежду и укладывала в кровать. Миша тихо рассказывал, кто умер из наших знакомых, кто болен, можно ли что обменять из вещей на хлеб. Незаметно я подкладывала ему кусочек хлеба побольше; если он замечал, то очень сердился и отказывался совсем есть, считая, что я ущемляю себя. Мы сопротивлялись, как могли, наступающей смерти. Человек, видно, так устроен, что долго может переносить лишения. Но всему приходит конец. И он наступил. 11 января Миша не вернулся домой. Не находя себе места, я всю ночь прожда-

[1] После окончания войны в лондонском журнале «Природа» была опубликована статья Дарлингтона, в которой автор сообщал, что знаменитая мировая коллекция семян, собранная Всесоюзным институтом растениеводства, была съедена голодными людьми во время блокады Ленинграда. Читатель сам даст оценку подобному вымыслу.

ла его, а на рассвете попросила соседку по квартире Екатерину Яковлевну Малинину помочь мне найти Мишу.

Соседка работала на табачной фабрике на Васильевском острове, ходить ей было далеко, к тому же она тоже заметно ослабела. Но мне не к кому больше было обратиться. Узнав о случившемся, Катюша сразу же согласилась помочь мне. Мы взяли саночки и пошли по маршруту мужа. Часто останавливались, отдыхали, силы слабели с каждым часом. На Мытнинской улице у одного большого дома мы увидели много трупов: сюда свозили умерших с прилегающих улиц, переулков, дворов. Осмотрев занесенных снегом покойников, мы двинулись дальше.

После долгих исканий мы нашли Михаила Кузьмича на Лиговской улице во дворе старого дома. В бесформенной груде трупов я увидела Мишу, скорее узнала по пальто и связанному мною шарфу. Все во мне окаменело, плакать не могла, опустилась на колени и припала к мерзлому телу мужа. Долго не могла подняться. Мне сказали, что Михаила Кузьмича нашли мертвым на тротуаре. На руке у него были часы, а в кармане двести рублей. «А карточки?» — спросила я. Карточек не нашли. Где и как они пропали, неизвестно.

Усадила меня Катюша в саночки и повезла к дому. Я ничего не замечала. Перед глазами неотступно стоял Миша, а сердце точила боль. Как попала домой, сколько пролежала без сознания, не помню, но когда пришла в себя, то увидела сидящую у моих ног соседку Катюшу. Она ухаживала за мной, свой паек делила пополам, а ведь я ей чужой человек. Только ее глубокая человечность вернула меня к жизни.

А вот что рассказал в другом доме подросток Алеша Глушков:

— Мы жили до сентября в Кировском районе. Когда фронт подошел совсем близко, нас переселили на улицу Шамшева, на уплотнение. В январе умер отец, а через несколько дней скончалась и мать от голода. Я остался с братом Павликом. Он был послабее, и в магазин ходил я.

Как-то утром по радио передали, что на детей будут выдавать сушеные овощи, а денег у нас не было, и я решил продать морской бушлат отцовский, который до этого сам носил поверх пальто. На рынке ко мне подошел мужчина. Помню одно: бородка рыжая, клинцом, сам худой, вроде чемоданчик был в руке. Продал я,

значит, бушлат, иду в магазин, возле кассы спохватился, даже в грудь ударило от мысли: карточки-то остались в бушлате. Я бегом на рынок, а рыжей бородки и след простыл. Пришел домой и рассказал все Павлику, оба долго, горько плакали, так в слезах и спать легли. Утром рано слышим стук в дверь, входит мужчина с рыжей бородкой. Я сперва подумал, что от голода мерещится.

— Бушлат на рынке ты, сынок, продал? — спросил он.

Тут я понял, что это не сон, и разрыдался. А разыскал нас этот человек потому, что на карточках в то время писали адрес. От радости мы и спасибо не сказали. Не знаю, жив ли тот человек, но в моей душе он живет.

Конечно, в таком большом городе не обошлось и без уродов. Если абсолютное большинство людей стойко переносили лишения, продолжая честно трудиться, то находились и такие людишки, поступки которых не могли не вызывать омерзения. Голод обнажал подлинную сущность каждого человека. На поверхность всплывали, как масляные пятна на чистой воде, эгоисты, мародеры. Эти нравственные уроды не брезговали ничем. Заведующая магазином Смольнинской райхлебконторы Акконен и ее помощница Среднева обвешивали людей при отпуске хлеба, а ворованный хлеб обменивали на антикварные вещи. Ослепленные наживой, они забывали, что находятся хотя и в окруженном лютыми врагами, но в советском городе, где хранят и чтут законы революции. По приговору суда обе преступницы были расстреляны. Поддержание в осажденном городе порядка, законности и дисциплины было естественной необходимостью.

Встречались и враждебно настроенные лица, они пытались вызвать недовольство населения, используя в этих целях продовольственные трудности. Так, на одной из тихих улиц Володарского района вечером в булочную вошел плотного сложения мужчина. Внимательно осмотрев находившихся в магазине покупателей и двух продавцов-женщин, он неожиданно вскочил за прилавок и начал выбрасывать буханки хлеба в зал магазина, выкрикивая: «Берите, нас хотят уморить голодом, не поддавайтесь уговорам, требуйте хлеба!»

Заметив, что буханки никто не берет и поддержки его слова не находят, неизвестный оттолкнул продавщицу и бросился к двери, но уйти ему не удалось. На-

ходившиеся в магазине люди бросились на провокатора, задержали его и передали органам власти.

Блокада затронула миллионы людей. Каждому ленинградцу смерть заглядывала в глаза. Мало среди них осталось таких, кто в борьбе не потерял родного или близкого человека, но никто не роптал и не жаловался, что жизнь обошлась с ним сурово. У осажденных с полной силой раскрылся характер русского человека, умеющего терпеть лишения и упорно добиваться победы.

Все театральные коллективы были эвакуированы в глубь страны, а Театр музыкальной комедии остался. Ленинградцы посещали театр, слушая музыку, шутки, на какое-то время освобождались от бремени тяжелых дум.

Фантастическая картина встает перед глазами. Декабрь. На улице мороз 25 градусов. В неотапливаемом помещении театра ненамного теплее, и все же зал полон народа, все в верхней одежде, многие пожилые люди в валенках. В три часа дня начался спектакль. Шла оперетта «Роз-Мари». Послушать эту музыкальную комедию пришли Попков, Лазутин и я. Артисты играли в легких костюмах. Лица острые, бледные, но улыбающиеся, а балерины настолько худенькие, что казалось, вот-вот они переломятся в танце. В антрактах у наиболее ослабевших исполнителей наступало обморочное состояние, но воля побеждала: они вставали и продолжали играть.

Редко какой спектакль проходил без помех: в разгар действия врывались пронзительные звуки сирен, предупреждающие об опасности. В таких случаях объявлялся перерыв, публику выводили из театра в бомбоубежище. А артисты в гриме и костюмах, вооруженные клещами для сбрасывания зажигательных бомб, взбирались на крыши и становились на вышки дежурить. После отбоя зрители заполняли зал, а артисты, спустившись с крыш, продолжали прерванную игру.

В антракте к нам в ложу пришла делегация из четырех или пяти артистов. Они были в гриме и костюмах, в которых играли на сцене.

— Мы,— обратясь к нам, сказал известный солист И. В. Кедров,— просим не осуждать нас за вторжение. Коллектив поручил нам обратиться с просьбой не засчитывать в счет нормы, полагающейся по карточке, дрожжевой суп, что нам дают на обед.

Исхудалые лица артистов и глаза говорили больше, чем слова, как им это необходимо. Мы обещали удовлетворить их просьбу (что и было сделано).

Когда артисты ушли, Попков проговорил:

— До чего же, черт возьми, обидно: артисты отдают все силы любимому делу — искусству, радуют людей игрой, а мы вынуждены засчитывать в карточку суп, который в обычное время никто не стал бы есть.

Почему-то в послевоенной литературе очень мало говорится об этом театре, об артистах, которые в самое тяжелое время доставляли истинное наслаждение своей игрой осажденным. А ведь их преданность своему долгу заслуживает того, чтобы их поименно представить читателям, интересующимся историей блокадного Ленинграда. Конечно, могут сказать и так: а зачем выделять эту группу? Все люди в Ленинграде голодали и работали до последнего вздоха. Но согласись, читатель, что играть на сцене, петь, танцевать — веселить других и в то же время испытывать муки голода,— это далеко не каждому дано. Это почти подвиг, который требует особых душевных сил.

По окончании спектакля публика в знак благодарности встала и молча приветствовала исполнителей, аплодировать не хватало сил. Ленинградцы дорожили артистами и понимали, какой ценой, каким предельным напряжением воли они дарили им радость и вызывали забытый смех.

2

Жизнь в осажденном городе шла своим чередом.

Воины на переднем крае изматывали врага беспрерывными боями, и сами при этом несли немалые потери. Госпитали переполнялись ранеными, а условия для их выздоровления по сравнению с начальным периодом блокады значительно ухудшились. Палаты стали полутемными, выбитые стекла заменили фанерой. Водопровод не работал, электроэнергия из-за недостатка топлива подавалась с перебоями. Обстрелы и холода дополняли эту безотрадную картину. Но и в этих условиях медицинские работники своим уходом, своевременной помощью, хирургическим вмешательством достигали высоких результатов. Они нередко спасали жизнь людям, находившимся на волоске от смерти. Большинство раненых, восстановив силы, поправившись от ран, возвращались в строй. Обстрелянные, побывавшие в боях воины были очень нужны на фронте. Их опыт помогал молодым бойцам бить врага. Стремясь как можно быстрее восстановить силы раненых и боль-

ных, Военный совет принял решение выдавать дополнительно к основному пайку на человека в сутки: яичного порошка — 20 граммов, какао в порошке — 5, сушеных грибов — 2 грамма. Все, чем располагали осажденные, в первую очередь отдавалось раненым.

Препятствием к выздоровлению, а временами и сохранению жизни раненых был недостаток крови для переливания. Желающих дать кровь было много, но с переходом на голодную норму питания доноры теряли силы и не могли давать кровь без ущерба для своего здоровья. «Нужно при всех трудностях поддерживать доноров питанием»,— говорил Жданов. С 9 декабря для лиц, дающих кровь, были установлены специальные нормы. К обычному пайку (рабочей карточке) добавляли: 200 граммов хлеба, 30 — жиров, 40 — мяса, 25 — сахара, 30 — кондитерских изделий, 30 — крупы, 25 граммов консервированной рыбы, пол-яйца на день. Такое питание в какой-то мере поддерживало доноров.

Ученые, отказавшиеся в свое время эвакуироваться, в черную пору блокады переносили лишения, как и все граждане. Многие из них, особенно преклонного возраста, не выдерживали голода. Узнав об этом, А. А. Жданов попросил дать ему список ученых. Рассмотрев его, он направил список в городской отдел торговли с указанием выделять ученым дополнительно к пайку продукты с таким расчетом, чтобы они могли сохранить здоровье.

Работающим на торфоразработках и лесозаготовках установили норму 375 граммов хлеба в сутки — на 125 граммов больше, чем на карточку рабочего. Лесорубы — а это были женщины и молодежь, почти все, впервые державшие в руках топор и пилу,— поддерживали жизнь важнейших предприятий, хлебозаводов, столовых, давали возможность понемногу отапливать больницы, госпитали. Работая по пояс в снегу, на морозе, они нуждались в другом пайке, несравненно большем и лучшем, но, увы, такой возможности не было.

Заготовляемых дров едва-едва хватало для самых неотложных нужд. Жилые дома оставались без отопления. Чтобы согреть воду, ленинградцы жгли мебель, книги, заборы, деревянные дома. Особенно много разобрали и сожгли домов для отопления квартир и общежитий на Охте. Разобрали деревянные трибуны стадионов, часть деревянных построек в парках, а также популярные в народе «американские горы», но все это сгорало быстро, как фейерверк. Когда дома обеспече-

ны топливом и жизнь идет в обычном установившемся ритме, то кажется, что немного надо, сущие пустяки, два-три полена, чтобы вскипятить воду, приготовить обед. Горожанин не задумывается, сколько же нужно топлива для такого города, как Ленинград. А требовалось для его вместительного чрева — 120 поездов дров ежедневно, чтобы хотя бы немного поддерживать деятельность городского хозяйства. Ему же доставалось всего три-четыре маршрута дров в день, больше дать топлива не могли ни по запасам леса и торфа, ни по пропускной способности обрубленных блокадой железных дорог. Никакие заборы, деревянные дома, сараи и мебель не могли заменить даже в малой степени недостающие дрова и спасти людей от холода. Дома оставались без света, без воды, без отопления, они, как изваяния, наблюдали человеческую драму, страдания людей и их жажду к жизни. Если воду жители города с трудом, но доставляли к себе в жилище, с большими усилиями преодолевая обледеневшие ступеньки крутых лестниц, то кипяток для них был неразрешимой проблемой. Отсутствие горячей воды причиняло ленинградцам огромные страдания. В декабре городской исполнительный комитет открыл общественные пункты по отпуску кипятка при столовых, больших жилых домах и на улицах. Сколько эта мера принесла радости людям, описать трудно!

Очень тяжелыми были условия для выпуска газет и подготовки радиопередач. Однако жители и воины всегда были информированы о жизни страны. Журналисты, писатели, музыканты, художники несли тяготы блокады, как и все остальные. Они мерзли и недоедали, но самоотверженно делали свое дело. «Выстоять!» — это был всенародный лозунг того грозного времени. Лишь один раз за все время блокады не вышла в свет «Ленинградская правда», и то не по вине коллектива редакции, а потому, что не было электроэнергии и типография не могла отпечатать газету (в январе 1942 года). Коллектив газеты «Ленинградская правда», во главе которого стояли опытные редакторы — вначале П. В. Золотухин, а позднее Н. Д. Шумилов,— сумел объединить вокруг газеты писателей, публицистов, художников, ученых. Публикуя их рассказы, стихи, очерки, статьи, газета поддерживала непреклонность духа ленинградцев, звала их на трудовой и ратный подвиг.

В суровые дни блокады было усилено внимание к

руководству печатью. Секретари обкома и горкома партии, ведающие вопросами пропаганды и агитации, были постоянно связаны с редакцией газеты. В Смольном часто рассматривали наиболее важные статьи выходящего номера газеты, стремясь сделать их политически острыми, набатными, зовущими к борьбе. Такие передовые статьи, как «Враг у ворот» — 16 сентября 1941 года и «Безжалостно истреблять фашистское зверье!» — 30 октября того же года, вызвавшие большой резонанс в стране, писались при участии Жданова и Кузнецова. Ленинградцы любили свою газету, верили ей.

Позднее Н. Д. Шумилов в книге «В дни блокады»[1] показал роль «Ленинградской правды» в годы войны. Опираясь на опубликованные статьи, он воссоздает важнейшие события, происходившие в жизни осажденного города. Нельзя без волнения читать приведенные выдержки из газеты.

Так, в статье писателя Александра Фадеева, опубликованной 19 июня 1942 года, приведены следующие строки:

«Женщины Ленинграда! Найдутся ли когда-нибудь слова, способные передать все величие их труда, их преданности Родине, городу, армии, семье, их безмерную отвагу!..

Они у станка на заводе, у постели раненого бойца, на наблюдательной вышке, в райкоме, в школе, в детском доме и яслях, за рулем машины, в торфяном шурфе, на заготовке дров, на разгрузке барж. Они в форме милиционера, бойца ПВО, железнодорожника, военного врача, телеграфиста. Ее голос слышен по радио, ее руками возделаны огороды по всем окрестностям Ленинграда, в садах, скверах, на пустырях. Она охраняет целостность и чистоту зданий, она воспитывает сирот, она несет на своих плечах всю тяжесть быта семьи в осажденном городе. И она озаряет своей улыбкой всю жизнь Ленинграда, как солнечным лучом».

Александр Александрович Фадеев, с присущим ему даром художника слова, ярко показал роль женщины в осажденном городе, не допустив при этом и малейшего отступления от правды. Мне приходилось сталкиваться с непреодолимой действительностью быта ленинградцев. Все люди испытывали тяжесть блокады, но на долю женщин выпало неизмеримо больше труд-

---

[1] *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. М.: Мысль, 1974

ностей. Женщины работали на производстве, где заменяли мужчин, призванных на военную службу, и вели домашнее хозяйство. Скудные нормы получаемых продуктов они строго распределяли по дням и в течение дня — по часам. Чтобы не заморозить детей, они с большими трудностями доставляли дрова, бережно расходуя каждое полено. Из ближайших рек ведрами таскали воду. Стирали белье при тусклом свете коптилки, чинили одежду себе и детям. На швейной фабрике одна из работниц, говоря о детях, сказала:

— Я от недоедания испытываю слабость и все же как-то ее преодолеваю, а вот смотреть на голодающих детей, а их у меня трое, и чувствовать свою полную беспомощность — нет ничего ужаснее. Они ждут хлеба. А где его взять? Я бы отдала свое праздничное пальто за килограмм хлеба. Да разве обменяешь? Все испытывают то же самое, что и я.

Больно было слышать то, что сказала женщина, но заботу о детях, о доме никто не в силах был снять с матери в тех непостижимых условиях. Под тяжестью переживаний, какие принесла блокада, в условиях двойной нагрузки — на производстве и дома — немало женщин подорвали свое здоровье. Но воля к жизни, стремление выстоять, сохранить детей, помогли им преодолеть все испытания, выпавшие на их долю.

Самоотверженно работала интеллигенция города. Она была связана одной судьбой со всем народом. Многие имена этой славной группы населения прочно вошли в историю борьбы осажденного города: Д. Д. Шостакович, В. А. Серов, В. В. Вишневский, Н. С. Тихонов, О. Ф. Берггольц, М. А. Дудин, В. К. Кетлинская, А. Г. Розен, А. А. Прокофьев, В. М. Инбер — каждый на своем посту выполнял долг патриота. Мастера культуры в стихах, музыке, художественном слове, картинах не только отражали жизнь ленинградцев, но и поднимали их дух. Они воспевали мужество, преодолевающее лишения, они видели в народе несокрушимую волю к победе и сами всей душой стремились к ней.

Очень помогало ленинградцам в их нерадостной жизни радио. Оно было всем на свете — информацией о положении на фронтах, о событиях в городе, трибуной выступлений, концертным залом. Люди слушали музыку, стихи, чтение художественных произведений и были благодарны поэтам, писателям, музыкантам за их труд. Ведь тогда многие жители не имели условий читать, в домах было темно и холодно.

Даже если радио не говорило, а только стучал метроном — и то было легче: это означало, что город жив, сердце его бьется.

Широко известен и такой факт: эпидемий в блокадном Ленинграде не было. Более того, инфекционные заболевания в декабре 1941 года уменьшились по сравнению с тем же месяцем 1940 года. Так, если в декабре 1940 года насчитывалось 4013 случаев заболевания брюшным тифом, дизентерией, скарлатиной и дифтерией, то в декабре 1941 года — лишь 2196 случаев таких заболеваний [1].

Почему при остром голоде, недостатке горячей воды, холоде не было эпидемий? Говорят, что одни неблагоприятные для организма человека факторы могут устранять другие. Но, конечно, первостепенное значение имели действия противоэпидемической службы и медицинских работников города совместно с медиками Ленфронта и КБФ. Ни на один день не прекращал работу институт имени Пастера — своеобразный противоэпидемический штаб города. Здесь в тяжелых условиях блокады голодные люди сумели сохранить лабораторных животных для исследований и выпуска необходимых препаратов.

Весна 1942 года несла опасность возникновения очагов инфекции, так как улицы Ленинграда были покрыты толстым слоем льда и снега, канализационные люки забиты мусором, во дворах, подвалах, чердаках скопились нечистоты. Городские власти обратились к населению с призывом очистить город от грязи и мусора. В ответ на этот призыв с конца марта и до середины апреля ежедневно выходило на очистку около 300 тысяч человек с кирками, лопатами, ломами. Их усилиями были убраны многие тысячи дворов, чердаков, улиц — словом, устранены очаги возможных инфекций.

Жители города были слабы. Они самоотверженно выполнили и эти дополнительные общественные обязанности, необходимые в общежитии граждан.

3

Борьбе ленинградцев за время осады города посвящено много книг, научных трудов, статей, кинокартин как у нас в стране, так и за рубежом. И это понятно: лю-

[1] Из отчета Ленгорздравотдела от 5 января 1942 года.

ди хотят знать истоки их стойкости в борьбе с лютым врагом при защите города.

К сожалению, в некоторых книгах зарубежных авторов допущен вымысел и даже злая клевета на осажденных.

Так, американский историк Леон Гуре в своей объемистой книге «Осада Ленинграда», вышедшей в свет в 1961 году, пишет много о жизни города, о поведении людей. Причем он делает много ссылок на советских авторов, без смущения чередуя правду с ложью. Гуре утверждает, что население Ленинграда во время блокады работало, но только затем, чтобы получить продовольственную карточку. Дисциплина и порядок в городе соблюдались, но из страха перед властями. В Ленинграде находились люди, готовые сдаться немцам, хотя они и не представляли собой большинства. Ленинград выстоял только потому, что населению некуда было податься: все дороги были перерезаны и им оставался один выход — «быть или не быть», но если бы жители имели возможность выбраться из города, то большинство убежало бы из него. Так ли это?

В июле — августе 1941 года железнодорожные, водные пути, шоссейные и грунтовые дороги, авиалинии были открыты, и все, кто желал, мог свободно выехать. Более того, органы власти проводили работу среди населения, предлагая выехать из Ленинграда, предоставляя транспорт, указывали города, куда можно переехать, получить работу и жилье, но желающих оказалось мало, о чем приходится сожалеть. В интересах обороны крайне необходимо было эвакуировать значительную часть населения, особенно детей, женщин, больных, стариков, но по изложенным выше причинам не удалось этого сделать полностью. Но это только одна сторона дела. Другая и главная состоит в том, как вели себя люди, оставшиеся в городе. Можно остаться и вести себя безразлично ко всему окружающему, трепетать перед угрозой вторжения врага, уклоняться от общественных работ. Ничего подобного в Ленинграде не было. Все население отлично понимало обстановку, и каждый человек старался быть полезным и сделать то, что было в его силах.

Зачем Гуре понадобились такие утверждения? Цель одна: показать, что борьба советских людей с лютым врагом не есть следствие преданности их своему строю и морально-политической сплоченности, а результат насилия властей над ними.

«Шедевры» Леона Гуре вызвали возражения даже в той же Америке. Обозреватель Карл Дрейер пишет, что пример Ленинграда свидетельствует о неизмеримом моральном превосходстве советского общества, проникнутого духом коллективизма и взаимопомощи, перед американским обществом с его индивидуализмом и стремлением к наживе. В условиях тяжелых испытаний это превосходство сказалось решающим образом[1].

В США вышла в 1969 году в свет книга Г. Солсбери «900 дней в осаде»[2]. Из книги видно, что автор уделил много времени изучению советской и других стран мира литературе, посвященной Великой Отечественной войне, и в особенности блокаде Ленинграда. Его перу принадлежит статья, опубликованная в газете «Нью-Йорк таймс бук ревью» в мае 1962 года, в которой о борьбе защитников Ленинграда сказано так: «Это была величайшая и самая длительная осада, какую когда-либо переживал современный город. Это был период тяжелейших испытаний, страданий и героизма, доходивших до высот трагизма и мужества, почти недоступного нашему пониманию».

Верно и объективно сказано. Но вот в упомянутой книге в ряде глав автор приводит рассказы разных лиц, ничего общего не имеющие с подлинной жизнью и борьбой осажденных,— рассказы, в которые, по словам самого же Солсбери, он и сам не верит, но все же излагает. Стремление к сенсации оказалось сильнее чувства правдивости.

В книге приведено множество фактов из жизни осажденных, в ряде мест они описаны правдиво. В то же время автор высказывает мысль, что между Ворошиловым и Ждановым, с одной стороны, и Сталиным — с другой, не было единства в вопросах обороны города, и это привело к длительной его осаде. Подтверждения столь сенсационного вывода он не приводит, да и не может привести, так как это сплошной вымысел.

К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов и другие члены Военного совета относились к Сталину с искренним уважением, а его указания старались выполнить быстро и точно, хотя не всегда могли это сделать по обстоятельствам, от них не зависящим. В свою очередь, И. В. Сталин, хотя и предъявлял к ним строгие, порой даже жесткие требования, верил им и помогал как только

---

[1] См.: Журнал «Нейшн», 1963, март.
[2] *Солсбери Г.* 900 дней в осаде. Нью-Йорк, 1969.

мог. По его приказу в критические для Ленинграда дни в зоне Северной железной дороги была сосредоточена группа войск под командованием генерала армии Мерецкова с задачей разгромить войска противника и освободить Тихвин. И эта задача в начале декабря сорок первого года была выполнена. Без преувеличения можно сказать, что возвращение Северной железной дороги до станции Мга спасло от голодной смерти многие тысячи людей. Можно привести ряд других фактов, подтверждающих, что Верховное Главнокомандование принимало энергичные меры для прорыва блокады и помощи осажденным. Но в этом нет необходимости: они подробно освещены в советской исторической литературе.

Солсбери пишет: «История исправлена на советский лад. Жертвы Ленинграда были преуменьшены, количество погибших сведено до минимума. Через несколько лет было сделано все, чтобы забыть многое из того, что произошло во время осады Ленинграда».

Что именно забыто и что исправлено, автор не говорит. А вот число погибших от голода он приводит не 641 803 человека, а более одного миллиона. Эту же мысль, что якобы Советское правительство занизило смертность жителей Ленинграда за время блокады, проводят и другие западные журналисты. Упомянутый выше А. Верт, ссылаясь на слова не указанного им композитора в Ленинграде, называет число погибших от голода — 900 тысяч. Л. Гуре, опираясь на немецкие (ФРГ) источники, сообщает, что умерло от голода в Ленинграде два миллиона человек, но тут же, усомнившись в этом, добавляет, что, вероятнее всего, умерло около одного миллиона.

Почему же так настойчиво западные историки, писатели приводят более высокие цифры смертности, чем было на самом деле? Их цель — преувеличить потери, понесенные защитниками Ленинграда, принизить их подвиг. Гуре так и пишет: «Где же герои, если население почти все вымерло?»

Можно бы на эти высказывания и не обращать внимания, так как их авторы вопреки действительности приводят вымысел. Советский читатель, зная подлинное положение дел, легко отличает фальшь от правды. Другое дело — зарубежный читатель, он далеко не всегда может это сделать. В подтверждение сказанного приведу такой факт.

Английский кинорежиссер М. Дарлаву, подготавли-

вая фильм для английского телевидения о блокадных днях Ленинграда, прочитал много книг на эту тему зарубежных и советских авторов. В них он обнаружил различные толкования некоторых фактов, важных для его кинокартины. И чтобы не впасть в ошибку, как он сказал, решил обратиться ко мне как к участнику событий того времени за разъяснением.

Вот его вопросы:

— Верно ли, что в хлеб примешивали опилки, древесную кору и другие несъедобные примеси?

— Был ли обеспечен порядок в выдаче продуктов населению и был ли он справедливым?

— Страх перед властями или что-то другое понуждало голодных людей работать?

— В некоторых книгах говорится, что в Ленинграде было большое число грабителей, убийц, мародеров. В других книгах утверждается обратное. Чему верить?

— Могли ли фашисты захватить Ленинград, не будь ошибок со стороны немецкого верховного главнокомандования?

Я здесь не привожу ответы, данные мною на поставленные вопросы, только потому, что не хочу повторяться. В книге подробно сказано обо всем этом. Вопросы же М. Дарлаву я привел для того, чтобы показать, как затуманивают голову читателям фальсификаторы истории. Даже образованному, мыслящему человеку трудно разобраться, где у них правда, а где ложь.

По «трудам» некоторых западных авторов оказывается, что немцы могли взять Ленинград, не будь ошибочных решений Гитлера. Американский историк Гуре, который уже упоминался мною, так и пишет: «Гитлер спас Ленинград»[1]. Вот до какой фальши доходят клеветники, чтобы принизить подвиг осажденных. Но истина останется истиной, против нее бессильны предубеждения, злоба, клевета.

В зарубежной печати нередко встречаешь и такие утверждения: Лондон находился в более тяжелом положении, чем Ленинград, от немецких бомбардировок в этом городе погибло людей больше, чем в Ленинграде.

То, что от воздушных налетов в английской столице погибло много мирных жителей, это верно. И все же Ленинград и Лондон несопоставимы по числу жертв и по перенесенным их жителями невзгодам. Голод в осажденном Ленинграде был ужаснее любых бомбар-

[1] *Гуре Леон.* Осада Ленинграда. 1961, с. 89.

дировок и артобстрелов. Именно этот враг погубил сотни тысяч ленинградцев, чего не было в Лондоне и ни в каком другом городе.

А теперь, читатель, вернемся к осени 1941 года. В блокированном Ленинграде голод терзал людей. Все жили надеждой: вот-вот установится зимняя дорога и завезут продовольствие. Еще немного, и будет хлеб. Но, как назло, озеро не замерзало. Томительно тянулись дни ожидания. Проезжая по улицам города, держа путь на побережье Ладоги, я видел стоящих в очередях у магазинов исхудавших женщин, подростков, пожилых мужчин. Моросил дождь, с моря дул холодный сырой ветер, пронизывая людей до костей, но никто не покидал очереди.

Голод был мучительней всех других страданий. Возникала мысль: долго ли будут продолжаться мучения? Где предел человеческой выносливости? Дать ответ на эти вопросы даже самому себе я не мог. Время было тяжелое, грозное, голодное, требовались выдержка и терпение. А главное — сохранять надежду. Из пережитого могу подтвердить: тысячу раз прав писатель, сказавший, что ни один врач не знает такого лекарства для усталого тела и измученной души, как надежда. Лишись надежды, потеряй веру в лучшее,— и катастрофа тебя постигнет неизбежно.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА
(ноябрь 1941 года — февраль 1942 года)

1

В начале ноября А. А. Жданов затребовал материалы о сроках замерзания Ладожского озера и о состоянии льда зимой. Он и другие руководители обороны города знали, что жизнь осажденных зависит от завоза продовольствия по единственному сохранившемуся пути через озеро.

Никогда прежде, до этого времени, автомашины, да еще с грузом, не переезжали по льду с восточного берега на западный и обратно. Надо было установить: когда и при какой температуре воздуха замерзает озеро, какая его часть покрывается льдом быстрее, ломается ли лед от зимних штормов, где всего лучше проложить ледовую дорогу.

Утешительного в полученных материалах было мало. Оказывается, озеро в ряде мест нередко не замерзало совсем или покрывалось тонким льдом, который при штормах ломался. Из многолетних наблюдений и данных специалистов можно было сделать вывод, что толщина льда на Ладоге нарастает в следующей зависимости от средней температуры воздуха и времени замерзания:

Толщина льда, мм	При −5°	При −10°	При −15°
100	2,7 суток	1,4 суток	0,9 суток
150	6 „	3 „	2,1 „
200	11 „	5,5 „	3,6 „
300	24 „	12,3 „	8,2 „

При перевозке грузов толщина льда должна быть (мм):
для прохождения лошади без груза 100
для прохождения лошади с тонной груза в санях 180
для прохождения машины с тонной груза в кузове . . . 200

Обращаясь к начальнику тыла фронта Ф. Н. Лагунову, Жданов потребовал своевременно подготовить все необходимое для завоза грузов по льду. Были организованы ежедневное наблюдение за погодой на озере, разведка участков, где появлялся и нарастал лед.

Перевалило на вторую половину ноября. С невысокого пологого берега Ладожского озера, где приютилась занесенная снегом рыбацкая деревня Коккорево, виднелась далеко простирающаяся снежная равнина озера, обрывающаяся на северо-востоке темной полосой воды. Зато на юго-востоке, южнее Осиновца, этой преграждающей путь пучины не было видно. До самого горизонта блестел лед. Пешеходы-разведчики, принимая меры предосторожности, при помощи опытных рыбаков-старожилов стали перебираться с западного берега на восточный, измеряя толщину льда и намечая вехи будущей трассы.

К 17 ноября толщина льда достигла 100 миллиметров, что было, к нашему огорчению, недостаточно для открытия движения. Все с нетерпением ждали морозов.

Конный транспорт, машины, тракторы были подготовлены к перевозкам грузов. По нескольку раз в сутки работники дорожной службы в различных частях озера измеряли толщину льда, но были бессильны ускорить ее нарастание.

В эти критические дни начальник тыла фронта Ф. Н. Лагунов часто выезжал на Ладогу, проверял готовность автоколонн к переходу на восточный берег озера.

Утром 18 ноября подул желанный северный ветер; к концу дня температура воздуха понизилась до —12 градусов.

На другой день Лагунов, хотя и располагал информацией разведывательной группы о состоянии льда на озере, решил сам проехать по трассе на машине. Лед на протяжении 30 километров был неровный, местами встречались полыньи и трещины. Не считаясь с риском, он упорно продвигался вперед, помечая в блокноте, где можно объехать опасные места.

Вот и восточный берег. Отдав нужные распоряжения, Лагунов возвратился в Ленинград. Радостный, возбужденный, он доложил Военному совету фронта, что движение по льду можно открыть, но сначала для осторожности следует пустить конные обозы, а затем машины. Так и было сделано.

20 ноября толщина льда достигла 180 миллиметров. На лед вышли конные обозы. Изнуренные лошади на обратном пути едва шли, некоторые падали и подняться не могли; таких лошадей прирезали и тут же на льду рубили на части и отправляли мясо в город.

22 ноября наступил тот долгожданный день, когда на лед вышли машины. Соблюдая интервалы, на небольшой скорости, по следу лошадей они покатились одна за другой за долгожданным грузом.

Казалось, что теперь самое страшное осталось позади, можно вздохнуть более свободно. Но жизнь опрокинула наши расчеты и надежды на скорое улучшение питания населения.

22 ноября колонна вернулась, доставив 33 тонны продовольствия. На следующие сутки завезли только 19 тонн. Столь незначительное количество доставленного продовольствия объяснялось хрупкостью льда, который на большом протяжении трассы был неровный, местами совсем тонкий; двухтонные грузовики везли по два, по три мешка, и даже при такой осторожности несколько машин затонуло. Чтобы увеличить перевозки грузов и не допустить провала машин под лед, к грузовикам прикрепляли на буксире сани. Три-четыре мешка клали в кузов машины и два-три мешка — на сани. Такой способ транспортировки уменьшал давление на лед и позволял везти в два раза больше груза. Тем не менее завоз продовольствия был ничтожным: 25 ноября перевезли только 70 тонн, на другой день — 154, в последующие три дня — примерно по 150 тонн в сутки. 30 ноября наступило потепление, и в этот день удалось завезти всего 62 тонны. Температура днем была 0 —1 градус, ночью —3 —4 градуса мороза. Несмотря на все усилия, из-за плохой погоды с 23 ноября по 1 декабря удалось завезти на лошадях и автомобилях около 800 тонн муки, или меньше двухдневной потребности. За это же время затонуло и застряло в промоинах 40 грузовиков. Непрочность льда ограничивала движение, а муки оставалось в городе на шесть суток, с учетом использования пищевой целлюлозы, вырабатываемой на месте.

Шли дни, погода часто менялась — то мороз, то оттепель, лед не наращивался, завоз продовольствия ничтожно мал. Муки осталось совсем мало. Перед руководством обороны города встал все тот же роковой вопрос: что делать? Сокращать паек? Он и без того ничтожно мал, люди умирали.

В поисках решения у меня в кабинете собрались начальник тыла фронта Ф. Н. Лагунов и заместитель командующего Балтийским флотом М. И. Москаленко. Я высказал им такую мысль: передать на довольствие населения аварийные запасы муки и других продуктов со специальных кораблей, а также сухари из неприкосновенного фонда войск. Лагунов и Москаленко молчали, но их лица говорили о нежелательности такого решения. Заметив их настроение, я добавил:

— Вопрос будет обсуждаться на Военном совете, и, если у вас есть что-то другое предложить, подготовьтесь, но оставлять без хлеба жителей города нельзя.

После долгого раздумья Митрофан Иванович Москаленко проговорил:

— Изъять последние запасы, которые моряки при всех условиях хранят, пока корабль на плаву, рука не поднимается, но если выхода нет... — и здесь его голос дрогнул, он замолчал.

Закаленный воин, богатырского сложения человек, прошедший суровую школу испытаний, не смог преодолеть волнения. Лагунов молчал, но глаза и необычная бледность лица выдавали его переживания. Когда я смотрел на их лица, и у меня подкатывался комок к горлу. Тяжело, невыносимо больно брать последнее, притом у воинов. Но тут же возникала мысль: а чем кормить рабочих, женщин, детей? И другая, еще более острая боль заглушала первую.

На другой день этот же вопрос обсуждался на Военном совете. Атмосфера была напряженная, лица у членов Военного совета сосредоточенные, угрюмые. Да, было над чем задуматься.

— Как я понимаю, — немного хриплым голосом проговорил Жданов, — может быть только два решения: передать аварийные запасы продовольствия с кораблей и частей фронта для выдачи пайка населению или еще раз сократить нормы жителям города. Третьей какой-либо возможности нет.

Кузнецов кивнул головой. Пойти на дальнейшее снижение и без того голодного пайка населению — даже подумать было страшно. Передать неприкосновенные запасы из Кронштадта, с кораблей, фортов, из воинских частей тоже мера рискованная: шла война, и могли быть всякие неожиданности. И все же данный риск казался меньшим по сравнению с надвигающейся угрозой прекращения выдачи пайка миллионам людей. После обмена мнениями было принято единодушное решение: передать

имеющиеся запасы продуктов у моряков на снабжение населения. За это предложение высказался и командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц.

Читатель может себе представить, что было бы, если бы люди перестали получать хлеб хотя бы один-два дня. Физические силы жителей города и без того были на исходе.

2

Строительство дороги в обход Тихвина до станции Заборье было закончено 6 декабря. Большим напряжением сил солдат и колхозников, в трудных условиях, за короткое время (хотя в установленный срок и не уложились) была проложена дорога протяжением более 200 километров. Трасса пролегла по пересеченной местности, населенные пункты попадались редко. На значительном протяжении дорога была настолько узка, что встречные машины не могли разъехаться, к тому же глубокий снег, крутые подъемы и спуски по незнакомой для водителей дороге приводили к частым авариям и длительному нахождению машин в пути.

Случилось так, что через три дня по окончании строительства дороги военное положение в зоне Тихвинского участка фронта резко изменилось к лучшему, поэтому пользоваться ею пришлось всего несколько дней. И это было большим облегчением для осажденных, так как новая дорога обеспечить жизнь города и фронта даже на короткий срок не могла: перевозки первых дней показали крайне медленную оборачиваемость автомашин. Автоколонна, отправленная из Заборья в Новую Ладогу, вернулась через 14 дней, то есть за сутки проходила 35 километров. За три дня движения только на участке Новая Ладога — Еремина Гора застряло более 350 грузовых автомашин.

Помогли улучшить положение осажденных события, развернувшиеся в районе Тихвина. Советскому Генеральному штабу было известно, что с потерей этого города положение защитников Ленинграда с каждым днем становится все более трудным, и, если упустить время, немцы укрепятся, как это было в начале сентября в районе Мга — Синявино, и тогда борьба может принять затяжной характер. Ставка распорядилась сосредоточить группу войск под командованием генерала К. А. Мерецкова (затем Маршала Советского Союза) в зоне Северной железной дороги и поставила перед ней задачу —

разгромить войска противника, вклинившегося в нашу оборону, и освободить Тихвин.

Мерецков осторожно и постепенно сдавливал фланги фашистских войск, а к концу ноября его части выдвинулись на коммуникации неприятеля. Боясь окружения, немцы подтянули крупные резервы, но было уже поздно. В ночь на 9 декабря Мерецков всей мощью вверенных ему войск обрушился на главные силы Шмидта и штурмом овладел Тихвином. На поле боя осталось около 7 тысяч трупов вражеских солдат и офицеров, большое количество орудий, танков, автомашин.

Десятого декабря начальник фронтовой дороги генерал Шилов и я были в Тихвине. Нужно было определить, как скоро можно будет завозить продовольствие с этого пункта. Осматривая вокзал и подъезды к нему, мы наталкивались на трупы немецких солдат. Они были настолько промерзшими, что когда их убирали с дороги, то при ударе одного тела о другое они звенели, как камни.

Смотря на груды мерзлых тел, я подумал: а ведь оставшиеся в живых солдаты из бывшего корпуса Шмидта, бежавшие от возмездия наших воинов, наверное, хорошо почувствовали, что расплата за причиненные ими страдания советским людям близка и неизбежна. Если сегодня им удалось избежать участи своих соотечественников, то что ждет их завтра?

Осмотр показал, что железнодорожные составы с грузами можно принимать в Тихвине, а продвижение поездов ближе к Ладожскому озеру возможно только после того, как будут восстановлены мосты на перегоне Тихвин—Волхов. От Тихвина до Ладоги и далее по льду озера в Осиновец грузы можно было доставлять на автомашинах, но требовался большой ремонт на обходных дорогах. И все же мы испытывали чувство большого облегчения за дальнейшую доставку продовольствия.

Продолжая теснить противника, советские войска освободили ряд населенных пунктов области, отбросив врага за реку Волхов. Важный коммуникационный пункт, находившийся 30 дней в руках захватчиков, был освобожден. Без преувеличения можно сказать, что поражение немецко-фашистских войск под Тихвином и возвращение Северной железной дороги до станции Мга спасло от голодной смерти тысячи людей и повысило обороноспособность Ленинграда. Моральная значимость этой победы была еще большей: тяжесть неизвестности, давившая осажденных, свалилась. Широко

разрекламированные успехи немецкой армии, захватившей Тихвин в начале ноября, и связанное с этим ожидание скорого падения Ленинграда завершились провалом. Большой ущерб был нанесен престижу неприятельской армии, еще раз оконфузилась необузданная пропаганда Геббельса.

Разгром немецкой группировки войск под Тихвином имел для судьбы Ленинграда не меньшее значение, чем прорыв блокады в январе 1943 года. Запасов хлеба к 9 декабря оставалось на 9—10 дней, включая наличие муки в Новой Ладоге. Жмыхи, отруби, мельничная пыль и прочие «резервы» к этому времени были съедены начисто. Люди питались так плохо, что смертность с каждым днем росла. По существовавшим в декабре нормам (фактическому потреблению) требовалось завозить в город около тысячи тонн только одного продовольствия в сутки. А ведь надо было привозить еще бензин, боеприпасы и некоторые другие грузы, крайне необходимые для борьбы с врагом. Со станции Заборье при самой хорошей организации автоперевозок едва ли можно было доставлять больше 500 тонн продовольствия. Нетрудно себе представить положение осажденных при такой ситуации. Освобождение Тихвина по праву считается историческим событием, сыгравшим важную роль в защите Ленинграда.

Итак, чтобы приблизить победу и облегчить положение осажденных, требовалось восстановить разрушенные железнодорожные мосты между Тихвином и Волховом. Строительство мостов правительство возложило на железнодорожные части Народного комиссариата путей сообщения, которые незамедлительно и приступили к выполнению задания.

Пока шло восстановление, на очереди стояла все та же задача — как можно скорее перебросить имеющееся продовольствие с восточного берега Ладожского озера в город.

Завоз продовольствия остался неудовлетворительным даже в те дни, когда лед окреп и грузовые машины не проваливались. Дело упиралось в плохую организацию перевозок. Машины не были закреплены за определенными водителями, часто выходили из строя из-за технической неисправности, а ремонт их был поставлен из рук вон плохо. Автобатальоны подчинялись управлению дороги через командование бригады, что создавало средостение, мешавшее оперативному руководству. Дорога не была разбита на участки, телефонная связь системати-

чески нарушалась, снежные заносы, полыньи, воронки от бомб и десятки других причин задерживали движение. Уполномоченный тыла фронта полковник Жмакин, в обязанность которого входило руководство автоколоннами, не обладал предприимчивостью, видел все зло в слабой квалификации водителей и сводил свои требования к усилению занятий с шоферами. Но его глаз не замечал язвы обезлички в работе многотысячного коллектива, которая сводила на нет плодотворный труд многих людей. Его поступки напоминали усердие человека, который охотно слезает с воза и изо всех сил в поте лица помогает лошади тянуть груз в гору. Но ему и в голову не приходит, что лошадь кем-то неправильно впряжена и что поэтому много усилий затрачивается напрасно. Таков был честный и трудолюбивый Жмакин. Масштаб работы оказался ему явно не под силу.

Военный совет и городской комитет партии, следившие за биением пульса города, понимали, какая большая опасность грозит защитникам из-за плохой работы дорожной службы. Не только день — каждый час был дорог. Снабжение города требовало принятия неотложных мер; все держалось на ниточке, аварийные запасы, находившиеся на кораблях, и неприкосновенные сухари для солдат были съедены.

А. А. Жданов и А. А. Кузнецов выезжают на Ладожское озеро, изучают трассу, работу автоколонн, отношение водителей к машинам, уясняют причины частых аварий. После возвращения их с озера Военным советом принимается решение: уполномоченного тыла фронта Жмакина отстранить от руководства перевозками, управление автобригад ликвидировать, автобатальоны подчинить непосредственно начальнику дороги; машины маркировать и закрепить за водителями, установить норму выработки на одну машину ГАЗ-АА при двух водителях 2,25 тонны в сутки; ввести специально разработанную премиальную систему для шоферов; трассу поделить на участки, за состояние которых отвечает дорожно-комендантская служба.

Обезличке наносится удар. Передовой опыт гражданских хозяйств во многом передается военному управлению дороги. Принятые меры улучшили перевозки, однако населению пришлось пережить еще немало черных дней и потерять многих близких и родных, прежде чем голод был изгнан из города.

22 декабря доставили через озеро 700 тонн продовольствия, на другой день — на 100 тонн больше. Завоз

ненамного стал превышать дневной расход, но город и фронт не имели никаких запасов; при малейшей заминке в доставке (а в тех условиях она могла быть) катастрофа неизбежна. И тем не менее вечером 24 декабря на заседании Военного совета фронта А. А. Жданов вносит предложение увеличить нормы выдачи хлеба. В условиях, когда приходилось жить только на завозе, принимать решение о повышении расхода хлеба, казалось, походило на прыжок с закрытыми глазами через неизвестное пространство. Нет худшей ошибки для авторитетного органа, как объявить народу опрометчивое решение, вселяющее надежды и вызывающее радость, а на деле оказаться не в состоянии его выполнить. Но этого не случилось. Надежды и расчеты на лучшее оправдались.

Изголодавшееся население нуждалось, как никогда, в поддержке сил. Умирало людей с каждым днем все больше и больше. И если появилась малейшая возможность, пусть даже шаткая, к улучшению питания осажденных, ею нужно было немедленно воспользоваться. Так диктовала обстановка, так и было сделано. Члены Военного совета без колебаний приняли решение об увеличении норм выдачи хлеба.

25 декабря, как обычно, жители рано утром пришли в магазины и здесь узнали, что хлебный паек увеличен: рабочим — на 100 граммов, служащим, иждивенцам и детям — на 75 граммов [1]. Весть о прибавке хлеба молниеносно облетела весь город. Несмотря на морозный день, все, кто мог ходить, вышли из домов, желая поделиться своей радостью. Улицы и площади заполнялись народом, незнакомые люди жали друг другу руки, плакали, но то были слезы торжества жизни.

Незабываемый день! В этой небольшой прибавке хлеба люди почувствовали шаткость вражеской блокады. Новая норма далеко не восполняла затрат человека, население продолжало голодать, но каждый рабочий, каждый житель и боец крепко верили в то, что за первой прибавкой скоро последует вторая.

Впереди ленинградцев ждали еще тяжелые испытания, многим, очень многим из них не суждено было до-

---

[1] В книге «Ленинград и Большая земля» В. М. Ковальчук пишет, что выдача хлеба была повышена на 100 граммов и личному составу войск фронта с 25 декабря 1941 года, ссылаясь при этом на архив МО СССР. Это ошибка. Войскам фронта первая прибавка хлеба была сделана 24 января 1942 года. См.: Протокол Военного совета Ленфронта от 24.12.44 г., № 00493.

жить до полной победы над врагом и снятия блокады, но в этот день — 25 декабря — они были счастливы, понимая, что Ленинград устоит, враг будет разбит. И они не ошиблись. То была зарница грядущей победы осажденных.

3

В результате ускоренного вывоза продовольствия из Новой Ладоги созданные там в октябре запасы были почти исчерпаны, не было их и на отдаленных подходах. На станцию Тихвин поезда с продовольствием прибывали редко. Образовался вакуум от Тихвина до Ленинграда.

О создавшемся положении мною по аппарату Бодо было доложено Государственному Комитету Обороны. Привожу в сокращенном виде разговор с товарищем Микояном:

ПАВЛОВ: Здравствуйте, Анастас Иванович. Докладываю: в Новой Ладоге осталось всего 3 тысячи тонн муки и 400 тонн крупы. Это наличие будет переброшено в Ленинград за 4—5 дней. На станцию Тихвин за последние дни прибыло только 72 вагона муки. При таком поступлении неизбежен срыв в снабжении населения. Нужны срочные меры.

Прошу Вас обязать НКПС и поставщиков доставлять на станцию Тихвин ежедневно не менее 1500 тонн муки, 500 тонн крупы, 300 тонн мяса, 200 тонн сахара. Можно было бы направлять грузы непосредственно на станцию Войбокало, но между Волховом и Тихвином есть разрушенные железнодорожные мосты, а восстановление их проходит медленно. Необходимо, чтобы НКПС ускорил восстановление мостов. Тем самым доставка грузов в Ленинград могла бы намного ускориться. О Вашем решении прошу сообщить.

МИКОЯН: Здравствуйте, товарищ Павлов. Трудности с продвижением поездов создались в связи с загрузкой железной дороги на участке Ярославль — Рыбинск воинскими эшелонами.

Мною дано распоряжение, на основе указаний товарища Сталина, отгрузить в ближайшее время 50 тысяч тонн муки и 12 тысяч тонн других видов продовольствия. Часть продовольствия будет отгружена из ближайших пунктов — Рыбинск, Ярославль. В ближайшие дни на станцию Тихвин ежедневно начнут прибывать 3—4 маршрута.

Как только будут восстановлены мосты, грузы переадресуем на станцию Войбокало. НКПС дал указание ускорить их восстановление.

Передайте товарищу Жданову, что отгрузку я лично взял под контроль, о чем буду сообщать. Вы нажимайте на увеличение перевозок по ледяной дороге.

ПАВЛОВ: Благодарю Вас. Те цифры, что Вы назвали, обеспечат нашу потребность. Теперь все зависит от сроков поступления. Меры к ускоренной перевозке грузов по ледяной дороге Военный совет принимает самые решительные.

МИКОЯН: Информацию продолжайте давать регулярно. До свидания.

Ленточку нашего разговора я передал А. А. Жданову. Он ознакомил с ним всех членов Военного совета.

Как ни утешительно было такое сообщение, тревога нас не покидала. Между распоряжениями даже высокой инстанции и их выполнением много простора для проволочек и немало различных преград и задержек, тем более в такое время, когда стоят крепкие морозы, железнодорожные пути забиты составами, а станции подвергаются налету авиации противника. Расход же хлеба производился беспрерывно: что ни день, то на 600 тонн муки запасы уменьшались. Осажденные могли прожить не более пяти дней. Опасность срыва только что принятого 24 декабря решения об увеличении хлебного пайка сохранялась.

Прошло три дня напряженного ожидания, и опасения рассеялись. Поезда, загруженные мукой и крупой, стали прибывать один за другим. Многочисленные преграды были преодолены энтузиазмом рабочих Сеймы, Рыбинска, Саратова. Мукомолы не уходили домой до тех пор, пока не отправили последний поезд на Ленинград. На вагонах рабочие старательно крупными буквами выводили: «Продовольствие для Ленинграда», а железнодорожники давали таким составам «зеленую улицу».

В конце сентября 1941 года Военный совет фронта, обком партии командируют секретаря Ленинградского обкома Терентия Фомича Штыкова в центральные районы страны, чтобы он на основе решений Государственного Комитета Обороны способствовал ускоренному завозу грузов в Ленинград.

Получив поручение, Штыков сразу же переключился на решение вставшей перед ним задачи, он ушел в нее с головой, весь захваченный ее выполнением.

Положение было сложным. Отгрузка продовольст-

вия, горючего, боеприпасов производилась с очень многих станций, разбросанных по всей нашей обширной стране. В местах отправки возникали — и довольно часто — трудности: то не хватало рабочих рук, то автомашин и лошадей для подвоза продовольствия со складов в вагоны. Иные станции занесло снегом, требовались люди для очистки подъездов к ним. А где взять рабочих, когда каждый человек находился на своем месте? Иногда поезда простаивали на запасных путях, не хватало угля для паровозов. Словом, помех, трудностей было так много, что всех их и не перечислишь. Из Москвы на такие станции поступали грозные телеграммы с требованием немедленной погрузки и отправки вагонов, однако в указанных случаях они не всегда помогали. Узнав о возникших затруднениях, Штыков спешил сам прибыть к месту отгрузки. И первым делом устанавливал связь с местными органами власти и при их помощи устранял причины, сдерживающие отправку грузов. Живое слово, сказанное Штыковым о жизни и борьбе ленинградцев, поднимало людей, каждый человек, каким бы он ни был усталым, спешил помочь осажденному городу.

В Совнаркоме СССР была образована оперативная группа, в обязанности которой входил контроль за производством и отгрузкой фабриками, заводами, мельницами, мясокомбинатами товаров, предназначенных для Ленинграда. Эту группу возглавлял М. С. Смиртюков (позже управляющий делами Совета Министров СССР). Группа состояла из энергичных и хорошо знающих экономику страны людей, она держала постоянную связь с производственными предприятиями и помогала им устранять возникающие помехи, чтобы выполнить установленные задания в сроки. Так, в ноябре 1941 года произошла задержка в отгрузке в Ленинград сгущенного молока, которое было крайне необходимо для раненых и детей. Заводы не могли выполнить задание из-за отсутствия банок. В свою очередь, руководители предприятий, поставляющих их, доложили, что к ним не поступает жесть и, следовательно, они не могут изготовлять банки. Словом, образовался характерный клубок сложных сплетений, отгрузка сорвана, а виновного нет. Группа заметила непредвиденную задержку и тут же стала принимать меры. Потребовалось немало усилий, чтобы вся цепочка предприятий заработала. Вскоре в Ленинград стали поступать самолеты с желанным грузом: сгущенное и сухое молоко, яичный порошок.

В ноябре, когда завоз продовольствия в Ленинград производился самолетами, ряд пищевых промышленных предприятий был переведен на изготовление концентратов. Они по объему занимали небольшое место, были транспортабельны и удобны в приготовлении пищи в условиях боевой обстановки. Для промышленности в то время массовое изготовление концентратов являлось делом сложным, не хватало жести для консервных банок, гофротары, пергамента и многого другого, но при помощи Совнаркома трудности преодолевались. Заводы, мельницы, мясокомбинаты — словом, все предприятия, связанные с производством продуктов питания, находились в поле зрения оперативной группы. Она же следила за продвижением поездов, направляемых в Ленинград, и ежедневно докладывала об этом члену ГКО А. И. Микояну.

Анастас Иванович в то время ведал внешней и внутренней торговлей, пищевой и мясо-молочной промышленностью, заготовками и материальным обеспечением Вооруженных Сил Красной Армии и ВМФ. Автору этих строк часто приходилось докладывать ему о положении дел в Ленинграде. Микоян знал наличие продовольственных товаров, находившихся в осажденном городе, на восточном берегу Ладоги, и количество грузов, перевезенных через озеро, за каждый день, вникал в детали снабжения и, если покажется ему что-то важным, запоминал. И нередко приводил ту или иную деталь в разговоре через несколько лет. В одном из докладов я как-то упомянул, что в Ленинград прибыло из Казахстана 40 тонн прессованного в блоки мяса, которое находилось в пути около 90 дней (июль, август, сентябрь), и мясо оказалось в хорошем состоянии, хотя было отгружено в обычных вагонах и подвергалось неоднократным перегрузкам. Это сообщение заинтересовало Микояна. Он тут же позвонил по телефону наркому мясной и молочной промышленности П. В. Смирнову и попросил его дать справку о наличии мяса, прессованного в блоки, какая эффективность в загрузке вагонов, самолетов мясом в блоках против потушной погрузки и насколько больше оно может храниться в обычных условиях, и добавил: «Учтите, это очень важно. Надо, чтобы мясокомбинаты отбирали мясо наибольшей упитанности, прессовали его в блоки и отгружали только Ленинграду». К сожалению, такого мяса вырабатывалось в то время крайне мало, но то, что было, отгружалось Ленинграду.

Исходя из опыта работы, могу сказать, что строгая централизация в управлении народным хозяйством в годы войны нужна, больше того, крайне необходима. Именно такая система позволяет гибко маневрировать ресурсами. Но она может иметь и отрицательные стороны, в том случае, если руководящие лица, в руках которых сосредоточены власть и право, принимают решения лишь тогда, когда вопрос прошел все инстанции согласования. А так как при этом нередко бывает, что то или иное министерство имеет возражения, то проект задерживается, проходят дни. И когда, наконец, все утрясается и подготовленный документ выходит в свет, то эффективность мероприятия во многом оказывается уже потерянной. Бюрократическая проволочка опасна, а в условиях войны она нетерпима. Этим я хочу сказать, что даже при хорошо отработанной централизованной системе управления важное значение имеет человек, которому поручено осуществлять руководство снабжением страны. Он должен не только знать состояние промышленности, сельского хозяйства, транспорта и их потенциальные возможности, но и обязательно иметь твердый характер, не боясь брать ответственность за решения на себя.

4

В конце декабря Тихвин напоминал гигантский муравейник. Круглые сутки тысячи рабочих и солдат разгружали прибывающие составы и заполняли продовольствием подходившие беспрерывной лентой грузовики. Загруженные машины уходили в дальний путь по маршруту Коськово — Колчаново — Сясьстрой — Новая Ладога — Кобона — ледовая дорога — Осиновец. Вакуум заполнялся, опасность срыва снабжения ослабла, но не отпала, так как грузы доставлялись в Ленинград в размерах, едва обеспечивающих новую, но все еще голодную норму. Путь был дальний, более 190 километров, дорога плохая: за двое суток делали едва-едва один рейс. К счастью, скоро положение изменилось в лучшую сторону. 54-я армия успешными боевыми действиями оттеснила немцев от железнодорожных станций Войбокало и Жихарево, что позволило грузы из Тихвина на машинах доставлять до Колчанова и перегружать на железную дорогу, а на станциях Войбокало и Жихарево переваливать с вагонов вновь на машины. Такие комбинированные перевозки (автотранспорт — железная до-

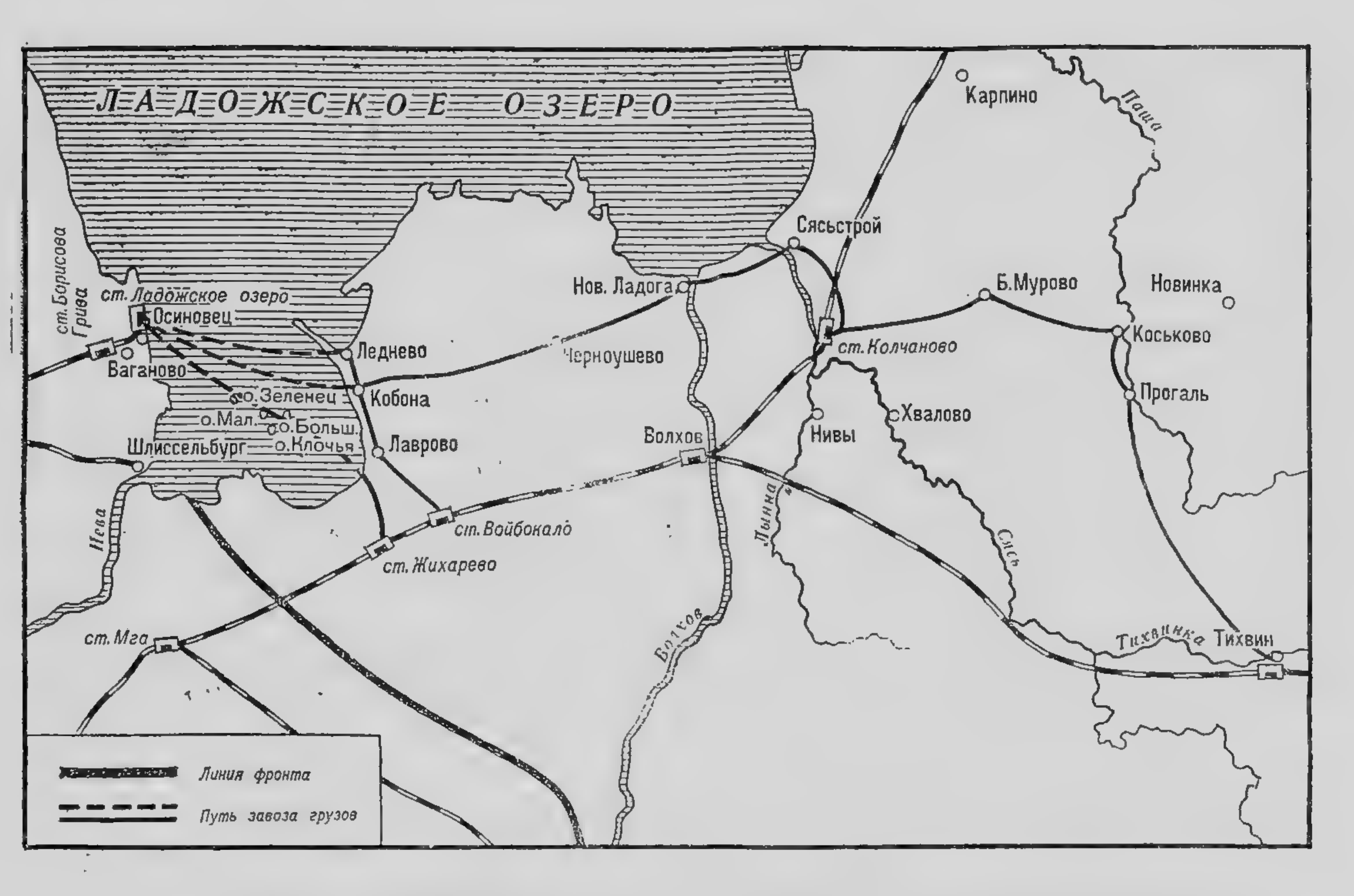

Схема 6. Транспортировка грузов в Ленинград после освобождения Тихвина.

рога — автотранспорт) продолжались до 1 января 1942 года.

В пять часов утра в Новый год открылось сквозное движение поездов Тихвин — Волхов — Войбокало. Это был хороший новогодний подарок ленинградцам от восстановительных железнодорожных частей. С этого дня налажен пробег машин на коротком плече — в 55 километров (Войбокало — станция Ладожское озеро) вместо 320 километров до Заборья и 190 километров до Тихвина.

Путь сократился в шесть раз, и все же завоз продовольствия и других грузов оставался незначительным. Со станций Войбокало и Жихарево продовольствие на машинах вывозилось в небольших размерах. Метели и морозы ограничивали движение, к тому же дорога не поддерживалась в рабочем состоянии, не хватало снегоочистительных средств. На большом протяжении трасса была настолько узкой, что без уменьшения скоростей машины не могли разойтись. У водителей не было опыта перевозки грузов по льду.

Военный совет вновь принимает целый ряд дополнительных мер по улучшению движения. По озеру устанавливаются четыре пути: два для грузового направления и два для порожнего.

Первый путь: грузовое направление — Войбокало — Лаврово — станция Ладожское озеро; порожнее направление — Ладожское озеро — Бабаново — Войбокало.

Второй путь: грузовое направление — Жихарево — Троицкое — Подол — Лаврово — Ладожское озеро; порожнее направление — Ладожское озеро — Лаврово — Городище — станция Жихарево.

Для поддержания трассы в рабочем состоянии дорогу поделили на равные участки, установили постоянное дежурство снегоочистительных средств.

Трассу Тихвин — Новая Ладога с 5 января закрыли, но на всякий случай поддерживали в рабочем состоянии.

Учитывая тяжелую работу шоферов и регулировщиков на озере, им установили повышенную норму снабжения: хлеба — 500 граммов, мяса — 125, жиров — 40, сахара — 35, крупы — 190, водки — 50 граммов в день. Дорожные части, работавшие на восточном берегу Ладожского озера, получали продовольствие с фронтовой базы Подборовье по нормам более высоким.

Перевалочная база Войбокало — Жихарево изымается из ведения тыла фронта и передается в подчинение начальника дороги.

Коллективы промышленных предприятий в помощь Управлению фронтовой дороги выделяют транспортные средства, рабочую силу. Несколько сот специалистов, партийных и советских работников направляются на трассу. Личным примером, заботливым отношением к порученному делу они служили образцом для многотысячной армии дорожников.

Возник вопрос, кого назначить начальником этой жизненной артерии.

В это время поступила телеграмма от заместителя Председателя Совнаркома СССР А. И. Микояна и начальника тыла Красной Армии А. В. Хрулева. Они рекомендовали на должность начальника ледовой дороги генерала А. М. Шилова. Их рекомендация совпадала с мнением членов Военного совета фронта. Шилов имел опыт перевозок по воде, обладал административными способностями управлять большим коллективом. Мне приходилось неоднократно встречаться с А. М. Шиловым в Новой Ладоге, Гостинополье, Осиновце, на трассе, и я везде ощущал его хозяйскую руку. Он проявлял большую подвижность, заметив упущение, не проходил мимо. Однажды, обходя места сосредоточения продовольственных грузов в Новой Ладоге, предназначенных для завоза в Ленинград, он заметил, что один штабель плохо замаскирован. Генерал тут же вызвал капитана интендантской службы, отвечающего за эту работу, и вместе с ним легко взобрался на верхний ряд мешков с мукой, указал капитану на открытые места.

— При такой маскировке,—сердито ворчал Шилов,— грузы нетрудно обнаружить немецкой авиации. Немедленно тщательно замаскируйте,— приказал Шилов.

Когда все было выполнено, генерал громким голосом и с суровым выражением лица стал пробирать капитана:

— Что вы тут делаете, если не видите плохого укрытия штабеля? За халатность можете попасть под суд.

Когда мы отошли от площадки, я сказал:

— А не строго ли, Александр Митрофанович, вы обошлись с капитаном? Ведь он воспринял ваши замечания правильно и быстро все поправил.

— Иначе нельзя,— ответил Шилов,— немцы следят за нами, малейшее упущение может обойтись очень дорого. Требовательность нужна, и ему же пойдет на пользу.

Вставал Шилов рано, он был до крайности беспокойным, и тут же проверял, откуда и сколько вышло машин

на трассу, все ли подготовлено к их загрузке. По моему определению, лучшего начальника дороги назвать было трудно.

Жданов вызвал Шилова и, обратившись к нему, сказал:

— Есть предложение назначить вас начальником всей ледовой дороги. Как вы на это смотрите?

Шилов задумался: он хорошо знал, какие трудности претерпевает дорога, и понимал как велика будет его ответственность перед Военным советом фронта, перед ленинградцами. Тревожило его и другое: хватит ли сил выполнить столь сложную задачу? После некоторого раздумья он подошел к Жданову и по-военному доложил, что принимает это назначение и гордится той честью, которую ему оказали. Жданов, заметив волнение Шилова, обнял его и сказал:

— Вашу озабоченность понимаю, а решение ценю.

А. М. Шилов справился с возложенной на него задачей, проявив большое искусство в управлении дорогой за все время осады. Своим трудом он, несомненно, внес значительный вклад в укрепление обороноспособности Ленинграда.

В это же критическое для судьбы города время А. А. Жданов обращается с письмом к личному составу трассы:

«Дорогие товарищи! Фронтовая автомобильная дорога продолжает работать очень плохо. Ежедневно она перевозит не более одной третьей части грузов, необходимых для того, чтобы мало-мальски удовлетворить и без того урезанные до крайних пределов потребности Ленинграда и войск фронта в продовольствии и автогорючем. Это значит, что снабжение Ленинграда и фронта все время висит на волоске, а население и войска терпят невероятные лишения. Это тем более нетерпимо, что грузы для Ленинграда и фронта имеются. Стало быть, быстро исправить положение и облегчить нужду Ленинграда и фронта зависит от вас, работников фронтовой дороги, и только от вас.

Героические защитники Ленинграда, с честью и славой отстоявшие наш город от фашистских бандитов, вправе требовать от вас честной и самоотверженной работы.

От лица Ленинграда и фронта прошу вас учесть, что вы поставлены на большое и ответственное дело и выполняете задачу первостепенной государственной важности.

Все, от кого зависит нормальная работа дороги: водители машин, регулировщики, работающие на расчистке дороги от снега, ремонтники, связисты, командиры, политработники, работники Управления дороги — каждый на своем посту должен выполнять свою задачу, как боец на передовых позициях.

Возьмитесь за дело, как подобает советским патриотам, честно, с душой, не щадя своих сил, не откладывая ни часа, чтобы быстро наладить доставку грузов для Ленинграда и фронта в количестве, установленном планом.

Ваших трудов Родина и Ленинград не забудут никогда!»

В обращении не скрывалось, что осажденные терпят невероятные лишения и их судьба висит на волоске. Каждое слово письма глубоко проникало в сердца водителей машин, рабочих, солдат. Дорожные части, преодолевая невероятные трудности жестокой зимы, проложили шесть путей через озеро. Три в одном направлении и три в обратном, тем самым встречное движение устранялось, что позволяло шоферам делать два-три оборота в сутки.

В это время наступили лютые морозы. Ледяной ветер обжигал лицо, пронизывал тело до костей, коченели руки, но люди шли на штурм Ладоги.

Дорогу регулярно очищали от снега, через образующиеся трещины перебрасывали заранее сколоченные мостики из бревен, что гарантировало безопасность и не снижало темпа движения. Тракторы, грейдеры, деревянные угольники и другие механизмы были изысканы и предоставлены в распоряжение Управления дороги.

Через несколько дней пропускная способность фронтовой дороги увеличилась. Ежедневно с восточного берега на западный стали доставлять более 1,5 тысячи тонн грузов. Такой рост перевозок радовал и давал основания рассчитывать на скорое улучшение снабжения населения, если бы не появилась новая беда.

Ириновская железная дорога (от Осиновца до Ленинграда) оказалась не в состоянии доставить на расстояние 55 километров даже одного железнодорожного состава в течение суток, что приводило к скоплению грузов на станции Ладожское озеро. А Ленинград по-прежнему переживал мучительные дни, снабжение производилось с колес, хлебозаводы имели муки на один-два дня.

На станцию Ладожское озеро в мирное время приходил один поезд в сутки, в большем движении поездов не было нужды, станция не развивалась, даже обходи-

лась без водокачки. Складские помещения были маленькие, запасные пути — ограниченные. И вот на эту убогую, полузабытую станцию неожиданно свалилась ноша: шесть-семь пар поездов в сутки, то есть такая нагрузка, которая под силу хорошо развитому железнодорожному узлу. К тому же на дороге не хватало топлива для паровозов и даже воды: водокачки на ряде станций от сильных морозов застыли. Возникла необходимость капитальной реконструкции Ириновской дороги и станции Ладожское озеро. На это нужно было время, а есть надо каждый день. Где взять продовольствие? Жизнь требовала, чтобы поезда мчались с удвоенной скоростью, а они стояли или едва-едва двигались. На железнодорожников сыпался град упреков, угроз, но больше всего их самих терзало собственное бессилие. Нередко бывало, что служащие и рабочие станций, обмораживая руки, ведрами носили воду в тендер паровоза, чтобы продвинуть состав к месту назначения. Поездные бригады шли в лес рубить деревья, заправляя паровозы сырыми, мерзлыми дровами, которые не горели, а шипели. Лишенные тяги поезда стояли или двигались при помощи двух паровозов со скоростью десять — двенадцать километров в час. Сжигали сырых дров много, а сила пара падала, приходилось делать частые остановки, на которых бесконечно долго нагоняли пар. Чтобы ускорить движение, на некоторых станциях стали держать под парами дежурные паровозы. Как только поезд прибывал на такую станцию, паровоз заменялся дежурным, заранее заправленным немного подсушенными дровами. Эта мера требовала большого количества паровозов, зато продвижение поездов ускорилось.

Машинистам, кочегарам и кондукторам грузовых поездов увеличили норму хлеба на 125 граммов, чтобы поддержать их силы для выполнения столь важной и тяжелой работы.

Завозимые в Осиновец продовольственные товары, независимо от назначения, поступали в общий котел и распределялись между военными и гражданскими организациями уполномоченным Государственного Комитета Обороны. Такой порядок нарушал хозяйственный расчет. Например: рыбинские мельницы, отгрузившие муку ленинградской конторе Заготзерно, выставляли счета в ее адрес на оплату стоимости товара, а данная контора муку не получала, ее не распределяла и даже не могла знать, где она находится. Но в тех условиях это была единственно правильная форма распределения. Ресур-

сы не распылялись и могли быть в любой час направлены туда, где в них ощущалась наибольшая нужда. С предельной нагрузкой использовались автотранспорт и склады; ускорялась оборачиваемость вагонов. Рабочие имели широкий фронт работ и были все время равномерно загружены. Денежные расчеты с поставщиками вело интендантство фронта. Товары с места отгрузки до станции Войбокало доставлялись по железной дороге и сдавались фронтовой перевалочной базе по документам. Здесь нарушалась цепь материальной ответственности за сохранность грузов при их последующей транспортировке к месту назначения, так как взвешивать каждую партию товара, погружаемую на автомашину, было невозможно. Для этого потребовалось бы очень много времени, что привело бы к большим простоям транспорта при погрузке и выгрузке, и все старания Военного совета и работников дорожной службы ускорить оборачиваемость автомашин свелись бы на нет. Товары грузили на глаз, вес определяли по количеству мешков или ящиков. Учет был самый упрощенный: в заранее отпечатанные квитанции вписывались фамилии водителей, род груза и количество мест. С этим документом шофер отбывал по заданному маршруту, не имея права уклоняться в сторону; по прибытии на базу назначения сдавал товар приемщикам опять же без веса, а по числу мест согласно квитанции. Такая система позволяла отдельным водителям утаивать часть продуктов во время перевозки. Были случаи, что отсыпали из мешков муку, крупу, брали из ящиков банки с консервами, табак. Количество ящиков или мешков соответствовало цифре, указанной в квитанции, а за неполноценность места нельзя было привлечь водителя к ответственности ввиду плохой тары. Мешки из неплотной ткани имели заплаты, что приводило к большому распылу муки, а ящики, сколоченные на живую нитку из тонких дощечек, часто ломались, легко поддавались вскрытию. Отличить кражу от потерь при такой упаковке товара было невозможно.

За сохранностью грузов следил коллектив дорожников, политработники, постовые, регулировщики. Уличенных в краже немедленно снимали с работы на трассе и наказывали. Но наиболее сильным средством воздействия на подобных лиц оказалось общественное мнение. Стыд перед товарищами убивал соблазн взять что-либо из продуктов, предназначенных для осажденных. Если в начале перевозок мелких краж было сравнительно

много, то вскоре они исчезли. С большой заботой и предосторожностями от возможных потерь в пути доставляли грузы по зимней дороге.

На 20 января 1942 года запасы продовольствия в городе все еще были малы. На складах в Ленинграде и в пути от станции Ладожское озеро было: муки — 3126 тонн, крупы — 436, мяса — 463, жиров — 202 и сахара — 316 тонн — вот и все запасы, то есть их хватало на четыре — шесть дней. Но на ближайших подступах к городу запасы увеличивались. На станции Ладожское озеро и на участке Войбокало — Жихарево имелось: муки и мяса — на 16 дней, сахара — на 10, крупы и жиров — на 5 дней, и, что особенно радовало, завоз с каждым днем возрастал.

Осуществляя первую прибавку хлеба, Военный совет фронта и руководители города знали, что впереди предстоит тяжелая борьба с заносами, торосами льда и многими другими трудностями суровой зимы. Чтобы отстоять введенные 25 декабря нормы снабжения, требовалось многое сделать по улучшению трассы и безопасности перевозок. Мне приходилось многократно проезжать по ледовой трассе, видеть и ощущать все ее коварства — полыньи, воронки от бомб, торосы, мостики, переброшенные через трещины во льду. К тому же свирепый ветер продувал людей со всех сторон, а огневые налеты врага калечили дорогу, разбивали машины, убивали шоферов. Дорога казалась бесконечно длинной, невероятно тяжелой и опасной. Но по ней двигались тысячи машин. В продуваемых ветрами палатках работали медики, оказывая первую помощь обмороженным людям. Зенитчики несли свою службу, прикрывая огнем путь по льду. Солдаты, рабочие, врачи, сестры преодолевали трудности, выполняя свой долг, нередко от усталости падали, но не покидали работы. С каждым днем у тружеников ледовой трассы приобретался опыт, улучшалась организация движения. В конце декабря — начале января 1942 года водители машин уже не искали дороги в безбрежном пространстве озера долгими ночами. В любое время суток, в метель и морозы они обеспечивали следование колонн или отдельных машин, не подвергаясь риску попасть в полыньи или воронки. Шоферы, регулировщики, ремонтники, связисты приобрели уверенность в работе. Шесть расчищенных и укатанных путей тянулись с одного берега озера на другой. Хорошие дороги, безопасность движения позволили увеличить завоз продовольствия в Ленинград, что дало возможность не

только закрепить первую прибавку хлеба, но и увеличить хлебный паек вторично, причем не только населению, но и войскам.

С 24 января 1942 года вводятся новые нормы снабжения хлебом. Рабочие стали получать 400 граммов, служащие — 300, иждивенцы и дети — 250, войска первой линии — 600, войска тыловых частей — 400 граммов. А через несколько дней (11 февраля) хлебный паек был снова увеличен.

Зимняя дорога по льду через Ладожское озеро с каждым днем становилась все более оживленной. Машины шли бесконечной лентой в оба конца.

Заместитель командующего фронтом по тылу Ф. Н. Лагунов и начальник ледовой дороги А. М. Шилов прилагали максимум усилий к увеличению завоза грузов с восточного на западный берег озера. Продовольствие завозилось в Осиновец, а остальные грузы — боеприпасы, уголь, бензин — в бухты Морье, Гольсмана и другие. На другом берегу озера готовились к перевозкам по воде, строились деревянные баржи в устье речки Валгомы. На месте Сясьского целлюлозно-бумажного комбината возникла верфь, организовал ее еще осенью 1941 года заместитель наркома речного флота А. А. Лукьянов. По его же распоряжению сюда были собраны из разных мест мастера по строительству барж.

Ладога и летом и зимой часто бывает бурной и немало причиняла бед осажденным. И все же народ ее назвал родной. Путь по озеру, соединяющий Ленинград с Большой землей, стал спасением для ленинградцев. Чинимые Ладогой преграды для движения судов, а зимой машин волей осажденных были преодолены.

Немецко-фашистские войска наблюдали за возрастающим движением транспорта; в меру своих сил они бомбили и обстреливали трассу, но желаемого результата не достигали: бомбы пробивали лед и разрывались на дне, взрывная волна взломать лед не могла. Образующиеся от бомб и снарядов воронки работники дорожно-комендантской службы тут же отмечали длинными шестами с еловыми ветками на концах. Водители машин их замечали издали и своевременно объезжали.

Много изобретательности в организации движения на трассе проявил начальник ледового участка капитан 1-го ранга М. А. Нефедов. Со знанием дела он устанавливал порядок прохождения машин на необычной доро-

ге. «На льду все должно быть так же, как у моряков на воде»,— говорил Нефедов. Он лично руководил устранением помех, мешающих движению автомашин по льду. К нему с большим уважением относился личный состав трассы. Домик в деревне Коккорево, который занимал Нефедов и его штаб, любовно называли «домик Нефедова». Здесь люди находили ответы на волнующие их вопросы. В результате большой практической и научной работы М. А. Нефедова был создан график зависимости перевозок от подвижности и толщины льда, от размеров снегового покрова и ряда других факторов.

К большому прискорбию, жизнь этого талантливого организатора рано оборвалась. 24 мая 1943 года он погиб от вражеской бомбы, находясь в порту Осиновец, спасая грузы во время налета фашистских самолетов.

Кроме бомбардировок и обстрелов из дальнобойных орудий, немцы производили налеты авиации. Самолеты снижались на небольшую высоту и из пулеметов обстреливали машины, что нередко причиняло ущерб и замедляло движение.

На помощь пришла наша авиация. Ответственность за прикрытие водной и ледовой коммуникации была возложена на командующего военно-воздушными силами Краснознаменного Балтийского флота М. И. Самохина. Самолетов не хватало, а требования к нему поступали со всех сторон: «Прикрыть истребителями Новую Ладогу», «Прикрыть базы снабжения на восточном берегу озера», «Обеспечить охрану с воздуха колонны машин, везущих грузы в Ленинград».

Михаил Иванович Самохин нередко приезжал в Смольный, хорошо знал трудное положение осажденных, которым был нужен хлеб, и всегда спешил оказать помощь прежде всего работникам ледовой трассы. По его распоряжению наши истребители постоянно барражировали над озером, охраняя дорогу от вражеских налетов. Над Дорогой жизни нередко развертывались воздушные бои.

Об одном таком бое мне рассказали очевидцы.

Летчик, комсорг эскадрильи, бывший шахтер Донбасса Семен Горгуль вел разведку над Ладожским озером. Неожиданно он был атакован тремя «мессершмиттами», скрывавшимися за облаками. Горгуль, умело маневрируя, пулеметной очередью поразил вражеский истребитель. Объятый пламенем, тот удалился к южно-

му берегу. По небу протянулся хвост черного клубящегося дыма. Два оставшихся вражеских самолета атаковали истребитель Горгуля, им удалось повредить его, а летчика ранить. Не теряя самообладания, Горгуль спланировал и посадил машину на лед. Пилоты «мессершмиттов» сделали несколько заходов, яростно расстреливая из пулеметов беззащитный самолет. Горгуль был вторично ранен, на этот раз смертельно. Теряя силы, он окровавленным пальцем на своем планшете вывел слова: «Прощайте, ленинградцы» [1].

Примечательно, что эти предсмертные слова адресованы не родным, не Донбассу, где Семен жил и работал, не друзьям-летчикам, вместе с которыми он дрался против фашистов, а ленинградцам. Защита Ленинграда была для него превыше всего! И этот святой долг комсомолец Горгуль выполнил до конца.

Так дрались наши соколы. Пока руки держали штурвал самолета, они не давали спуска фашистам. Надежная охрана дороги позволяла водителям машин ускоренно доставлять грузы в Ленинград.

В одну из морозных январских ночей фашисты силой до двух рот, на лыжах, одетые в белые халаты, предприняли вылазку из района Шлиссельбурга по озеру к Осиновцу с целью диверсии и разведки. Под прикрытием снежной пелены им удалось продвинуться в глубь озера на несколько километров и выйти на трассу. Здесь они были обнаружены. Противник, понеся потери, поспешно отступил. Эта вылазка фашистов на большую глубину показала реальность вторжения неприятеля, если не в Осиновец со стороны озера, то на коммуникацию. Для предотвращения угрозы вторжения командование фронта выделило специальную часть по охране дороги. Вдоль озера, ближе к южному берегу, установили пулеметные точки, прикрытые ледяными брусьями и снегом. Солдаты лежали на соломенных матах с химическими грелками в карманах. Условия обороны на открытой ледяной поверхности были исключительно тяжелыми: морозный ветер пронизывал бойцов, укрыться было негде. Но доступ врагу был плотно закрыт.

Здесь будет уместно подвести итоги завоза продовольственных грузов с начала блокады до 1 января 1942 года различными видами транспорта через озеро (в тоннах):

---

[1] Этот бой (в несколько другом изложении) описан В. Голубевым в его книге «Крылья крепнут в бою». Лениздат, 1984.

	Водной трассой	Самолетами	Ледовой дорогой	Всего
Зерно, мука	23 041	743	12 353	36 137
Крупа	1 056	—	1 482	2 538
Мясо и мясопродукты	730	1829	1 100	3 659
Жир, сыр	276	1729	138	2 143
Молоко сгущенное	125	200	158	483
Яичный порошок, шоколад, сухое молоко и др.	—	681	44	725
Итого . . .	25 228	5182	15 275	45 685*

* Из учетных данных службы тыла Ленфронта за 1941 год, представленных уполномоченному ГКО.

Кроме продовольствия, за это же время было завезено значительное количество боеприпасов, горючего и других грузов. При этом следует помнить, что завоз производился одновременно со строительством порта Осиновец, углублением дна для причаливания судов, ремонтом барж, восстановлением взорванных мостов и прокладкой дороги по льду. В таких условиях доставка 45 685 тонн продовольствия есть результат подвигов и большого труда тысяч советских людей. Именно их усилиями южная часть Ладожского озера, без портов и причалов, в короткий срок по воле осажденных превратилась в мощную артерию, питавшую город и фронт.

5

Зимнее солнце стало чаще появляться на неприветливом небосклоне Ладоги. Не за горами весна, а с ее приходом под напором пробуждающихся весенних вод должна рухнуть зимняя дорога. Чувство тревоги и беспокойства за предстоящее обеспечение города продовольствием, боеприпасами и горючим возрастало с каждым днем. До таяния льда оставалось три месяца, а запасов еще не было создано даже на весеннюю распутицу. Было над чем задуматься. Осеннее бездорожье принесло слишком много горя и жертв, чтобы из уроков прошлого не сделать вывода.

Для образования небольших резервов и обеспечения текущей потребности населения и войск требовалось увеличить завоз грузов за оставшееся короткое время по

крайней мере в два раза, но для этого нужно было поставить под перевозки еще столько же машин, сколько находилось на линии, или сократить наполовину протяженность пути. Наличный автопарк был использован полностью, и поэтому дальнейшее увеличение количества машин исключалось. Можно было сократить пробег машин, подтянув железную дорогу к краю озера, однако этот дерзкий замысел — строить дорогу в условиях зимы, в непосредственной близости от неприятеля — казался неосуществимым. Тем не менее, продумав все возможные варианты, остановились на постройке железнодорожной ветки от станции Войбокало до Кобоны.

Правительство одобрило представленный Военным советом фронта план строительства железнодорожной ветки, связывающей восточный берег озера с сетью железных дорог страны, и возложило строительство на Народный комиссариат путей сообщения.

В условиях снежной и морозной зимы, на глазах у немцев началась прокладка пути. Титаническим трудом рабочих, техников, инженеров дорога протяжением в 31 километра была построена и 10 февраля сдана в эксплуатацию. Теперь железнодорожные составы стали вплотную подходить к озеру. Тихая приозерная деревушка Кобона и ее окрестности огласились гудками паровозов: вокруг деревни на большом пространстве выросли наскоро сколоченные склады, навесы, обтянутые проволокой площадки, где лежали горы мешков с крупой, мукой, зерном. Грузовики беспрерывным потоком уходили из Кобоны, спеша доставить груз на противоположный берег. Пробег машин сократился более чем наполовину — на 30 километров (в один конец), что позволило ускорить их оборот и увеличить завоз грузов. Расход горючего сократился на 200 тонн в сутки.

Новая железнодорожная ветка оказала ленинградцам исключительно большую помощь не только зимой, но и летом.

В декабре 1941 года, как только установился прочный лед на Ладожском озере, началась эвакуация населения. Людей перевозили на машинах, некоторые шли пешком (транспортных средств не хватало), испытывая в дороге большие лишения. Сильные морозы, ледяной ветер, торосистый лед по озеру — все это приходилось преодолевать истощенным людям, и, конечно, не все могли перенести столь тяжелый путь.

В начале января А. М. Шилов и я были в Кобоне, проверяли степень готовности военных к приему продо-

вольственных грузов и их последующей отгрузке в Ленинград. Кобона, как и многие русские деревни, расположена на возвышенном месте, на берегу озера. Все дома, а их было около семидесяти, школа, церковь, сараи, скотные дворы были заполнены людьми, главным образом военными. Первых эвакуированных ленинградцев размещали в небольшом доме. Здесь их кормили, а затем после небольшого отдыха отправляли дальше. Мы зашли в этот дом посмотреть, как обслуживают прибывших людей, побеседовать с ними.

За продолговатым, наспех сколоченным столом сидели плотно прижавшись друг к другу 15—20 женщин с детьми. Они ели приготовленную для них пищу. У края стола сидела женщина средних лет и девочка лет семи-восьми, обе бледные, истощенные.

— Хлеб-то какой, чистый, без примесей, а суп мясной с крупой,— проговорила женщина, обращаясь к девочке. Та подняла голову и тихо спросила:

— Мама, а завтра нам тоже дадут такой хлеб и суп?

— Дадут, Танюша, дадут.

У девочки появилась улыбка, и она, счастливая, прильнула к матери. Женщина обняла ее, и на глазах выступили слезы. Из разговора с ней мы узнали, что она учительница, муж погиб под Лугой в июле 1941 года, старшая дочь четырнадцати лет умерла от голода.

— От горя и голода я стала болеть,— рассказывала учительница,— умереть было не страшно, но у меня оставалась младшая дочь,— при этом она указала рукой на уткнувшуюся в ее платье девочку.— Это придавало мне сил. Часть своего пайка я отдавала ей, но все это было так ничтожно, что Танюша таяла на глазах, стала мало говорить, ничем не интересовалась. Состояние ее здоровья мучило меня больше, чем голод. Я сосредоточила всю свою волю на том, чтобы выдержать и не дать умереть дочери. Шли дни, страшные, мучительные, силы покидали нас, еще немного — и конец. И вдруг, как это в жизни бывает, неожиданное счастье: я попала в число первых эвакуируемых по зимней дороге. Сегодня я увидела, впервые за много дней, улыбку дочери. Какая это радость для меня! Теперь мы будем жить. Спасибо вам, товарищ генерал, за дорогу по озеру, за машины, за этот дом, где нас так хорошо приняли, накормили,— обратилась она к Шилову.

— Ну что вы, за что мне спасибо, мы, военные, выполняем свой долг. А за ваше горе, за страдания наших людей ответ будут держать фашисты.

Уходили мы из дома под сильным впечатлением увиденного и услышанного. После некоторого молчания Александр Митрофанович Шилов сказал:

— А ведь все еще много тысяч людей в Ленинграде находятся на краю гибели. Надо сделать значительно больше, чем мы делаем, для вывоза и приема эвакуируемых.

Он отдал ряд распоряжений, направленных на оказание помощи местным органам власти для оборудования помещений и приспособления сараев под питательные пункты.

Вскоре эвакуация людей из Ленинграда резко возросла. 17 января 1942 года в Кремле у заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгина состоялось совещание по оказанию помощи Ленинграду в эвакуации населения. Было выделено значительное количество автобусов и грузовых автомашин за счет Москвы и других городов для перевозки людей из осажденного города через озеро в тыл страны. Московский Совет сформировал специальную колонну автобусов, обеспечил их двумя сменами шоферов, загрузил машины продовольствием и направил их к Ладожскому озеру — на станцию Жихарево. На эту же станцию вскоре из Ярославля прибыла автоколонна из 60 грузовых машин и из Горького — 200 машин, прибывали машины и из других городов. Эта помощь существенно помогла увеличить вывоз людей из Ленинграда.

Государственный Комитет Обороны 22 января принимает постановление об эвакуации 500 тысяч человек из Ленинграда. Это решение имело исключительно важное значение со всех точек зрения: прежде всего, обеспечивалась безопасность населения, укреплялась обороноспособность Ленинграда. Для выполнения поставленной задачи в осажденный город прибыл заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгин с группой руководящих работников Совнаркома и других центральных организаций. С февраля началась массовая эвакуация населения. Из Ленинграда до станции Борисова Грива людей вывозили по железной дороге, затем машинами через озеро в пункты Кобона, Лаврово, Жихарево, Войбокало, Волховстрой, Новый Быт и другие, где их пересаживали в поезда для отправки в города и села страны. В первую очередь вывозили де-

тей, женщин, больных, престарелых. Разъяснительной работы среди населения проводить не требовалось — жизнь многому научила. То, что не смогли сделать в июле — августе 1941 года, успешно осуществили за зиму и весну 1942 года.

В январе эвакуировали 11 296 человек, в феврале — 117 434, в марте — 221 947, в апреле — 163 392 человека. Всего по зимней дороге за неполных четыре месяца переправили 514 069 человек.

Эвакуация была продумана и хорошо проведена. На трассе была установлена сеть обогревательных и питательных пунктов. Как только ленинградцы переезжали озеро и вступали на Большую землю, они получали горячую пищу, о которой так мечтали и грезили по ночам эти измученные люди. Ароматный запах хлеба из чистой ржаной муки пьянил изголодавшихся людей. С первых же шагов их окружали любовью и заботой, каждый человек старался помочь, чем мог.

По поручению Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров СССР большую работу по устройству эвакуированного населения проводил заместитель Председателя Совнаркома РСФСР К. Д. Панфилов, возглавлявший в то время созданное правительством Управление по эвакуации населения из прифронтовых районов. Под его руководством это управление вместе с областными, городскими органами власти осуществляло работу по трудоустройству и размещению эвакуированных граждан в городах и селах страны.

Весенняя распутица прервала движение по озеру, но как только озеро освободилось ото льда, эвакуация населения была продолжена водным путем. С мая по ноябрь 1942 года на судах было вывезено 448 010 человек, и на этом эвакуация была закончена. В городе осталось малочисленное, но трудоспособное население, обеспечивающее необходимые работы.

А. Н. Косыгин уделил большое внимание вывозу ценного, своего рода уникального оборудования, не используемого в то время в Ленинграде. По зимней дороге с января по апрель 1942 года было отправлено несколько тысяч различных станков и машин на восток страны, где испытывали острую нужду в них. Эти станки дали жизнь многим вновь построенным заводам. Промышленные предприятия стали быстро набирать темпы выпуска необходимой фронту продукции, сыгравшей немалую роль в разгроме фашистских армий.

Нужды фронта и города ежедневно требовали тысячи тонн керосина, бензина, нефти, но наливных судов не хватало. Перевозили цистерны с горючим вплавь, однако и этот эффективный способ транспортировки по воде не решал проблемы обеспечения огромного города горючим. Военный совет фронта, после обстоятельного разбора предложения группы специалистов, решил проложить нефтепровод через озеро. Детально разработанный проект был представлен на рассмотрение и утверждение Правительства Союза ССР. Государственный Комитет Обороны 25 апреля 1942 года одобрил проект и принял решение о постройке трубопровода.

Вскоре на восточный берег Ладожского озера стали прибывать специалисты, железнодорожные составы с трубами, материалами, механизмами. В тяжелейших условиях началась прокладка трубопровода. Усилиями опытного коллектива эпроновцев, воинских частей, рабочих укладка нефтепровода протяженностью около 30 километров была закончена 16 июня 1942 года.

С вводом трубопровода в блокаде города была пробита еще одна серьезная брешь: Ленинград стал получать горючее в любое время года. Колеса хозяйственной жизни начали вращаться с нарастающим темпом, мощный производственный потенциал города ожил. В апреле после долгого вынужденного перерыва на линии города вышел трамвай. Он как старый верный друг вновь вернулся, после тяжелой болезни, чтобы служить людям и помогать им в борьбе.

Появление трамвая на улицах вызвало большую радость:

— Смотрите, смотрите,— говорили ленинградцы друг другу,— наш труженик воскрес и приступил к работе.

Ленинград, который под влиянием пропаганды Геббельса многие за границей сбросили со счетов, продолжал гордо стоять и набирать силы. Теперь время стало вновь работать на осажденных, город становился еще более мощной крепостью, имея надежные запасы продовольствия, горючего, боеприпасов. Оставшееся население состояло из работоспособных людей. Пульс производственной деятельности становился с каждым днем полнее.

Обещания, данные Сталиным во время его декабрьской встречи со Ждановым, выполнялись точно по всем направлениям.

Возникает вопрос: как немцы могли допустить строительство железнодорожной ветки до Кобоны, прокладку трубопровода через озеро, массовую эвакуацию населения, интенсивное движение судов? Ведь эти меры срывали их планы удушения города блокадой.

Нет, немцы не оставались пассивными наблюдателями кипучей деятельности советских людей, спешивших на помощь осажденным. Фашисты неистовствовали, бросали большое количество мин, в том числе магнитных, на путях движения судов, предпринимали десантные высадки на переброшенных с Северного моря баржах и катерах, бомбили Кобону, Осиновец, транспорты. Только за весенне-летний период 1942 года противник произвел около 5000 самолето-вылетов на Ладожскую трассу и сбросил 6400 бомб. Из орудий немцы били по утлым баржам, сбрасывали глубинные бомбы, чтобы разрушить трубопровод. Их старания нередко достигали цели, ленинградцы несли потери, но сорвать выполнение смелого замысла осажденных врагу не удалось. Осуществленные упорным трудом народа, мероприятия на Ладожском озере сыграли важную роль в последующем разгроме фашистских войск под Ленинградом.

К сказанному о зимней дороге хочу добавить: после войны я неожиданно получил от Ольги Федоровны Берггольц ее книгу стихов с дарственной надписью. На этой же странице она от руки приписала:

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
Страшней и радостней дороги.

Поэтесса хорошо знала чаяния и надежды осажденных ленинградцев на дорогу, идущую через озеро, она также прекрасно понимала, какая это была трасса, какой ценой доставался хлеб, поступающий по ней в Ленинград. Дорога спасла жизнь многим и многим людям. Поэтому Ольга Федоровна с большой любовью и знанием истины воспела Дорогу жизни. Ее стихи, посвященные мукам и радостям осажденных, прочно войдут в летопись истории блокады Ленинграда.

Ветераны ладожской трассы в своих письмах спрашивают: как понимать слова «Дорога жизни»,— относятся ли они только к ледовой трассе или и к водному пути?

Эти слова я отношу и к водной и к ледовой трассам. То была единая коммуникация через Ладожское озеро.

Каждая из этих трасс имела для судьбы осажденных решающее значение. По воде и по льду везли хлеб и людей. За сохранение этой коммуникации шла борьба, лилась кровь, чтобы ее отстоять, не дать врагу оборвать жизненно важную артерию, питающую Ленинград. Нетрудно себе представить, что было бы, если бы эту единственную дорогу захватил враг.

Народ назвал Дорогой жизни как зимний, так и водный путь через Ладожское озеро. Да, по-другому и нельзя толковать эти мудрые слова, так верно определяющие значение пути через Ладогу в годы блокады.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Иногда можно слышать вопросы: почему Ленинград столь долгое время находился в осаде? Все ли меры были приняты к тому, чтобы прорвать блокаду значительно раньше? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть военные действия под Ленинградом не обособленно, а в связи с общим ходом борьбы на всем советско-германском фронте.

С начала войны, как известно, фашистские агрессоры повели форсированное наступление на Советский Союз по трем направлениям — на юг, на север, на центр. Главные силы неприятельской армии были брошены на центральное направление с целью захватить столицу и тем самым сломить сопротивление Советского государства. В октябре 1941 года на Москву наступала 51 вражеская дивизия, в том числе большое количество бронетанковых войск. До начала зимы немцы перебросили сюда из-под Ленинграда 4-ю танковую армию, стремясь превосходством сил сломить сопротивление советских воинов под Москвой.

20 октября 1941 года Москва была объявлена на осадном положении. Передовые части противника в начале декабря подошли вплотную к предместьям столицы. Немецкие газеты, радио сообщили: «Германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль».

Нависла весьма серьезная опасность. Чтобы устранить ее, надо было подготовленные в глубине страны резервы войск сосредоточить под Москвой. В подкреплении резервами нуждались и другие фронты, в частности Ленинградский, но распылять силы в такое время означало ослабить себя в самом опасном для судьбы страны месте.

Собрав в кулак резервы, Верховное Главнокомандование наносит сокрушительный удар по врагу в решающем исход кампании 1941 года пункте. Предпринятый немцами лобовой удар на столицу закончился для них крупным поражением. 5—6 декабря 1941 года войска Западного фронта перешли в наступление и гнали врага на запад почти всю зиму, уничтожив при этом большое количество живой силы и боевой техники неприятеля. Чтобы остановить контрнаступление Красной Армии, ставка Гитлера вынуждена была подтянуть из глубокого тыла и израсходовать значительные резервы своих войск, предназначенных для летнего наступления.

Осуществляя стратегический план разгрома сил противника, Государственный Комитет Обороны ни на минуту не забывал о Ленинграде. Зная, какое значение для осажденных имеет Северная дорога, захваченная врагом на большом протяжении, советское командование, как уже говорилось, в конце ноября в трудных условиях предпринимает наступление в районе Тихвина, чтобы вслед за освобождением города возобновить подвоз продовольствия и других грузов по железной дороге возможно ближе к Ленинграду. Войска Волховского и Северо-Западного фронтов активными действиями сковывали противника и тем самым существенно облегчали положение осажденных.

Прорвать блокаду в 1941 году без большого отвлечения войск с других фронтов не было возможности по изложенным выше причинам.

Немецкое командование не могло примириться с провалом своих планов и поражением под Москвой и начало лихорадочно готовиться к новому наступлению. В апреле 1942 года Гитлер издает директиву, в которой указывалось:

«...Как только условия погоды и местности станут благоприятными, германское верховное командование и германские вооруженные силы должны снова взять в свои руки инициативу, чтобы навязать противнику нашу волю.

Задача заключается в истреблении всего оборонного потенциала, оставшегося у Советов, и в том, чтобы отрезать их, насколько возможно, от их важнейших источников снабжения. Для осуществления этого намечено удерживать центральный участок фронта на севере, чтобы добиться падения Ленинграда... а на южном фланге армейского фронта форсировать прорыв на Кавказ... Для начала все имеющиеся в наличии силы должны

быть объединены для основных операций в южном секторе, целью которых является уничтожение противника перед Доном, с тем чтобы достигнуть нефтяного района Кавказа и перевалить за Кавказские горы... Мы должны попытаться достигнуть Сталинграда или по крайней мере подвергнуть этот город бомбардировке нашим тяжелым вооружением в такой степени, чтобы в будущем он был уничтожен как центр производства вооружений и транспортный узел».

Стянув почти все свои силы на советско-германский фронт, немцы к началу летнего наступления 1942 года имели здесь на 70 дивизий больше, чем летом минувшего года, в период развернутого наступления на Советский Союз. Щедро награждает фашистское правительство генералов и офицеров орденами различных степеней, производит их в более высокие чины и ранги, поднимая воинственный дух командного состава и разжигая в его среде стремление продвинуться по служебной лестнице. 30 июня 1942 года Гитлер специальным приказом отмечает большие заслуги командующего группой «Север» Кюхлера и производит его за успешную блокаду Ленинграда в чин генерал-фельдмаршала, раздувая этим актом потухающий огонек надежды среди солдат его группы войск по овладению важнейшим промышленным центром России.

Сосредоточив в соответствии с директивой Гитлера главные силы своей армии на Юго-Западном направлении, немецко-фашистское командование бросило их в наступление по российской равнине широким веером. К концу августа им удалось далеко продвинуться вперед. Напрягая все силы, противник стремился отрезать действующие советские войска от Волги и Урала, лишить их источников снабжения, уничтожить оборонные предприятия, сломить дух сопротивления Советской Армии и добиться победы.

Общая обстановка в этот период была исключительно напряженной. Основные силы наших войск были направлены против главной группировки противника. Здесь, под Сталинградом, в кульминационном пункте сражения, решался исход предпринятой немцами кампании 1942 года. По мере развертывания боев фашистское командование стягивало сюда все новые и новые дивизии с других направлений, но овладеть Сталинградом так и не смогло.

В ноябре — начале декабря 1942 года советские войска окружили, а в январе — начале февраля 1943 года

разгромили главную группировку неприятеля, прорвали фронт немцев и перешли в наступление, отбросив врага на сотни километров на запад. Верховный штаб Гитлера, пытаясь остановить мощное наступление советских войск, стягивал на юг дивизии со всех фронтов.

Используя благоприятно сложившуюся обстановку, войска Волховского и Ленинградского фронтов, усиленные резервами Верховного Главнокомандования, ударили с двух сторон по укрепленным позициям неприятеля в районе южнее Ладожского озера.

Немецко-фашистские части, опираясь на мощную оборонительную полосу глубиной 14—15 километров, густую сеть траншей со множеством огневых точек, оказали сильное сопротивление. После семидневных исключительно тяжелых боев враг был отброшен от южного побережья Ладоги на 10 километров. В прорыве вражеской обороны весьма большую роль сыграла артиллерия. За период с 12 по 18 января только артиллерия 2-й ударной армии выпустила по врагу около 639 тысяч снарядов и мин [1]. Шестнадцатимесячная блокада Ленинграда усилиями советских воинов 18 января 1943 года была прорвана. Крупные населенные пункты Марьино, Липка, многие рабочие поселки, станции Подгорная и Синявино, а также город Шлиссельбург были освобождены. С радостно бьющимся сердцем восприняли эту благодатную весть ленинградцы.

Сложную операцию по прорыву блокады блистательно провели командующий Ленфронтом Л. А. Говоров и командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков. А координацию действий двух фронтов — Волховского и Ленинградского — успешно осуществили представители Ставки Г. К. Жуков и К. Е. Ворошилов. Перед началом операции над ней много и кропотливо трудились штабы фронтов и Генеральный штаб. Своевременная и тщательная подготовка позволила с наименьшими потерями для нас обеспечить прорыв столь сильно укрепленной полосы противника.

Правительство, желая как можно скорее оказать серьезную поддержку населению и защитникам города, принимает меры к форсированному строительству железной дороги в полосе прорыва. За 18 дней была построена дорога протяжением 33 километра и сооружен через Неву временный железнодорожный мост. Как только установилась прямая железнодорожная связь со стра-

[1] Архив МО СССР, ф. 204, оп. 107, д. 73, л. 134.

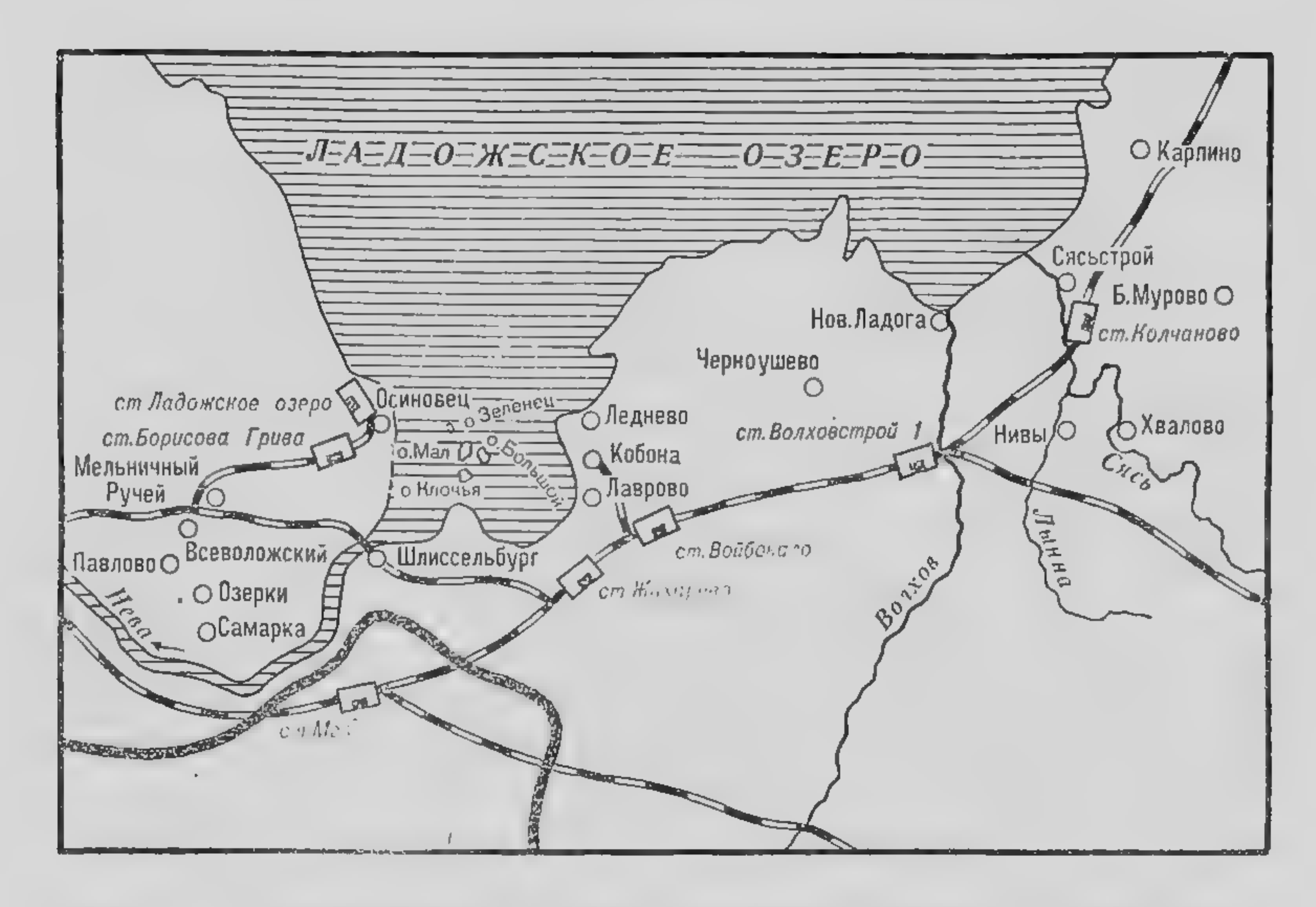

Схема 7. Восстановление железнодорожной связи с Ленинградом после прорыва блокады.

ной, снабжение города улучшилось. Завезли уголь, промышленность получила электроэнергию, замороженные заводы, фабрики ожили. Город восстанавливал свои на время утраченные силы.

Общая же обстановка на советско-германском фронте оставалась все еще напряженной и не позволяла в это время полностью разгромить вражеские войска под Ленинградом.

Армия неприятеля после поражения под Сталинградом хотя и находилась в большом упадке, но не утратила активной способности продолжать войну. Более того, фашистское правительство Германии мобилизовало все имевшиеся в его распоряжении людские и материальные ресурсы и вновь готовилось нанести решающий удар по советским войскам.

В 1943 году Гитлер решил излить свою ярость завоевателя в наступлении с орловского и белгородского плацдармов. Расчет его состоял в том, чтобы разгромить советские войска Центрального и Воронежского фронтов на так называемой Курской дуге и открыть путь к желанной цели — Москве. Сосредоточив большое количество войск, оснастив их новыми мощными танками «тигр», «пантера», самоходными орудиями «фердинанд», противотанковыми фаустпатронами и другими смерто-

косными средствами, гитлеровское командование в начале июля 1943 года бросило их в наступление.

Однако не только план наступления, но даже час начала вражеской атаки был своевременно раскрыт советским командованием. Враг был лишен преимущества внезапности. В упорном кровопролитном сражении неприятельская армия была разбита. Вслед за поражением главных сил противника под Курском Советская Армия одержала еще ряд побед.

Обстановка к концу 1943 года коренным образом изменилась. Наши войска на всех фронтах готовились к новым решающим ударам по врагу.

Под Ленинградом немецко-фашистские дивизии продолжали оставаться на своих позициях на значительной протяженности линии фронта. Гитлер и его штаб все еще рассчитывали овладеть осажденным городом.

Но наступил и здесь час расплаты. Войска Ленфронта, хорошо подготовленные и оснащенные боевой техникой, под командованием генерала армии Говорова в середине января 1944 года перешли в наступление из районов Ораниенбаума и Пулкова. Форты и корабли Балтийского флота открыли ураганный огонь по укрепленным позициям немцев. Одновременно всеми силами ударил по врагу Волховский фронт, войска которого, охватывая Новгород с южной и северной сторон, продвигались в направлении к Луге, наперерез коммуникации неприятеля. 2-й Прибалтийский фронт до начала наступления Ленинградского и Волховского фронтов активными действиями сковал вражеские резервы и не позволил перебросить их под Ленинград. В результате тщательно разработанного талантливыми полководцами плана, хорошо организованного взаимодействия войск трех фронтов и Балтийского флота сильнейшая группировка немцев была разгромлена, и Ленинград полностью освободился от блокады.

С большим чувством радости советские люди восприняли эту весть. В адрес ленинградцев нескончаемым потоком стали поступать письма, телеграммы из далеких сел, аулов, рабочих поселков, городов. Все, как могли, выражали свою радость.

Много поздравлений поступило и из зарубежных стран. Президент Соединенных Штатов Америки Франклин Рузвельт прислал специальную грамоту Ленинграду, в которой отмечается его героическое сопротивление силам агрессии, неустрашимость доблестных воинов, всех ленинградцев — мужчин, женщин и детей, защи-

щавших свой город в трудных условиях блокады, несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода и голода.

И тогда, и теперь, когда прошло более сорока лет с тех пор, как Ленинград полностью освободился от блокады, людей всего мира поражало и поражает одно: как могли ленинградцы при таких лишениях выдержать беспримерную в истории войн борьбу? В чем была их сила?

Ленинград выдержал столь длительную осаду, прежде всего, потому, что население, воспитанное на революционных, боевых и трудовых традициях, до последнего вздоха защищало город. И хотя не было ни дров, ни угля, а зима стояла лютая, велись орудийные обстрелы и днем и ночью, пылали пожары, мучил острый голод — ленинградцы все перенесли. Люди находили в себе такую силу, которая может преодолеть самые страшные испытания,— это любовь к Родине. Защита Отечества стала для них долгом гражданским, национальным, социальным.

С первых и до последних дней осады борьбой защитников города руководил Центральный Комитет Коммунистической партии. Под его руководством Ленинградская партийная организация возглавила оборону города, ее энергичная деятельность воодушевляла и сплачивала защитников на решительное сопротивление врагу.

Доверие народа к руководителям во многом зависит от того, как они ведут себя в трудное для людей время, а действия Жданова, Ворошилова, Жукова, Говорова, Кузнецова, Трибуца, Попкова, Штыкова, Соловьева, Капустина, Лагунова были столь решительными, что ни у кого не было сомнения в правоте их слов и поступков. С первого и до последнего дня блокады они крепко держали нить руководства военной, политической и экономической жизнью города, сохраняли революционный порядок и дисциплину, одобряемые населением и воинами фронта.

Советский народ морально и материально поддерживал осажденных. Эти чаяния всех людей нашей страны хорошо отражены в обращении граждан Степновского района Ставропольщины, опубликованном в газете «Орджоникидзевская правда» в июле 1942 года. Я позволю себе привести его с небольшими сокращениями.

«Дорогие товарищи!

Кто из нас не носит в сердце любовь к великому городу, который назван бессмертным именем Ленина?

Многим из нас не доводилось бывать в Ленинграде, но мы знаем и любим его.

С гордостью и восхищением следим мы за беспримерными подвигами ленинградцев. Как ни изощряются гитлеровские банды захватить город, все уловки врага разбиваются о стойкое мужество осажденных.

Отдаленные от Ленинграда не одной тысячью километров, мы, трудящиеся Степновского района, как и весь наш народ, живем с ним одной жизнью, одним дыханием, одним стремлением — быстрее уничтожить оккупантов.

Восхищенные боевым духом трудящихся города Ленина и их готовностью во имя победы над фашизмом идти на преодоление любых трудностей и испытаний, колхозники, рабочие МТС и совхозов, интеллигенция нашего района единодушно решили помочь мужественным ленинградцам в их героической борьбе.

Проявим братскую заботу о защитниках Ленинграда. Пусть еще и еще раз почувствует население города, что оно в своей борьбе не одиноко, что за ленинградцами — весь советский народ.

Пошлем в город Ленина десятки вагонов с продовольствием.

Да здравствует героический Ленинград!»

Внимание к Ленинграду, забота о населении осажденного города служили источником силы ленинградцев.

Летняя кампания 1944 года проходила под знаком явного преимущества наших войск. Возглавляемые Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, К. К. Рокоссовским, Ф. И. Толбухиным, Р. Я. Малиновским, А. М. Василевским, И. Х. Баграмяном, они наносили сокрушительные удары фашистской армии. Крупные группировки вражеских войск оказались в окружении. Оборонительный фронт немцев был прорван на протяжении 2200 километров.

В конце апреля 1945 года наши войска вели бои уже на улицах Берлина. 30 апреля в штаб-квартиру Гитлера пришло сообщение о конце, постигшем его собрата Муссолини. Это известие зловеще напоминало Гитлеру о его собственной судьбе. Он ясно представлял, что пришел конец и ему не избежать виселицы.

В ночь на 1 мая «ясновидец и стратег» Адольф Гитлер, рассчитывавший в начале войны стать властелином мира, покончил с собою. Его труп был сожжен во дворе. Погребальный костер фюрера, пылавший под грохот со-

ветских орудий, ознаменовал бесславный конец Третьей империи.

Итак, Гитлер и его окружение, мечтавшие о «жизненном пространстве» для Германской империи, без малейшего повода предательски напавшие на нашу Родину, столкнулись с неустрашимым народом. Прошло четыре тяжелых, бурных года борьбы. Много мук, страданий и горя перенесли советские люди за это время, но их дух оставался непреклонным. Под напором несокрушимой силы наших доблестных войск фашистская Германия с ее многомиллионной разбитой армией полностью капитулировала. Нацистская тирания была повержена. Советские воины, мирные граждане, павшие в этой войне, не напрасно отдали свои жизни. Те же, кто дошел до победного конца, будут всегда преисполнены чувства гордости за свой народ, за своих товарищей, за себя.

2

Окончилась война. Ленинградцы не покладая рук в трудных условиях взялись за восстановление жилых домов, заводов, городского транспорта. А раны, нанесенные фашистами городу, были тяжелыми, кровоточащими. Из строя было выведено 840 промышленных предприятий, разрушено 44 километра водопроводных труб и 75 километров канализационной сети, полностью уничтожена 8-я ГЭС, мощность которой составляла 200 тысяч киловатт. Но наибольший ущерб враг нанес жилым домам. Более 3 тысяч домов сгорело или было разрушено, 7 тысяч повреждено и 9 тысяч деревянных домов разобрано на топливо. Более 5 миллионов квадратных метров жилой площади лишился Ленинград. Сотни тысяч людей остались без крова. Враг разрушил дворцы, построенные прославленными зодчими в Пушкине, Петродворце, Павловске, Стрельне, Гатчине.

Значительные повреждения были нанесены таким уникальным зданиям, как Эрмитаж, Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина, Академия художеств, Театр имени Пушкина. Пулковскую обсерваторию фашисты превратили в развалины. Общий ущерб, причиненный городскому хозяйству Ленинграда, исчислялся многими миллиардами рублей. Велики и ужасны были последствия войны и блокады, но все позади. Мир после столь длительной и разрушительной войны, как хороший дождь после засухи, все оживил — промышленность,

торговлю, строительство. Людей охватило чувство созидания.

26 января 1945 года, в годовщину снятия блокады Ленинграда, Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о награждении Ленинграда орденом Ленина. Вручать орден приехал М. И. Калинин. После официальных торжеств вечером в загородном доме состоялся прием. Людей было много, все радостно настроенные: в награде города каждый видел частицу и своего труда. Здесь произошла моя первая беседа с Михаилом Ивановичем. Я знал его и раньше, имел честь получить первый орден Красного Знамени из его рук, но говорить с ним не доводилось. А. А. Кузнецов, представляя меня М. И. Калинину, сказал несколько добрых слов в мой адрес. Михаил Иванович подал мне руку, снял очки, протер их, посетовал на то, что стал плохо видеть.

Мы — М. И. Калинин, А. А. Кузнецов, П. С. Попков и я — сели за небольшой столик, беседа была дружеская, душевная. Михаил Иванович интересовался всем, что делается для улучшения жизни людей, переживших блокаду.

— Все, чем мы располагаем, отдаем на восстановление жилых домов,— ответил П. С. Попков.

— Многие тысячи ленинградцев живут кто где,— добавил Кузнецов.— Дети оторваны от родителей. Многие еще находятся в эвакуации. Стремимся быстрее вернуть всех их домой, объединить семьи.

— Это хорошо,— заметил Калинин,— что вы восстанавливаете дома, заботитесь об устройстве людей. Мы обязаны сделать все, что в наших силах.

Голос Михаила Ивановича был тихий, смотрел на нас он добрыми, немного слезящимися глазами. И эта памятная для меня встреча, как оказалось, была последней: в июне 1946 года М. И. Калинин умер. Каждый раз, когда я прохожу мимо его могилы у Кремлевской стены, склоняю голову. Вспоминаю нашу беседу, его мягкую, добрую улыбку, его чуткую душу, глубоко воспринимавшую горе людей, его любовь к народу.

Ленинградцы в короткий срок восстановили разрушенные здания, наряду с этими работами проводилось новое жилищное и коммунальное строительство. На месте сгоревших деревянных домов воздвигнуты целые кварталы каменных многоэтажных жилых зданий. К началу 1969 года было построено более 27 миллионов квадратных метров жилой площади. Чтобы лучше уяснить грандиозность этого строительства, следует вспом-

нить, что до войны общий жилой фонд города составлял 24 миллиона квадратных метров. Только за последние годы в городе и области несколько сот тысяч семей получили новые благоустроенные квартиры.

Вновь проложены на многие сотни километров водопроводные трубы, тепловые сети протянулись уже на тысячи километров (вместо 130 километров в 1940 году). Построен чудесный метрополитен, охватывающий почти все районы Ленинграда, о чем так мечтало руководство города в дни блокады. Комфортабельные поезда перевозят миллионы человек ежедневно. Разбиты новые парки и сады вокруг и внутри города. Проложены новые улицы, построены красивые широкие мосты, одеты в камень набережные каналов, воздвигнуты великолепные общественные здания, спортивные сооружения.

Близка к практическому осуществлению вековая мечта людей надежно защитить город на Неве от наводнений. Работы по созданию мощных дамб и других защитных сооружений ведутся темпами, радующими ленинградцев.

Промышленные предприятия изготовляют наиболее современные машины и оборудование. Валовая продукция увеличилась по сравнению с 1940 годом более чем в восемь раз. Построено большое количество детских садов, школ, магазинов. Население Ленинграда превысило довоенный уровень и приближается к 5 миллионам человек.

Неузнаваемо изменился облик сел и городов Ленинградской области: такие города, как Луга, Кингисепп, Тихвин, Кириши, разрушенные в годы войны почти до основания, возродились заново. Вместо деревянных домишек, узких улиц, небольших мастерских здесь поднялись красивые каменные дома со всеми удобствами для живущих в них граждан, крупные промышленные предприятия, возникли проспекты.

Интенсивно, особенно за последние два пятилетия, развивалось сельское хозяйство. Областная партийная организация боролась за внедрение прогрессивных методов работы на полях и фермах. Совхозы, оснащенные передовой техникой, экономически окрепли, стали полностью обеспечивать потребность Ленинграда в молочных продуктах, овощах и в значительной мере в мясе. Это большое достижение. Я хорошо знаю, что в довоенные и многие послевоенные годы приходилось завозить в Ленинград капусту, огурцы, свеклу, лук, яйца, молочные продукты, мясо в больших объемах с Украины, Се-

верного Кавказа, из других областей и республик страны. Это дорого обходилось государству, загружался железнодорожный транспорт, в результате многочисленных перевозок снижалось качество продуктов.

Каждая пятилетка была ступенью роста, но особенно крупных результатов труженики сельского хозяйства Ленинградской области добились за десятую и в годы одиннадцатой пятилетки. В расчете на сто гектаров угодий теперь производится свыше тысячи центнеров молока, заметно возросла продуктивность мясного животноводства.

27 января 1984 года трудящиеся Ленинграда и области с большим подъемом встретили знаменательную дату — 40-летие снятия блокады города и разгрома фашистских войск, окружавших длительное время Ленинград.

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении орденом Октябрьской Революции Ленинградской области за достигнутые ею успехи в хозяйственном и культурном строительстве, за мужество и стойкость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Вручать орден приехал член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Г. В. Романов. Он многие годы возглавлял Ленинградскую областную партийную организацию, хорошо знает руководящие кадры города и области. При его активном содействии экономика Ленинграда и области далеко шагнула вперед. В начале войны Г. В. Романов восемнадцатилетним юношей вступил в ряды народного ополчения и уже в июле, защищая Ленинград, участвовал в боях на Лужском оборонительном рубеже.

С большим вниманием ленинградцы слушали его речь: о тяжелых днях блокады, о стойкости и мужестве защитников города, о разгроме немецко-фашистских войск. От имени ЦК КПСС он высоко оценил трудовые усилия ленинградцев по осуществлению крупных социальных преобразований.

— Какую сторону жизни ни взять,— говорил Григорий Васильевич,— повсюду мы видим большие позитивные перемены, перемены, трудно сравнимые не только с первыми послевоенными пятилетками, но и с масштабами тех экономических и социальных задач, которые решались десять-пятнадцать лет назад[1].

---

[1] Ленинградская правда, 1984, 28 янв.

На торжественном заседании выступил первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Л. Н. Зайков. От имени всех жителей города и области он выразил глубокую благодарность Центральному Комитету Коммунистической партии и Президиуму Верховного Совета СССР за высокую оценку ратных и трудовых дел ленинградцев.

— ...В нашем прекрасном городе,— сказал Л. Н. Зайков,— уже давно не осталось снарядных воронок, разбитых бомбами домов. Но есть опаленная войной память сердца, память народная. Эта память хранит налеты фашистских стервятников, павших на улицах от голода ленинградцев, жестокие обстрелы больниц, жилых домов и детских садов. Всего за период блокады по городу было выпущено около ста пятидесяти тысяч артиллерийских снарядов, сброшено более ста тысяч авиабомб. Однако ни пушки, ни танки, ни самолеты гитлеровских палачей не смогли преодолеть сплав мужества, веры в победу, любви к Родине советских людей, которые преградили путь врагу [1].

Беседуя с ветеранами войны, я видел их взволнованные лица. Мы вспомнили многих активных участников обороны города, которых уже нет среди живых. Время неумолимо, годы берут свое. В самые трудные дни блокады эти славные защитники Ленинграда не теряли самообладания, работали дружно, не щадя жизни боролись с врагом. Если бы они могли видеть все то, что произошло за послевоенные годы, они были бы счастливы и вместе с нами разделили бы радость за нашу партию, за наш народ.

Ленинградцы живут полнокровной жизнью. Своими трудовыми успехами они умножают славу великого города. Бережно сохраняется память о его доблестных защитниках в грозные годы войны. Не забыты имена героев, их стойкость, их подвиги. Воздвигнуты памятники, открыты музеи, посвященные героическим событиям военных лет. Все это дорого сердцу человека, пережившего блокаду.

На Пискаревском кладбище, где погребены сотни тысяч ленинградцев, погибших во время блокады, сооружен грандиозный архитектурно-скульптурный ансамбль. Здесь на гранитном пьедестале возвышается шестиметровая бронзовая фигура, олицетворяющая Мать-Родину. В память о похороненных на кладбище горожанах и

---

[1] Ленинградская правда, 1984, 28 янв.

воинах горит Вечный огонь. И каждый человек, вступая на порог святилища, проходя мимо могил, склоняет голову в знак глубокой признательности ленинградцам, павшим во имя свободы и независимости нашей Родины.

На берегу Ладожского озера воздвигнут памятник героям ладожской трассы. Это бетонная площадка, на которой отпечатаны протекторы автомобильных шин. Площадку охватывают бетонные полуарки, между которыми оставлен маленький просвет,— Дорога жизни в кольце блокады. Памятник простой, но хорошо символизирует прошлое.

В Осиновце, недалеко от маяка, открыт музей Дороги жизни. В нем собраны многие подлинные документы, фотоснимки, карты, наглядно показывающие, где пролегали пути-дороги по озеру зимой и летом. Персонал музея малочисленный, но весьма компетентный. Сотрудники обстоятельно и душевно поясняют посетителям историю ладожской коммуникации. Рассказывают о ее защитниках и тружениках, с почтением, я бы сказал, с любовью, называют имена М. А. Нефедова, А. М. Шилова, Н. Ф. Лагунова, В. С. Черокова, И. С. Исакова, много сделавших для создания порта в Осиновце, для оборудования водной и ледовой трасс, их охраны, эвакуации населения и доставки грузов.

Дорога от Ленинграда до Ладожского озера, где постоянно витала смерть и так ярко проявлялась доблесть многих тысяч людей, является живой страницей истории борьбы осажденных.

С разных уголков земли приезжают люди на берега Ладожского озера, чтобы своими глазами увидеть легендарную Дорогу жизни. Каждый километр ее пути отмечен небольшими гранитными столбиками, надписями, говорящими о тяжелых днях блокады, о торжестве победы над лютым врагом человечества — фашизмом.

Все это хорошо и нужно. Но каменные плиты имеют однообразный вид без живой зелени. Вот почему комсомольцы и молодежь Ленинграда и области решили посадить деревья вдоль Дороги жизни. Березы, липы, тополя будут расти на всем ее протяжении от Ленинграда до Ладожского озера.

Пройдут годы, вырастут деревья, их зеленые кроны будут склоняться над Дорогой жизни и вечно прославлять тех, кто в страшную годину защищал Ленинград.

Многое изменилось за 40 лет на берегах озера, преобразилась деревня Коккорево. Вместо ветхих изб воз-

никли новые добротные бревенчатые дома. Жители деревни работают в поле, ловят рыбу, воспитывают детей. Хорошо и привольно живут коккоревцы. Невольно задаешь себе вопрос: а была ли здесь война, рвались ли бомбы, голодали ли люди? Если бы я не был свидетелем драматической жизни этой приозерной деревушки, не поверил бы. Время многое стерло, но коккоревцы чтут память тех, кто сохранил их очаг, помог им выстоять. Они проводят встречи с ветеранами войны, отмечают памятные даты. А ведь это и есть сопричастность нового поколения к тому прошлому, за которое их отцы и матери боролись.

В самом Ленинграде, как уже было сказано, многое сделано для увековечения памяти защитников города.

В Музее истории Ленинграда часть помещения отведена экспозициям об обороне города во время Великой Отечественной войны. В первый период работы музея эти экспозиции лишь в малой доле отражали ту героическую эпопею, которая так памятна современникам. Но за последние годы увеличена площадь для показа боевых действий войск фронта и Балтийского флота. Более обстоятельно отражена жизнь осажденных, их борьба с фашистскими захватчиками. Залы оснащены экспонатами, фотографиями людей, отличившихся в защите города.

Поток посетителей музея значительный, и среди них есть те, кто грудью защищал город, кто доблестным трудом крепил его оборону, кто помогал ленинградцам в тяжелые дни осады из различных городов и сел нашей Родины. Много молодежи, немало приезжих из других стран — все они хотят лучше знать прошлое, запечатлеть в памяти беспримерную стойкость защитников Ленинграда.

Как велико стремление сохранить память о доблестных делах осажденных, говорят письма граждан нашей страны. В них высказываются пожелания, чтобы музей собрал и сохранил все реликвии героической защиты Ленинграда. Вот одно из таких писем — от бывшего солдата Волховского фронта М. Д. Ощепкова, проживающего в Алтайском крае:

«Я сражался за освобождение Ленинграда со стороны Волховского фронта. Весною 1942 года был ранен осколком разорвавшегося снаряда. Этот осколок до сих пор сидит в моем теле. Я дал наказ родным — после моей смерти осколок вынуть и послать в Музей обороны Ленинграда. Пусть молодежь смотрит и знает, что за-

щитники города в грозное время нашествия на нашу Родину сражались, не покидая поле боя даже раненные, во имя своего Отечества, за счастье наших детей».

На площади Победы, при въезде в город со стороны Москвы, воздвигнут Монумент в честь героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Скульптурные группы солдат, матросов, летчиков, рабочих выражают порыв к борьбе, непреклонную волю к победе.

Обойдя памятник, я спустился по отлогой лестнице и попал в подземный Памятный зал и здесь, словно зачарованный, застыл от величественной картины, раскрывшейся перед глазами: строгая расстановка исторических реликвий, портреты героев войны, экспонаты суровых дней блокады, лаконичные надписи, дающие представление о героическом времени тем, кто не был в осажденном городе. Многие предметы хорошо знакомы людям, пережившим блокаду. Тихие звуки музыки Чайковского, Шопена, Моцарта, неяркие огни электросвечей усиливают эмоциональное воздействие мемориала на человека.

Осмотрев зал, поднимаюсь наверх с чувством благодарности ленинградцам, руководству города. На средства, собранные народом, в короткий срок был воздвигнут монумент, увековечивающий подвиг советских людей, героизм доблестных воинов Красной Армии в Великой Отечественной войне. Вызывает восхищение талант создателей этого мемориала — скульптора М. К. Аникушина, архитекторов С. Б. Сперанского, В. А. Каменского, рабочих, художников.

Ленинград бесконечно дорог каждому советскому человеку. Здесь во главе с В. И. Лениным образовалось Советское правительство — правительство первого в мире государства пролетарской диктатуры. После смерти В. И. Ленина Второй Всесоюзный съезд Советов в 1924 году вынес постановление о переименовании Петрограда в Ленинград. «Пусть отныне,— говорилось в постановлении,— этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

Ленинградцы с законной гордостью носят это славное имя. И когда враг занес меч над городом, мужчины и женщины встали грудью на его защиту. Многие из них пали смертью героев, но знамя Ленина не уронили. Они пронесли его гордо через все испытания, и их под-

виг, самоотверженность, мужество народ будет вечно прославлять.

Современники и последующие поколения будут глубоко признательны тем людям и организациям, которые на высоком художественном уровне и с большой полнотой отобразят все то, что помогает молодежи наглядно представить физическую, моральную, духовную силу дедов и отцов и воспитывает эти качества в новых поколениях; все то, что прославляет нашу страну и народ; все то, что сохраняет память о деяниях умерших, не склонивших головы перед иноземными захватчиками и своей жизнью отстоявших свободу, честь и независимость Родины.

С высоты грядущих лет подвиг нашего народа будет еще величественнее.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАТЫ НЕКОТОРЫХ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

1941 год

4 сентября	Начало артиллерийского обстрела Ленинграда.
8 сентября	Захват немцами Шлиссельбурга. Начало блокады Ленинграда. Первый массированный налет вражеской авиации на город.
12 сентября	Сокращение норм выдачи населению хлеба, мяса, крупы. Прибытие в Осиновец первых судов с продовольствием с восточного берега Ладожского озера.
29 сентября	Стабилизация линии фронта вокруг Ленинграда.
1 октября	Сокращение норм выдачи хлеба населению и норм довольствия войскам.
8 ноября	Советские войска оставили Тихвин. Сокращение норм довольствия войскам.
13 ноября	Сокращение выдачи продовольствия населению.
16 ноября	Начало переброски продовольственных грузов самолетами в Ленинград.
20 ноября	Сокращение норм выдачи хлеба и других продуктов населению.
22 ноября	Начало движения автотранспорта по ледовой дороге через озеро.
9 декабря	Разгром немецкой группировки под Тихвином. Освобождение Тихвина от захватчиков.
25 декабря	Первое увеличение норм выдачи хлеба населению.

1942 год

1 января	Открытие сквозного железнодорожного движения до Войбокало — Жихарево.
24 января	Второе увеличение норм выдачи хлеба.
10 февраля	Сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка от Войбокало до Кобоны.
11 февраля	Увеличение норм выдачи продовольствия населению.
22 декабря	Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За оборону Ленинграда».

1943 год

18 января	Прорыв блокады. Соединение Ленинградского и Волховского фронтов.
6 февраля	В Ленинград прибыл первый поезд по вновь построенной в полосе прорыва железной дороге.

1944 год

14—27 января	Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрий Васильевич Павлов

Ленинград
в блокаде

Редактор Ю. А. Васильев
Младший редактор М. В. Тоскина
Художник А. К. Тимошевский
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Л. М. Ван-Заам

ИБ № 3658
Сдано в набор 29.10.84. Подписано к печати 14.02.85. М-27233. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60+вкл. Усл. кр.-отт. 14,08. Уч.-изд. л. 13,50+0,71=14,21. Тираж 100 000 экз. Заказ № 680. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Павлов Д. В.

П12 Ленинград в блокаде. — 6-е изд., испр. и доп. — Л.: Лениздат, 1985. — 238 с., ил.

В книге рассказывается о жизни осажденного Ленинграда, об организации продовольственного снабжения войск Ленинградского фронта и населения города, о мужестве, стойкости и непоколебимом духе ленинградцев, об их непреклонной вере в победу.

Автор — Дмитрий Васильевич Павлов — с начала блокады и до конца января 1942 года был уполномоченным Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда.

Книга получила широкий отклик как в СССР, так и за рубежом. Настоящее издание пополнено многими важными фактами и материалами.

Рассчитана на широкий круг читателей.

П $\frac{0505030202-028}{M171(03)-85}$ 93—85 9(с)27

